891.7
К-21

Н. В. Карабановъ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1444827

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

Колич. предыд. выдачи

3 хр
6
9(47)
891.7
К 21
9(47)
К 21.

Н. В. КАРАБАНОВЪ.

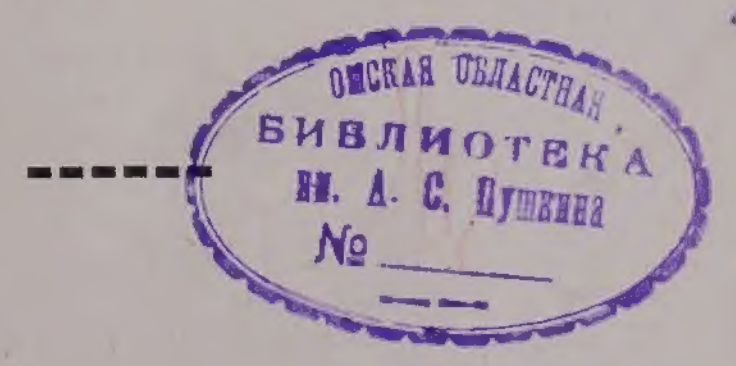
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

144427.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

СО МНОЖЕСТВОМЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ, СНИМКОВЪ СЪ КАРТИНЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ ГЕРОЕВЪ 1812 ГОДА.



ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА.
МОСКВА. — 1912.

91

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

СОДЕРЖАНІЕ.

Императору Александру. Стих. *В. А. Жуковскаго*. 1
Наполеонъ. Стих. *Ѳ. И. Тютчева*. 19
Наполеонъ. Стих. *Пушкина*. 22
Сказаніе о 1812 годѣ. Стих. *А. Н. Майкова*. 26
Два великана. Стих. *Лермонтова*. 28
Первыя извѣстія о вступленіи непріятелей. *А. И. Лемана* . . . 29
Переходъ черезъ Нѣманъ. Стих. *Я. П. Полонскаго и Ѳ. И. Тютчева* 34
Русскій посолъ у Наполеона. *А. И. Лемана*. 36
Занятіе Вильны. *М. Лавриновича*. 48
Арьергардная стычка подъ Витебскомъ. *В. М. Шаховскаго*. . . 60
Похороны убитыхъ товарищей. *В. М. Шаховскаго*. 71
Сраженіе подъ Смоленскомъ. *Мордовцева*. 76
Н. Дурова. Автобіографія. 88
Полководецъ. (Барклай-де-Толли). Стих. *Пушкина* 93
На передовой цѣпи. *Загоскина*. 97
Перемѣна главнокомандующаго. *Д. С. Дмитріева* 103
Отъѣздъ изъ Богучарова. *Л. Н. Толстого* 105
Дѣло 15 августа при дер. Семехахъ. *М. Н. Загоскина* 118
Бородинское сраженіе. *Любецкаго* 130
Битва при курганѣ Раевскаго. *Л. Н. Толстого* 140
Бородино. *М. Ю. Лермонтова*. 149
Бородинская годовщина. *В. А. Жуковскаго* 152
Отъѣздъ Ростовыхъ изъ Москвы. *Л. Н. Толстого*. 158
Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ. *В. А. Жуковскаго* 162
Военный совѣтъ въ Филяхъ. *Л. Н. Толстого* 182
Лагерь. *Мордовцева* 189
Вступленіе Наполеона въ Москву. *Д. С. Дмитріева*. 201
Наполеонъ въ Кремлѣ. *Данилевскаго*. 204
Подвигъ московскаго купца. *М. Н. Загоскина*. 216
Ворона и Курица. Басня *Крылова* 229

На допросѣ у маршала Даву. *Данилевскаго* 230
Въ Московскомъ ополченіи. *М. Н. Загоскина*. 242
Волкъ на псарнѣ. Басня *И. А. Крылова*. 253
Петербургское ополченіе. *Р. М. Зотова*. 254
Обозъ. Басня *И. А. Крылова*. 265
Битва партизановъ съ фуражирами. *М. Н. Загоскина* 266
Старостиха Василиса. *Д. С. Дмитріева*. 274
Партизанскій набѣгъ. *Мордовцева* 278
Партизанъ. *Д. В. Давыдова* 287
Тарутинское сраженіе. *С. М. Любецкаго* 289
Сраженіе подъ Малоярославцемъ. *Его же*. 291
Отступленіе французовъ. *Его же*. 293
Вождю побѣдителей. *Жуковскаго*. 304
Переправа черезъ Березину. *Д. С. Дмитріева* 307
Щука и котъ. Басня *И. А. Крылова* 312
Бѣгство Наполеона. *Н. К. Шильдера* 313
Конецъ отечественной войны. *А. И. Лемана* 319
Наполеонъ на Эльбѣ. *Пушкина*. 329
На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа. *Его же* . . 332
Св. Елена. *Лермонтова* 335
Послѣднее новоселье. *Его же* . . . . . —
Ночной смотръ. *Жуковскаго* 340
Воздушный корабль. *Лермонтова* 341

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

Императоръ Александръ I.

БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Бутнева
№

Императору Александру.

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовутъ: Великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ,
Который для тебя вселенная сплетаетъ?..
О, Русскій Царь, прости! невольно увлекаетъ
Могучая рука меня къ мольбѣ въ тотъ храмъ,
Гдѣ благодарностью возженный ѳиміамъ
Стеклися въ даръ принесть тебѣ народы міра
И, радости полна, сама играетъ лира!
Кто славныхъ дѣлъ твоихъ постигнетъ красоту?
Съ благоговѣніемъ смотрю на высоту,
Которой ты достигъ по терпамъ испытанья!..
Когда, исполнены любви и упованья,
Мы шумною толпой тотъ окружали храмъ,
Гдѣ, вѣрнымъ быть царемъ клянясь Творцу и намъ,
Ты клалъ на страшный крестъ державную десницу,
И плечи юныя склонялъ подъ багряницу—
Скажи, въ сей важный часъ гдѣ мысль твоя была?
Скажи, когда вѣнецъ рука твоя брала,
Что мыслилъ ты, вблизи послушавъ клики славы,
А въ отдаленіи внимая, какъ державы
Низпровергала, врагъ земныхъ народовъ, *брань*,
Какъ троны падали подъ хищникову длань?
Ужель при слухѣ семъ душой не возмутился?

Нѣтъ! выше бурь земныхъ ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужасъ проницалъ
И въ сердцѣ Промысла судьбу свою читалъ!
Смиренно приступивъ къ сосуду примиренья,
Въ себѣ весь свой народъ ты въ руку Провидѣнья
Съ спокойной на Него надеждой положилъ —
И Соприсутственный тебя благословилъ!
Когда къ священный храмъ при громахъ растворился —
О! сколь плѣнителенъ ты намъ тогда явился,
Съ младымъ, всѣхъ благостей исполненнымъ, лицомъ,
Подъ прародительскимъ сіяющій вѣнцомъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!
Казалось, къ пламенной въ рукѣ твоей державѣ
Тогда весь твой народъ сердцами полетѣлъ;
Казалось, въ ней обѣтъ души твоей горѣлъ,
Съ которымъ ты за насъ передъ алтарь явился —
О, царь! благодаримъ! обѣтъ сей совершился!..
И Призванный тобой тебѣ не измѣнилъ.
Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
Онъ свѣтозарную печать благотворенья!
Ниспосылаемый Имъ ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена —
И, обновленныя, пышнѣе расцвѣтаютъ!
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ!
Давно ль одряхлій міръ мы зрѣли въ мертвомъ снѣ?
Тамъ, въ проницающей паденье тишинѣ,
Стояли царствія, какъ зданья обветшалы;
Къ дремотѣ преклоня главы свои усталы,
Цари сей грозный сонъ считали за покой;
И невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
Въ любви къ отечеству, ко славѣ, къ вѣрѣ хладны,
Лишь къ наслажденіямъ одной минуты жадны,
Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
Народы ликовать стекалися толпами!..

И первый Лилій тронъ у галловъ надъ главами
Вспылалъ, разверзнувшись, какъ гибельный вулканъ!
Съ его дымящихся развалинъ великанъ,
Питомецъ ужасовъ, безвластія и брани,
Воздвигся, положилъ на скипетръ тяжки длани,
И взорами на міръ ужасно засверкалъ —
И предъ страшилищемъ весь міръ затрепеталъ!
Сказавъ: нѣтъ Промысла! гигантскою стопою
Шагнулъ съ престола онъ и слѣдомъ за звѣздою
Помчался по землѣ во блескѣ и громахъ!
И Промыслъ утаясь послалъ къ нему свой *страхъ*!
Онъ тѣнью грозною вездѣ летѣлъ съ нимъ рядомъ!
И раздробляющій полки и грады взглядомъ,
Огромною рукой ту бездну покрывалъ,
Къ которой гордаго путемъ успѣха мчалъ!
Непобѣдимости мечтою ослѣпленный,
Онъ мыслилъ: „мой престолъ престоломъ будь вселенны;
Порфиры всѣхъ царей земныхъ я раздеру
И всѣ ихъ скипетры въ одной рукѣ сберу;
Народовъ бѣдствія—ступени мнѣ ко счастью;
Все, все въ развалины! на нихъ возсяду съ властью,
И буду царствовать, и мнѣ сопарствуй страхъ!
Исчезни все опять, когда я буду прахъ,
Что изъ развалинъ брань и власть соорудила —
Безсмертною моя останется могила!“
И къ человѣчеству презрѣньемъ ополченъ,
На первый свой народъ онъ двинулъ рабства плѣнъ,
Чтобы смѣлѣй сковать чужимъ народамъ длани —
И стала Галлія сокровищницей брани!
Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, взывало: брань!
Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань
Къ его ужасному престолу приносило:
Оратай, на бразды склоняя взоръ унылой,
Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ;

И мздой свою постель страданье выкупало!
И безпощадною косою подсѣкало
Самовластительство прекрасныя цвѣтъ людей;
Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,
Считало годы ихъ кровавыми перстами;
Сыны въ дому отцовъ минутными гостями
Являлись, чтобы тамъ оставить скорби слѣдъ —
И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ!
Все поколѣніе, для жатвы бранной зрѣя
И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
Невольно подвиговъ плѣнилося мечтой
И бросилось на брань съ отважной слѣпотой!..
И вслѣдъ ему всякъ часъ за ратью рать летѣла!
Стенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
И, хитростью подрыта, измѣной потрясена,
Добитый громами, за троном падалъ тронъ.
По нимъ свободы врагъ отважною стопою
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою.
Отъ Рейнскихъ твердынь до Нѣмана валовъ,
Отъ Сциллы древнія до Бельта береговъ
Одна ужасная простерлася могила!
Все смолкло... мрачная, съ кровавымъ взоромъ, сила
На грудѣ падшихъ царствъ возсѣла, стражъ царей!
Предъ симъ страшилищемъ и доблесть прежнихъ дней,
И къ просвѣщенью жаръ, и помышленья славы,
И непорочные семей смиренныхъ нравы,
Погибло все—окрестъ одинъ лишь стукъ оковъ
Смущалъ угрюмое молчаніе гробовъ,
Да ратей изрѣдка шумѣли переходы,
Спѣшащихъ истребить еще пріютъ свободы!
Унылость на сердца народовъ налегла —
Лишь вѣра въ тишинѣ звѣзды своей ждала,
Съ святымъ терпѣніемъ тяжелый крестъ любила
И взоры на востокъ съ надеждой обращала...
И грозно возблисталъ спасенья страшный годъ!
За сей могилою народовъ цвѣлъ народъ —

О, царь нашъ! твой народъ!—могучій и смиренный,
Не крѣпостью твердынь громовыхъ огражденный,
Но вѣрностью къ царю и въ славѣ тишиной!
Какъ юноша-атлетъ, всегда готовый въ бой,
Смотрѣлъ на брани онъ съ безпечностію силы...
Такъ, юныя поджавъ, но опытныя крилы,
На поднебесную глядитъ съ гнѣзда орелъ...
И злобой на него губитель закипѣлъ!
Въ несмѣтну рать столпя рабовъ ожесточенныхъ,
И на поляхъ, стопой врага не осквернѣнныхъ,
Ужъ въ мысляхъ сгромоздивъ престолъ всемірный свой,
Онъ кинулся на Русь свирѣпою войной...
О, Провидѣніе! Твоя Россія встала,
Твой ангелъ полетѣлъ, и брань твоя вспылала!
Кто, кто изобразитъ безсмертный оный часъ,
Когда, въ молчаніи народномъ, царскій гласъ
Послышался, какъ вѣсть надежды и спасенья?
О, гласъ царя! о, честь народа! пламень мщенья
Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ!
Все бранью вспыхнуло! все кинулось къ мечамъ!
И грозно въ бой пошла съ насиліемъ *свобода!*
Тогда явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость алтарей,
И тихій гробъ отцовъ, и колыбель дѣтей,
И старцевъ сѣдины, и младость дѣвъ цвѣтущихъ,
И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ грядущихъ.
Все въ пепелъ передъ нимъ! разлей пожары, месть!
Стѣною рать! что шагъ, то бой! что бой, то честь!
Предъ нимъ развалины и пепельны пустыни;
Кругомъ пустынь полки и грозныя твердыни,
Вездѣ ревущія погибельной грозой—
И старецъ-вождь средь нихъ съ невидимой судьбой!..
Холмы Бородина, дымитесь жертвой славы!..
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Тащa по гибельнымъ отмстителей слѣдамъ,
Грядетъ, грядетъ слѣпецъ, Москва, къ твоимъ стѣнамъ!

О, радость!.. онъ вступилъ!.. зажгись, костеръ свободы!
Пылаетъ!.. цѣпи въ прахъ! воскресните, народы!
Вашъ стыдъ и плѣнъ Москва, обрушась, погребла,
И въ пеплѣ мщенія свобода ожила!
И при сверканіи кремлевскаго пожара,
Съ развалинъ вставшая, призракъ ужасный, *кара*
Пошла по трепетнымъ губителя полкамъ,
И, ужасъ пригвоздивъ къ надменнымъ знаменамъ,
Надъ ними жалобно завыла! горе! горе!
И *гладъ*, при кликѣ семъ, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Свирѣпый, бросился на ратныхъ и вождей...
Тогда помчались вспять; и грудами костей,
И брошенными въ прахъ потухшими громами
Означили свой слѣдъ предъ русскими полками;
И Нѣманъ льдистый мостъ для бѣгства ихъ сковалъ!..
Сколь намъ величественъ ты, царь, тогда предсталъ,
Сжимающій вождю, въ виду полковъ, десницу,
И старца на свою ведущій колесницу,
Чтобъ вкупѣ съ нимъ летѣть съ отмщеньемъ вслѣдъ
врагамъ.
О, незабвенный часъ! За Нѣманъ знаменамъ
Ужъ отверзаешь путь властительной рукою. .
Когда же двинулись дружины предъ Тобою,
Когда раздался стукъ помчавшихся громадъ,
И грозно брегъ покрылъ коней и ратныхъ рядъ,
Пріосѣняемыхъ парящими орлами...
Сіе величіе окинувши очами,
Что ощутилъ, напъ царь, тогда въ душѣ своей?
Передъ тобою міръ подъ бременемъ цѣпей
Лежалъ, растерзанный, еще взывать не смѣя;
И человѣчество, изъ-подъ стопы злодѣя
Къ тебѣ подъемля взоръ, молило имъ: гряди!
И судія царей, потомство впереди
Вѣщало, сквозь вѣка явивъ свой ликъ священный:
„Дерзай! и нареку тебя: Благословенный!“
И въ грозный между тѣмъ полки слиянны строй,

На все готовые, съ покорной тишиной,
На твой смотрѣли взоръ и ждали мановенья.
А ты?.. Ты отъ Небесъ молилъ благословенья...
И ангелъ ихъ, гремя, на щитъ твой низлетѣлъ,
И гибелью врагамъ твой щитъ запламенѣлъ,
И руку ты простеръ... и двинулися рати!
Какъ къ возвѣстителю небесной благодати,
Во срѣтенье тебѣ народы потекли,
И вайями твой путь смиренный облекли.
Привѣтственной толпой подвинулись веси, грады;
Къ тебѣ желанія, къ тебѣ сердца и взгляды!
Тебѣ несетъ дары отъ нивы селянинъ;
Зря бодраго тебя впереди твоихъ дружинъ,
Къ мечу отъ костыля безногій воинъ рвется,
Младая старику во грудь надежда льется:
„Свободенъ, мнитъ, сойду въ свободный гробъ отцовъ!“
И смотритъ, не страшась, на зрѣющихъ сыновъ.
И ты средь плесковъ сихъ не гордый побѣдитель,
Но воли Промысла смиренный совершитель,
Шелъ тихій, благостью величество украшалъ,
Блескъ утѣшительный окрестъ тебѣ сіялъ,
И ликъ твой ясенъ былъ, какъ ясный ликъ надежды!
И вождь нашъ смертію окованныя вѣжды
Подъялъ съ усиліемъ, чтобы на славный путь,
Въ который ты вступалъ уже не съ нимъ, взглянуть
И угасая дать царю благословенье!
Сколь сладостно его съ землею разлученье!
Когда, въ послѣдній часъ, онъ рать тебѣ вручалъ
И ослабѣвшею рукою прижималъ
Къ нѣмѣющей груди царя и друга руку —
О! въ сей великій часъ забылъ онъ смерти муку!
Предъ нимъ былъ тайный свѣтъ грядущаго открытъ;
Онъ весело приникъ сѣдинами на щитъ,
И смерть его крыломъ надежды осѣнила.
И чуждый вождь — увы! судьба его щадила,
Чтобъ первой жертвой онъ на битвѣ правды палъ!

Нашъ царь, узнавъ тебя, на смерть онъ не роптalъ;
Ты руку падшему, какъ братъ, простеръ средь боя,
И сердцу вѣрному вѣнчаннаго героя —
Смягчившаго слезой его съ концомъ борьбу —
Онъ смѣло завѣщалъ отечества судьбу!..
И лишь горѣ взлетѣлъ орелъ нашъ двоеглавый,
Лишь крикнулъ голосомъ давно молчавшей славы —
Какъ всколебался тевтоновъ племена!
Къ нимъ германъ съ норда несъ свободы знамена —
И все помчалось въ строй подъ знамена свободы,
Въ одну сліялись грудь воскресшіе народы,
И всѣхъ царей рука, нашъ царь, въ рукѣ твоей
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущихъ дней.
О, славный Кульмскій бой! о, доблесть славянина!
Вотще на нихъ рвались всѣ рати исполина,
Вотще за громомъ громъ на строй ихъ налеталъ -
Все опрокинуто! — и русскій устоялъ!..
И строемъ роковымъ отмстителей дружины
Ужъ приближаются къ святилищу судьбины;
Ужъ видятъ тотъ рубежъ, ту цѣль, къ которой велъ
Ихъ неиспытанный по темной безднѣ золъ,
Въ пылающей грозѣ носясь надъ ихъ главою
И тяжкой опыта ихъ бременя рукою.
Се мѣсто, гдѣ Себя во правдѣ Онъ явитъ;
Се то судилище, гдѣ мигъ одинъ рѣшитъ:
Не быть иль быть царямъ; возстать иль пасть вселенной...
И все въ собраніи... о, часъ, вѣкамъ священной!..
Народы всѣхъ племенъ и всѣхъ племенъ цари,
Подъ сѣнію знаменъ святые алтари,
Несмѣтный рядъ полковъ, вожди передъ полками,
И громы впереди съ подъятыми крылами,
И на холмѣ, въ бронѣ, на грозный щитъ склоненъ,
Союза мстителей младой Агамемнонъ,
И тѣни всѣхъ вѣковъ внимательной толпою
Надъ свѣтозарною вождя царей главою...
И въ ожиданіи священномъ все молчитъ...

И тихо мгла еще на небѣ томъ лежитъ,
Отколь съ грядущимъ днемъ изыдетъ Вседержитель...
И загорѣлся день... Богъ грянулъ... палъ губитель!
Бѣгутъ — во прахъ и громъ, и шлемъ, и мечъ, и щитъ!
Впереди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ *страхъ* бѣжитъ,
И жадною рукой *погибель* ихъ хватаетъ!
И небо тихое торжественно сіяетъ
Надъ преклоненною отмстителей главой!
Побѣдная хвала летитъ изъ строя въ строй,
И Рейнъ восплескалъ, послышавъ ликованья...
О, старецъ водъ! о ты, съ минуты мірозданья
Не зрѣвшій на брегу еще лица славянъ
Ликуй! и отражай въ волнахъ славянскій станъ!
И погрузился крестъ при громахъ въ древни воды!
И Рейнъ, обновленъ, потекъ въ брегахъ свободы,
И заигралъ на нихъ веселья звонкій рогъ;
И быстро ворвались полки въ тотъ страшный логъ,
Гдѣ, кроясь, хищникъ царствъ ковалъ имъ цѣпи плѣна.
Вотще, вотще воздвигъ онъ черныя знамена —
Лишь вѣсть погибели онъ съ ними водрузилъ!
Громъ русскій берега Секваны огласилъ —
И надъ Парижемъ сталъ орелъ Москвы и мщенья...
Тогда, внезапнаго исполненъ изумленья,
Узрѣлъ величіе невиданное свѣтъ:
О, Русская земля! спасителемъ грядетъ
Твой царь къ низринувшимъ царей твоихъ столицу!
Онъ распростеръ на нихъ пощады багряницу;
И мирно, славу скрывъ, безъ блеска, безъ громовъ,
По стогнамъ радостнымъ ряды его полковъ
Идутъ — и тишина вослѣдъ имъ прилетаетъ...
Хвала! хвала, нашъ царь! стыдливо отклоняетъ
Рука твоя побѣдъ торжественный вѣнецъ!
Ты предстоишь благій семьи враговъ отецъ,
И первый ихъ съ землей и съ небомъ примиритель.
О, незабвенный день! смотрите — побѣдитель,
Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ,

Колѣнопреклоненъ, на страшномъ мѣстѣ томъ,
Гдѣ царскій мученикъ подъ остріемъ сѣкиры,
Въ виду разорванной отцовъ своихъ порфиры,
Молилъ Всевышняго за бѣдный свой народъ;
Гдѣ на дымящійся убійствомъ эшафотъ
Злодѣйство блѣдную свободу возводило
И Бога поразить своей хулою мнило —
На страшномъ мѣстѣ томъ смиренный вождь царей
Предъ миротворною святыней алтарей
Велитъ своимъ полкамъ склонить знамена мщенья,
И жертву небесамъ приноситъ очищенья.
Простерлись всѣ во прахъ; всѣ вкупѣ слезы льютъ;
И се!.. подъемлется спасенія сосудъ...
И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель!
И побѣжденному лобзанье побѣдитель,
Какъ братъ по Божеству, въ виду небесъ даетъ...
Свершилось!.. освященъ испытанный народъ,
И гордо по зыбямъ потекъ отъ Альбіона
Спасительный корабль, несущій кровь Бурбона;
Питомецъ бѣдствія на тронъ отцовъ грядетъ,
И старцу братскую десницу подаетъ
Побѣдоносный другъ въ залогъ любви и мира,
И Людовикова наброшена порфира
На преступленія минувшихъ страшныхъ лѣтъ!..
Свершилось... Русскій Царь! отечество и свѣтъ
Уже рекли свой судъ дѣламъ непреклоннымъ,
И свой дадутъ отвѣтъ потомки современнымъ!..
Богатый чувствомъ благъ, содѣянныхъ тобой,
И съ неприступною для почестей душой,
Сіяніе сокрывъ, ты въ путь летишь желанный -
Отчизна сына ждетъ! объ ней средь бури бранной,
Объ ней среди торжествъ и плесковъ ты скорбѣлъ -
И ты, невидимый, чрезъ земли полетѣлъ,
Гдѣ во спасеніе твои промчались громы.
Ужъ всюду запѣвалъ свободы гласъ знакомый:
На оживающихъ подъ плугами поляхъ,

На виноградникомъ украшенныхъ холмахъ,
На градскихъ торжищахъ, кипящихъ отъ народа,
На самомъ прахѣ селъ... вездѣ, вездѣ свобода,
Вездѣ обиліе, надежда и покой!..
И все сіе, нашъ царь, дано землѣ тобой!
Но что жъ ты ощутилъ, когда твой взоръ веселый
Завидѣлъ вдалекѣ отечески предѣлы,
И вѣтеръ, вѣющій изъ-подъ родныхъ небесъ,
Ко слуху твоему гласъ родины принесъ?
Что ощутилъ, когда святого Петрограда
Вдали передъ тобой возникнула громада;
Когда предъ матерью колѣно преклонилъ;
Когда, свершившій все, ко храму приступилъ,
Гдѣ освященный мечъ пріялъ на совершенье,
Гдѣ истребителя начавшій истребленье,
Предтеча въ славѣ твой, герой спасенья спитъ?..
Россія, онъ грядетъ; уже алтарь горитъ,
Уже его принять отверзлись двери храма,
Ужъ благодарное куренье ѳиміама
Съ сердцами за него взлетѣло къ небесамъ!
И се!.. приникнувшій къ престола ступенямъ
Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ славу!..
О, Вѣчный! осѣни смиреннаго державу;
Его душа чиста: въ ней благость лишь одна,
Лишь пламенемъ къ добру она воспалена...
Отважною вступить дерзаю, царь, мечтою
Въ чертогъ священный твой, гдѣ ты одинъ съ собою.
Одинъ, въ тотъ мирный часъ, когда лежитъ покой
Надъ скромнымъ жребіемъ безпечною главой,
Когда лишь бодрствуютъ цари и Провидѣнье.
О, царь! въ сей важный часъ—когда Нева въ теченьѣ
Объемлетъ предъ тобой тотъ усыпленный храмъ,
Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ оставилъ намъ
Твой праотецъ, нашъ Петръ, царей земныхъ учитель—
Я зрю тебя, племенъ несмѣтныхъ повелитель,
Сей окруженнаго всемірной тишиной,

Надъ полвселенною парящаго душой,
Гдѣ все твое, гдѣ ты надъ всѣхъ судьбою властенъ,
Гдѣ ты одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ бѣдъ причастенъ,
Уполномоченный отъ неба судія—
О, сколь божественна въ сей часъ душа твоя!
Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспламененной—
За насъ онъ возведенъ къ Правителю вселенной;
За насъ ты предстоишь, какъ жертва передъ Нимъ!
Отечество, внимай: „Творецъ, всѣ блага имъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный—
За власть благотворить, удѣлъ царей прекрасный,
Склоняю, Царь земли, колѣна предъ тобой,
Безстрашный подъ твоей незримою рукой,
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!..
Покойся, мой народъ, не дремлетъ твой хранитель;
Такъ, *мой* народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей;
На удивленіе народовъ и царей,
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
И тронъ свой алтаремъ любви ему поставлю;
Какъ небо, надъ моей простертое главой,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ непарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное.
Правленье Божества зерцало мнѣ святое:
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А ты, дарующій и тронъ и власть царямъ,
Ты, на совѣтѣ ихъ сѣдящій благодатью,
Ознаменуй твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ твоей вселенны!"...
Вонми жъ и ты своей семьѣ, Благословенный!
Оставь на время твой великолѣпный тронъ
Хвалой невѣрною тронъ царскій окруженъ,
Сокрой свой царскій блескъ, втѣснись безъ украшенья
Одинъ въ толпу и тамъ внимай благословенья.

Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ;
На праздникахъ семеи украшенный твоiи ликъ —
Ликующихъ родныхъ родной благотворитель —
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зритель,
И чаша первая, и первый гимнъ тебѣ;
Цвѣтущiй юноша благодаритъ судьбѣ,
Что въ твоiй прекрасный вѣкъ онъ къ жизни приступаетъ
И славой для него грядущее пылаетъ;
Старикъ своiй взоръ на гробъ боится устремить,
И смерть поспѣшную онъ молитъ погодить,
Чтобъ жизни лучшiй цвѣтъ расцвѣлъ передъ могилой:
И воинъ, въ тишинѣ, своею гордый силой,
Пенатамъ посвятивъ изрубленный своiй щитъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ веселiемъ говоритъ,
Въ которыхъ зрѣлъ тебя, всегда въ кипящей сѣчѣ,
Всегда подъ свистомъ стрѣлъ, вездѣ побѣдъ предтечей.
На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ...
О, дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царя — не льстецъ,
Когда хвала — восторгъ, гласъ лиры — гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: царь.
И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и нищета подъ кровлею забвенья
Послѣдniй бѣдный лептъ за ликъ твоiй отдаетъ,
И онъ, какъ друга тѣнь, отрадный свѣтъ летитъ
Нѣмымъ присутствiемъ въ обители страданья!
Пусть облечетъ во власть святоiй обрядъ вѣнчанья;
Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за царя на жертву жизнь принесть
Отъ подданныхъ царю колѣнопреклоненье!
Но дань свободная, дань сердца — уваженье;
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань!
О, царь, не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила

Тебѣ любовь твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота — великая душа!
Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на твой народъ, простертый предъ тобою;
Благослови его державною рукою;
Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцомъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,
По манію царя, на все, на все готовый —
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ твой приноситъ царскій тронъ.
Предстатель за царей народъ у Провидѣнья.
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья!
Повѣрь народу, царь, имъ будешь счастливъ ты!
Поставившій тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
Ужель на краткій мигъ Онъ намъ тебя явилъ?
О, нѣтъ! Онъ нашихъ золь печатью утвердилъ
Завѣтъ: хранить въ тебѣ всѣ блага, намъ священны —
И не обманетъ насъ отъ вѣка Неизмѣнный!
Прими жъ въ виду небесъ свободный нашъ обѣтъ:
За благость царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ ты міру
Столь древле славную отцовъ твоихъ порфиру,
За вѣру въ страшный часъ къ народу твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему —
Здѣсь, окружая твой престолъ, Благословенной!
Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ твоей священной!
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за царя!

В. А. Жуковскій.

Пѣснь русскому царю

отъ его воиновъ.

Гряди, нашъ *царь*, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей.
Къ его стопамъ мечи кровавы;
Къ его стопамъ и шлемъ и щитъ;
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осѣнитъ;
Ему вѣнцы готовьте въ дань —
Рѣшившему святую брань.
Нашъ *царь*, въ отчизну съ поля чести
Твою мы славу принесли;
Вотъ громъ, твоей свершитель мести;
Вотъ знамена еще въ пыли;
Вотъ нашей вѣрности алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и царь!
Младый наслѣдникъ полвселенны —
Межъ насъ впервой ты мечъ пріялъ;
Нашъ *царь* — ко брани ополченный,
Ты путь намъ къ славѣ указалъ;
Нашъ вождь — ты былъ предтечей намъ
Вездѣ во срѣтенье врагамъ.
Скажи жъ, о, вождь, гдѣ измѣнилась
Твоя дружина предъ тобой?
Погибель насъ пожрать стремилась —
Ее отбилъ нашъ твердый строй.
Намъ взоръ *царя*, какъ Божій лучъ,
Свѣтилъ на мглѣ громовыхъ тучъ.

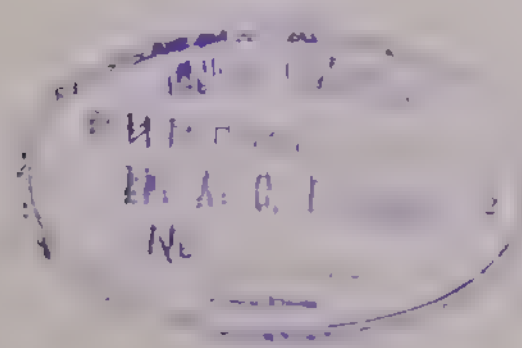
Ко мщенью ты воззвалъ народы;
Ты спасъ владычество царямъ;
Ты знамена святой свободы
Покорнымъ даровалъ врагамъ;
И твой покрылъ вселенну щитъ;
И брань окованна молчитъ.
Отъ Нѣмана до океана
Твоихъ трофеевъ славный рядъ;
И гдѣ парилъ орелъ тирана,
Тамъ днесь твои орлы парятъ;
И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
На брань и бунтъ наводитъ страхъ.
Но кто на Русь твою возстанетъ?
Противныхъ нѣтъ полкамъ твоимъ;
Твой страшный гнѣвъ съ престола грянетъ,
И сѣверъ грянетъ вслѣдъ за нимъ;
И, казни вѣстникъ, грозный страхъ,
Враговъ умчитъ, какъ дымъ и прахъ.
Гряди, нашъ *царь*, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ *царь*, нашъ славный вождь царей.

В. А. Жуковскій.

144427.

Наполеонъ.

(Париж. Салонъ).



Наполеонъ.

1.

Сынъ революціи! Ты съ матерью ужасной
Отважно въ бой вступилъ и изнемогъ въ борьбѣ.
Не одолѣлъ ея твой геній самовластный!..
Бой невозможный, трудъ напрасный:
Ты всю ее носилъ въ самомъ себѣ!..

2.

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ орлы парили,
Въ его груди змѣи вились...
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный, дерзостный полетъ,
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости расчетъ.
Но освѣщающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась къ нему.
Онъ былъ земной, не Божій пламень!
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ!
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ...

3.

И ты стоялъ, передъ тобой Россія!
И вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:

„Да сбудутся ея судьбы!..“
И не напрасно было заклинанье:
Судьба откликнулась на голосъ твой.
Но новою загадкою въ изгнаньѣ
Ты возразилъ на отзывъ роковой.
Года прошли, и вотъ изъ ссылки тѣсной
На родину вернувшійся мертвецъ,
На берегахъ рѣки тебѣ любезной,
Тревожный духъ, почилъ ты, наконецъ...
Но чутокъ сонъ и, по ночамъ тоскуя,
Порою вставъ, ты смотришь на Востокъ
И вдругъ, смутясь, бѣжишь, какъ бы почуя
Передразсвѣтный вѣтерокъ.

4.

(Изъ Манцони.)

Высокаго предчувствія
Порывы и томленіе;
Души, господства жаждущей;
Кипящее стремленіе,
И замысловъ событіе
Несбыточныхъ, какъ сонъ:
Все испыталъ онъ—счастіе,
Побѣду, заточеніе,
И все судьбы пристрастіе,
И все ожесточеніе.
Два раза брошенъ былъ во прахъ
И два раза на тронъ!..
Явился: два столѣтія
Въ борепіи жестокомъ,
Его узрѣвъ, смирились вдругъ,
Какъ предъ всесильнымъ рокомъ.
Онъ повелѣлъ умолкнуть имъ
И сѣлъ межъ нихъ судьей!
Исчезъ и въ ссылкѣ довершилъ

Свой вѣкъ неимовѣрный—
Предметъ безмѣрной зависти
И жалости безмѣрной,
Предметъ вражды неистовой,
Преданности слѣпой!..
Какъ надъ главою топущихъ
Растетъ громадой пѣнной
Сперва игравшій ими валъ,
И берегъ вожделѣнный
Вотще очамъ трепещущимъ
Казавшій свысока.
Такъ память, надъ душой его
Склонившись, тяготѣла!..
Какъ часто выказать себя
Душа сія хотѣла,
И, обомлѣвъ, на листъ начатый
Вдругъ падала рука.
Какъ часто предъ кончиной дня—
Дня безотрадной муки—
Потупивъ молніи очей,
Крестомъ сложивши руки,
Стоялъ онъ, и минувшее
Овладѣвало имъ.
Онъ зрѣлъ въ умѣ: подвижные
Шатры, равнины боевъ,
Рядовъ пѣхоты длинный блескъ,
Потоки конныхъ строевъ—
Желѣзный міръ и дышащій
Великіемъ одушевленъ!..
О, подъ толикимъ бременемъ
Въ немъ сердце истомилося,
И духъ упалъ... Но сильная
Къ нему рука спустилася
И къ небу, милосердная,
Его приподняла!..

Ѳ. И. Тютчевъ.

Наполеонъ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ,—
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О, ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;

Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ
И день великій неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда, въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на міръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ—при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ россъ—

Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя—
Счастливца душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни, солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война—по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья...
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.

И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло вонистенныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ унынии горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его увѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Пушкинъ.

Сказаніе о 1812 годѣ.

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя метели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, вразбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ на жалкихъ клячахъ
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій

Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...

Гдѣ жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. Надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..

И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ, какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода -
Въ Тюльери стоитъ онъ, гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
И, вспыливши, Императоръ—
— „Князь, вы видите,—воскликнулъ,—
Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить:
Императоръ вашъ—на что же
Онъ надѣется, на что же?"

-- „Государь!—въ отвѣтъ посланникъ,—
Взять въ расчетъ вы позабыли,
Что за русскимъ государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!"

Онъ тогда расхохотался,
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарево пожаровъ...

Вспомнилъ онъ дворецъ петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. и днемъ и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... „Такъ вотъ что значитъ—
Весь народъ!..“
И безнадежно
Взоры вдаль онъ устремляетъ,
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

А. Н. Майковъ.

Два великана.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою;
Ахнулъ дерзкій—и упалъ!

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Лермонтовъ.

Первыя извѣстія о вступленіи непріятелей.

Императоръ Александръ продолжалъ жить въ Вильнѣ, гдѣ была главная квартира русской арміи, находившейся подъ начальствомъ военнаго министра Барклая де-Толли. Государь занимался съ обычнымъ жаромъ политическими и военными дѣлами, развлекаясь время отъ времени балами и праздниками, которые давали польскіе магнаты.

Наконецъ императорскій штатъ, генералъ-адъютанты и лица свиты пожелали устроить празднество въ честь Его Величества. Государь приказалъ выдать триста червонцевъ изъ своихъ суммъ, сказавъ при этомъ:

— Если вы, господа, намѣрены устроить праздникъ, то постарайтесь, чтобы онъ вышелъ какъ слѣдуетъ, такъ какъ наши дамы знаютъ въ этомъ толкъ.

12 іюня празднество состоялось. Приглашенные собрались въ саду, на помостѣ, красиво декорированномъ щитами и тропическими растеніями. Померанцевыя деревья, находившіяся въ цвѣту, разливали ароматъ. Подъ темно-зеленой группой ихъ усѣлись дамы, а около нихъ расположились мужчины. Столъ для

goûter былъ накрытъ посрединѣ. Вечеръ былъ мягкій, теплый. Небо покрылось нѣжными перистыми, жемчужнаго цвѣта облаками, которыя умѣряли блескъ солнечныхъ лучей.

Толпы пріѣхавшихъ изъ Вильны горожанъ бродили по саду и по берегу рѣки, представляя разнообразное и живописное зрѣлище. Бальное общество со свѣжими роскошными платьями дамъ и залитыми золотомъ мундирами военныхъ привлекало ихъ вниманіе. Любопытные тѣснились около легкой ограды, отдѣлявшей пространство въ саду для приглашенныхъ.

Въ восемь часовъ крики ура возвѣстили о прибытіи Государя. Онъ былъ строенъ и красивъ. На немъ былъ мундиръ Семеновскаго полка. Яркій синій воротникъ оттѣнялъ нѣжность и свѣжесть его лица, цвѣту котораго могла бы позавидовать любая женщина. Въ это время ему было тридцать пять лѣтъ, но онъ казался гораздо моложе. Онъ имѣлъ открытый, ласковый видъ, соотвѣтствовавшій отличительной чертѣ его характера, мягкости, добротѣ и деликатности. Но бѣлокурые волосы его уже посвѣтлѣли, станъ пополнѣлъ, и видно было, что первая пора его молодости уже прошла.

Государь остановился у стола, чтобы разомъ все осмотрѣть, принялъ привѣтствіе хозяевъ дома, затѣмъ приблизился къ дамамъ, не позволяя имъ вставать.

Вскорѣ сѣли за столъ. Разговоры отличались большимъ оживленіемъ. Наконецъ Государю было предложено открыть балъ.

Военная музыка, расположенная въ саду, заиграла полонезъ. Государь прежде всего пригласилъ графиню Бенигсенъ, какъ хозяйку празднества, затѣмъ графиню Барклай де-Толли, супругу военнаго министра, потомъ молодую дѣвушку, литовскую красавицу, графиню Тизенгаузъ.

Изящная и граціозная, какъ полька, съ густыми каштановыми волосами и темными глазами, она была высокаго роста, который такъ любилъ въ женщинахъ Государь. На ней была туника изъ крепа, по которой были вышиты гирлянды изъ смородины -листья изъ бѣлой синели, а ягоды изъ бургиньоновъ Какъ туника, такъ и все бѣлое шелковое платье ея было отдѣлано гладкаго шелка бахромой. Широкій изъ бусъ кушакъ, также обшитый бахромой, охватывалъ ея тонкій станъ, выгодно удлиняя короткую талію, какія было принято носить въ 1812 году. Корсажъ графини былъ затянутъ шнуровкой, при чемъ шнурки кончались грушевидными бусами; ожерелье изъ крупнаго жемчуга и повязка съ гребнемъ изъ брилліантовъ довершали ея роскошный нарядъ. Большинство дамъ было въ свѣтлыхъ платьяхъ изъ кисеи, газа и перкаля, убранныхъ живыми цвѣтами. Нѣкоторыя дамы, прослышавъ, что въ Парижѣ появились длинныя платья, сдѣлали себѣ безконечные шлейфы и, къ большому удовольствію зрителей, вымели полъ своими трэнами.

Когда при звукахъ полонеза былъ обойденъ помостъ, общество послѣдовало въ домъ, въ бальную залу, проходя по коридорамъ и галлереямъ. Послѣ того танцовали новый танецъ кадриль, въ которую входили разныя фигуры, заканчивавшіяся всякій разъ туромъ вальса при ритурнели. Французскій же контрдансъ танцовали въ то время лишь послѣ многихъ репетицій, и мало кто зналъ его, такъ что онъ не былъ исполненъ на этомъ балу.

Когда кадриль кончилась, въ залѣ уже стало очень жарко. Генеральша Бенигсенъ, относившаяся съ особеннымъ вниманіемъ къ графинѣ Тизенгаузъ, пригласила ее пройти въ угловую комнату, въ концѣ галлереи, откуда удобно было смотрѣть, какъ зажигаютъ иллюминацію въ садахъ и на островкѣ, гдѣ среди зелени бѣлѣли скатертями маленькіе столы, накрытые

для ужина. Черезъ нѣсколько минутъ въ галлереѣ показался Государь. Хозяйка, улыбаясь, шепнула графинѣ, что это преслѣдуютъ ее. Графиня сдѣлала движеніе уйти, но Государь уже подошелъ къ ней. Послѣ нѣсколькихъ словъ она отошла и, вставъ у консоли, начала перелистывать ноты, кадриль сочиненія Мерлини, подъ которую только что танцовали. Въ это время авторъ вошелъ въ комнату. Онъ слылъ въ Вильнѣ за хорошаго музыканта, и его любили.

Неуклюжій, близорукій, онъ возбуждалъ улыбки окружающихъ и въ военномъ мундирѣ походилъ на штатскаго.

Войдя сюда, онъ узналъ Государя лишь тогда, когда тотъ самъ обратился къ нему и спросилъ:

— Это, кажется, вашего сочиненія кадриль?

Композиторъ оторопѣлъ. Государь отошелъ, подавляя смѣхъ. Графиня тоже засмѣялась и уронила ноты, Государь поспѣшилъ ихъ поднять, Мерлини въ свою очередь бросился за ними и своею неловкостью развеселилъ еще больше общество.

Между тѣмъ балъ продолжался. Когда Государь вернулся въ залу, танцовавшіе выстроились въ длинный рядъ, приготовляясь танцовать англезъ — танецъ, который въ то время много танцовали и который былъ безконеченъ. Танцовавшіе, чтобы не стоять спиной къ Его Величеству, раздвинулись, образовавъ въ серединѣ пустое пространство. И такъ дальше танцы продолжались съ соблюденіемъ должнаго этикета.

Послѣ многихъ мазурокъ, вальсовъ и полонезовъ всѣ сошли въ садъ на островокъ ужинать. Стояла тихая теплая ночь. Луна блестѣла въ голубой вышинѣ. Освѣщенный изнутри замокъ, огненныя гирлянды иллюминаціи въ саду, нѣнистый каскадъ, множество разсыпавшагося по берегу рѣки и въ аллеяхъ народа составляли оживленную, прекрасную картину. Празднникъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Но если бы кто-нибудь могъ здѣсь взлетѣть вверхъ, ему бы представилось другое, гораздо болѣе величественное и торжественное зрѣлище. Онъ увидѣлъ бы на западѣ въ четырехъ переходахъ отсюда молчаливыя темныя полчища войскъ, струившіяся по тремъ мостамъ черезъ широкую полноводную рѣку. Бряцаніе оружія, топотъ лошадей лишь одни нарушали безмолвіе ночи. Войска выходили на берегъ и расходились въ разныя стороны. А съ другого берега изъ огромнаго мрачнаго лѣса все текли и текли новыя полчища, и, казалось, имъ не будетъ конца.

То переходилъ русскую границу Наполеонъ со своей арміей...

Государь не садился за столъ и съ видомъ полнымъ веселости переходилъ отъ одной дамы къ другой. Въ это время подошелъ съ озабоченнымъ видомъ министръ полиціи генералъ-адъютантъ Балашовъ и остановился вопреки этикету слишкомъ близко отъ Государя.

Александръ понялъ, что Балашовъ желаетъ сообщить что-то важное, и, взглянувъ на него, послѣдовалъ въ садъ. Балашовъ тотчасъ приблизился и заговорилъ сдержаннымъ голосомъ.

На лицѣ Александра изобразилось сильное волненіе.

— Какъ! безъ объявленія войны вступить въ Россію! — проговорилъ онъ съ возбужденіемъ: — я помирюсь только тогда, когда ни одного непріятельскаго солдата не останется на моей землѣ.

Однако онъ вскорѣ успокоился и, отпустивъ Балашова, вернулся къ обществу. Какъ потомъ онъ говорилъ, ему не хотѣлось омрачать праздника сообщеніемъ роковой вѣсти. Около получаса смотрѣлъ онъ на возобновившіеся танцы, продолжавшіеся и послѣ его отъѣзда.

А. И. Леманъ.

Переходъ черезъ Нѣманъ.

I.

Вотъ Руси граница, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ понтоны; работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
Какъ громъ далеко раздается „Vivat!“ *)
За кѣмъ на коняхъ короли - адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ —
Съ подзорной трубою въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ,
Коня на скаку осадилъ онъ и видитъ —
За Нѣманомъ туча встаетъ.

И думаетъ онъ: „Эта темная туча
„Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!“ —
И мнится ему въ то же время — сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...

И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
„Сомнетъ знамена твои русскій народъ!“
„Впередъ!“ — говорятъ ему слава и геній. —
Впередъ, императоръ! впередъ!“

*) Vivat — Да здравствуетъ!

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ—
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стонутъ мосты отъ копытъ.

Я. П. Полонскій.

2.

(Проѣзжая черезъ Ковно.)

Ты ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ съ такою славой—
Россіи вѣрный часовой!
Одинъ лишь разъ, по волѣ Бога,
Ты супостата къ ней впустилъ
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ навѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли былое, Нѣманъ,
Тотъ день годины роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ, могучій южный демонъ?
И ты какъ нынѣ протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами.

Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли.
И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣмъ и все стерегъ
Очами чудными своими.

Лишь одного онъ не видалъ!
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ Другой—стоялъ и ждалъ...
И мимо проходила рать,
Все грозно-боевыя лица,
И неизбѣжная Десница
Клала на нихъ свою печать.

И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки,
И барабаны заливались...
Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

Ѳ. И. Тютчевъ.

Русскій посолъ у Наполеона.

Возвратившись въ Вильну съ бала, Государь въ два часа ночи послалъ за государственнымъ секретаремъ Шишковымъ и велѣлъ написать приказъ войскамъ и рескриптъ фельдмаршалу Салтыкову.

Въ тотъ же день, 13-го іюня, въ девять часовъ вечера, Государь, пославъ за министромъ Балашовымъ, принялъ его въ маленькомъ кабинетѣ, въ которомъ обыкновенно работалъ.

— Ты вѣрно не знаешь, — сказалъ Государь, — зачѣмъ я тебя призвалъ? Я намѣренъ послать тебя къ императору Наполеону. Я сейчасъ получилъ донесеніе изъ Петербурга, что нашему министерству иностран-

ныхъ дѣлъ прислана нота отъ французскаго посольства, въ которой изъяснено, что такъ какъ нашъ посолъ въ Парижѣ, князь Куракинъ, неотступно требовалъ два раза въ одинъ день паспортовъ ѣхать изъ Франціи, то сіе принимается за разрывъ и равномѣрно повелѣвается и графу Лористону просить паспортовъ и ѣхать изъ Россіи.

Государь, сказавъ это, помолчалъ.

— Итакъ, я хотя слабую, но вижу причину, въ первый еще разъ, которую беретъ предлогомъ Наполеонъ для войны,—продолжалъ Государь,—но и та ничтожна, потому что Куракинъ сдѣлалъ это самъ собой, а отъ меня не имѣлъ повелѣнія. Онъ увидѣлъ, что всѣ ѣдутъ изъ Парижа, не только Наполеонъ, но и Бассано, и счелъ, что ему не у кого будетъ послѣ требовать себѣ паспортовъ и для того настоятельно просилъ объ этомъ прежде ихъ выѣзда. А какъ, между тѣмъ, присылка была ко мнѣ отъ Наполеона его генералъ-адъютанта графа Нарбонна, который и военнымъ министромъ былъ прежде, то въ отвѣтственность сего и рѣшился я послать тебя. Хотя, впрочемъ, между нами будь сказано, я не ожидаю отъ сей посылки прекращенія войны, но пусть же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы.

Послѣ того Государь прочелъ и вручилъ Балашову собственноручное письмо свое къ французскому императору.

— Объяви Наполеону,—прибавилъ Государь,—что ежели онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ могутъ начаться, съ условіемъ однимъ, чтобы арміи его вышли за границу. Въ противномъ же случаѣ, даю слово, покуда хотя одинъ вооруженный французъ будетъ оставаться въ Россіи, не говорить и не принять ни одного слова о мирѣ.

Балашовъ, взявъ трубача и двухъ казаковъ, тотчасъ отправился въ путь и на разсвѣтѣ пріѣхалъ въ

деревню Рыконты, лежащую на этой сторонѣ Нѣмана. Здѣсь находились уже французскіе передовые посты. Часовые остановили Балашова.

— Вамъ придется подождать здѣсь,—дѣловымъ тономъ сказалъ унтеръ-офицеръ, рослый гусаръ въ малиновомъ мундирѣ и мѣховой шапкѣ.—Я пошлю сейчасъ доложить полковнику.

Балашовъ принужденъ былъ покориться. Казаки его и французы съ любопытствомъ осматривали другъ друга. Гусары съ чувствомъ превосходства поглядывали на ихъ поджарыхъ степныхъ лошадей и высокія съ кожаными подушками сѣдла. Казаки любовались ихъ новенькими щегольскими мундирами. Это было въ то первое время кампаніи, когда войска находились въ почти смотровой исправности, но только съ той нарядной воинственностью во внѣшности и съ тѣмъ нравственнымъ оттѣнкомъ веселья и предпріимчивости, которые всегда сопутствуютъ началу войны.

Полковникъ скоро пріѣхалъ въ сопровожденіи двухъ гусаръ.

Балашовъ назвалъ себя. Полковникъ въ свою очередь вѣжливо отрекомендовался (фамилія его была Юльнеръ) и сказалъ, что за деревней, въ двухъ верстахъ находится начальникъ дивизіи, который приметъ Балашова и проводитъ его по назначенію.

Только они миновали деревню, какъ внизу изъ-подъ горы показалось нѣсколько всадниковъ. Впереди на вороной лошади, съ блестѣвшей на солнцѣ сбруей, скакалъ большого роста человѣкъ въ шляпѣ съ перьями, съ черными падавшими на плечи кудрявыми волосами. Красная мантія его развѣвалась, длинныя ноги въ желтыхъ сапогахъ шпорили лошадь.

Этотъ всадникъ, похожій на театральнаго героя, въ браслетахъ, ожерельяхъ и золотѣ, былъ уже недалеко, когда Юльнеръ почтительно прошепталъ:

— Король Неаполитанскій.

Это былъ Мюратъ, зять Наполеона, начальникъ кавалеріи великой арміи.

Увидавъ Балашова, онъ осадилъ лошадь. Юльперъ подъѣхалъ къ нему и вполголоса сообщилъ о цѣли прибытія русскаго генерала.

— А, хорошо,—быстро заговорилъ Мюратъ,—очень радъ познакомиться съ вами, генералъ.

И, перекинувъ ногу, онъ слѣзъ съ сѣдла. Балашовъ послѣдовалъ его примѣру.

— Ну что, генералъ, кажется, у насъ война,—сказалъ Мюратъ, какъ будто допуская, что его присутствіе здѣсь, подъ Вильной, могло обозначать что-либо другое.

— Ваше величество,—отвѣчалъ Балашовъ,—Императоръ Александръ не желаетъ войны. То, что я нахожусь здѣсь, служитъ этому лучшимъ доказательствомъ.

Полное удовольствіе выражалось на сытомъ простоватомъ лицѣ Мюрата. Ему представилось, что онъ долженъ переговорить серьезно, какъ союзникъ Наполеона и король, съ посланникомъ русскаго императора. Взявъ подъ руку Балашова и отдалившись отъ свиты, онъ сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ, стараясь говорить вѣско и значительно.

— Неужели вы считаете зачинщикомъ войны Наполеона, а не Александра?—съ наивной улыбкой неожиданно спросилъ онъ.

Балашовъ сказалъ, что, по его мнѣнію, дѣйствительно Наполеонъ началъ войну.

Но Мюратъ, не слушая, болтливо перебилъ его:

— Ахъ, любезный генералъ, я желаю отъ всей души, чтобы императоры уладили дѣло между собою и война кончилась какъ можно скорѣе.

И затѣмъ, поговоривъ еще немного, онъ сказалъ:

— Однако, я васъ не стану болѣе задерживать, генералъ. Поѣзжайте дальше. Наполеонъ тутъ гдѣ-нибудь недалеко. Васъ тотчасъ представятъ ему

Балашовъ, радуясь, что сейчасъ пріѣдетъ, пустился въ путь, но вмѣсто встрѣчи съ французскимъ императоромъ сторожевая цѣпь пѣхоты Даву задержала его, и адъютантъ проводилъ его къ маршалу.

Суровый товарищъ Наполеона по бріенской военной школѣ, самый способный и самый угрюмый и жестокосердый изъ его маршаловъ, Даву сидѣлъ въ крестьянскомъ сараѣ на чурбанѣ и разбиралъ бумаги, которыя были разложены на сорванной съ петель двери, лежавшей на двухъ боченкахъ. Замѣтивъ русскаго генерала, онъ не всталъ, не пошевелился, а сдѣлалъ видъ, что еще больше занятъ работой.

Предполагая, что маршалъ не знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, Балашовъ объяснилъ, зачѣмъ пріѣхалъ. Но Даву сталъ еще грубѣе.

— Ну, гдѣ тамъ вашъ пакетъ? Дайте его, я пошлю его императору.

— Я имѣю приказаніе Государя передать письмо лично императору Наполеону.

- Пусть вамъ Государь приказываетъ въ своей арміи, а здѣсь вы должны дѣлать, что вамъ велятъ.

Балашовъ вынулъ пакетъ съ письмомъ отъ Государя, положилъ его на дверь, замѣнявшую маршалу столъ, и сказалъ:

— Вы можете не оказывать мнѣ уваженія, но позвольте вамъ замѣтить, что я имѣю честь носить званіе генералъ-адъютанта Его Величества и въ данномъ случаѣ быть его представителемъ.

Даву взялъ пакетъ и прочелъ надпись.

— Ну, вамъ будетъ оказано должное,—пробормоталъ онъ, положилъ пакетъ въ карманъ и ушелъ изъ сарая.

Вслѣдъ затѣмъ появился адъютантъ маршала де-Кастре и провелъ Балашова въ назначенное для него помѣщеніе.

На другой день Даву пригласилъ къ себѣ Бала-

лова и сказалъ, что проситъ его оставаться здѣсь впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Послѣ того маршалъ уѣхалъ.

Балашовъ увидѣлъ себя подъ арестомъ. Этотъ арестъ продолжался четыре дня.

Между тѣмъ французская армія продолжала наступленіе. Передовые разъѣзды Мюрата 15-го іюня показались у Вильны.

Послѣ четырехдневнаго уединенія, скуки, сознанія подвластности и ничтожества, послѣ нѣсколькихъ переходовъ вмѣстѣ съ багажомъ маршала и съ французскими войсками, Балашовъ былъ привезенъ въ Вильну, въ ту же ковенскую заставу, изъ которой онъ выѣхалъ четыре дня назадъ. На слѣдующее утро къ нему явился графъ Тюренъ и пригласилъ его отправиться къ императору Наполеону.

Балашова подвезли къ тому дому, который при его отъѣздѣ охранялся часовыми Преображенскаго полка. Теперь тутъ стояли два французскихъ гренадера въ синихъ, похожихъ на фраки мундирахъ, высокихъ ботфортахъ и огромныхъ мохнатыхъ шапкахъ съ блестящими бляхами. У воротъ выстроился конвой изъ гусаръ и уланъ. Пестрая свита, адъютанты, пажи, генералы, тѣснились у крыльца, ожидая выхода императора и развлекаясь видомъ осѣдланной для него статной вороной лошади, которую держалъ подъ уздцы мамелюкъ Рустанъ.

Наполеонъ расположился въ домѣ, который занималъ императоръ Александръ и откуда онъ отправилъ Балашова.

Графъ Тюренъ ввелъ его въ большую пріемную, гдѣ находилось много камергеровъ и польскихъ магнатовъ, изъ которыхъ большую часть Балашовъ видѣлъ при русскомъ дворѣ. Оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ подтвердилъ, что императоръ приметъ русскаго генерала передъ прогулкой.

Черезъ нѣсколько времени вошелъ дежурный камергеръ и пригласилъ Балашова слѣдовать за собой. Они вступили въ маленькую комнату, примыкавшую къ тому кабинету, въ которомъ занимался Александръ. Послышался шопотъ, половинки двери безшумно распахнулись, и на порогѣ показался Наполеонъ. Онъ былъ въ синемъ мундирѣ, изъ-подъ котораго видѣлся бѣлый жилетъ. Узкія свѣтлыя лосины, заправленныя въ лакированныя ботфорты, обтягивали его ляшки. Пухлая шея рѣзко выступала изъ-подъ чернаго воротника, короткіе волосы его были гладко причесаны, но одна прядь въ видѣ клина спускалась на средину его широкаго лба. Прозрачные, сѣрые, большіе глаза его смотрѣли зорко и проницательно. На моложавомъ полномъ лицѣ, съ острымъ выступавшимъ впередъ подбородкомъ, было выраженіе милостиваго и величественнаго привѣтствія. Видно было, что онъ находился въ хорошемъ расположеніи духа.

— Здравствуйте, генералъ! — сказалъ онъ почтительно наклонившемуся Балашову: — я получилъ письмо Императора Александра и очень радъ васъ видѣть.

Равнодушный тонъ его голоса противорѣчилъ этому заявленію. Онъ мелькомъ взглянулъ на Балашова и продолжалъ:

— Я не желалъ и не желаю войны. Меня вынудили къ ней. Я и теперь готовъ принять всѣ объясненія, которыя вы можете дать.

И онъ распространился, почему недоволенъ русскимъ правительствомъ.

Балашовъ въ свою очередь сказалъ, что Императоръ Александръ не считаетъ достаточной причиной для войны требованіе кредитивныхъ грамотъ княземъ Куракинымъ, который былъ въ то время русскимъ посломъ въ Парижѣ, и прибавилъ, что Государь тоже желаетъ мира, но начнетъ переговоры только тогда, когда французскія войска отступятъ за Нѣманъ.

— Только за Нѣманъ! — насмѣшливо перебилъ Наполеонъ, сдѣлавъ быстрый жестъ маленькой, пухлой, бѣлой рукой: — я желаю мира не менѣе Императора Александра. Восемнадцать мѣсяцевъ я дѣлаю все, чтобы получить его. Восемнадцать мѣсяцевъ я жду объясненій.

Онъ горячился все болѣе и болѣе.

— Вы говорите, что отъ меня требуютъ теперь отступленія за Нѣманъ для начатія переговоровъ. Но два мѣсяца назадъ отъ меня требовали отступленія за Одеръ и Вислу. Такія предложенія можно дѣлать принцу Баденскому, а не мнѣ. Если бы вы дали мнѣ Петербургъ и Москву, я не принялъ бы этихъ условій. Вы говорите, я началъ войну. А кто прежде пріѣхалъ къ арміи? Императоръ Александръ, а не я. И вы предлагаете мнѣ переговоры, когда я издержалъ сотни милліоновъ, когда наше положеніе дурно, когда вы въ союзѣ съ враждебной мнѣ Англіей? Говорятъ, вы заключили миръ съ турками?

Балашовъ утвердительно наклонилъ голову.

— Да, знаю, вы заключили миръ съ турками, не получивъ Молдавіи и Валахіи. А я бы далъ вашему Государю эти провинціи, какъ далъ ему Финляндію, продолжалъ раздражительно Наполеонъ, забывая, что Финляндія шагъ за шагомъ была уже завоевана русскими войсками: — а теперь онъ не будетъ имѣть этихъ прекрасныхъ областей. Въ одно царствованіе онъ могъ бы расширить Россію отъ Балтійскаго моря до устьевъ Дуная. Екатерина Великая не могла бы сдѣлать болѣе. И всѣмъ этимъ онъ былъ бы обязанъ моей дружбѣ. Чего онъ могъ бы желать и не найти въ ней? Но нѣтъ, онъ счелъ лучшимъ окружить себя моими врагами. Онъ призвалъ Штейна, Армфельда, Бенигсена, Винцингероде. Штейнъ — прогнанный изъ своего отечества измѣнникъ, Армфельдъ — развратникъ и интриганъ, Бенигсенъ — нѣсколько болѣе военный, чѣмъ другіе, но

все-таки неспособный и ничего не могъ сдѣлать въ 1807 году. Барклай, говорятъ, дѣльнѣе всѣхъ, но я этого пока не вижу. А что они дѣлаютъ, эти придворные? Глупецъ Пфуль предлагаетъ, Армфельдъ споритъ, Бенигсенъ разсматриваетъ, Барклай не знаетъ, на что рѣшиться. И что за роль играетъ вашъ молодой Государь въ этой безобразной оравѣ? Его компрометируютъ и на него сваливаютъ всю отвѣтственность!..

Наполеонъ перевелъ духъ и отчеканилъ:

— Государь только тогда долженъ находиться при арміи, когда онъ полководецъ (онъ зналъ, какъ Александръ хотѣлъ быть полководцемъ). Уже недѣля, какъ началась кампанія. Вы не сумѣли защитить Вильны. Вы разрѣзаны надвое и прогнаны изъ литовскихъ провинцій. И армія ваша ропщетъ.

— Ваше величество, армія горитъ желаніемъ сразиться...—началъ было Балашовъ, но Наполеонъ перебилъ его:

— Я все знаю, я знаю число вашихъ батальоновъ такъ же вѣрно, какъ и своихъ. У васъ нѣтъ двухсотъ тысячъ войска, а у меня втрое больше. Даю вамъ честное слово, что у меня 530 тысячъ человѣкъ по эту сторону Вислы. Турки вамъ не помощь. Шведы тоже. Ихъ король былъ безумный. Они перемѣнили его и взяли Бернадота, который немедленно сошелъ съ ума, потому что, будучи шведомъ, только сумасшедшій можетъ заключать союзы съ Россіей.

Наполеонъ вынулъ золотую табакерку.

— Да что мнѣ эти ваши союзники,—говорилъ онъ:— вотъ у меня союзники — это поляки. Ихъ 80 тысячъ, они дерутся, какъ львы. Ихъ скоро будетъ 200 тысячъ.

Сознавая, что увлекся, и въ досадѣ на ту покорность, съ какою Балашовъ слушалъ его окрики, Наполеонъ внезапно воспламенился и съ блѣднымъ, искаженнымъ отъ злобы лицомъ воскликнулъ:

— Знайте, если вы возмутите Пруссію, я сотру ее съ карты Европы. Я заброшу васъ за Двину, за Днѣпръ и возстановлю ту преграду, которую Европа въ преступномъ ослѣпленіи позволила вамъ разрушить.

Онъ положилъ табакерку въ карманъ и прошелся по комнатѣ.

Балашовъ, чувствуя необходимость возражать, сказалъ, что въ Россіи не думаютъ, чтобы дѣла были такъ плохи.

Наполеонъ снисходительно кивалъ головой, какъ бы говоря:

Возражайте, это ваша обязанность, но вы сами этому не вѣрите.

Когда тотъ кончилъ, Наполеонъ стукнулъ ногою въ полъ. Появился камергеръ и подалъ императору перчатки и шляпу.

Наполеонъ обратился къ Балашову.

— Увѣрьте отъ моего имени Императора Александра, что я ему преданъ попрежнему. Я его знаю и высоко цѣню его качества. Не удерживаю васъ болѣе, генералъ. Вы получите мое письмо къ своему Государю.

И онъ быстро пошелъ изъ комнаты. Все бросилось впередъ внизъ по лѣстницѣ.

Такъ кончилась эта достопамятная аудіенція.

Въ сопровожденіи блестящей свиты Наполеонъ отправился верхомъ на прогулку по Вильнѣ. Это была веселая прогулка. Толпы народа съ восторгомъ встрѣчали его. Въ окнахъ домовъ были выставлены ковры, флаги, вензеля. Польскія дамы, привѣтствуя императора, махали платками и бросали цвѣты.

Въ семь часовъ у Наполеона былъ назначенъ обѣдъ. Къ нему былъ приглашенъ Балашовъ. Послѣ того, что при свиданіи наговорилъ ему Наполеонъ, Балашовъ былъ увѣренъ, что императоръ не пожелаетъ болѣе его видѣть, и потому это приглашеніе было для него неожиданностью.

На обѣдѣ присутствовали Бертье, Коленкуръ и Бессьеръ. Наполеонъ встрѣтилъ Балашова съ веселымъ, ласковымъ видомъ и посадилъ его около себя.

Онъ заговорилъ о Москвѣ. На его вопросы Балашовъ старался давать точные отвѣты.

— Сколько тамъ жителей? — спрашивалъ императоръ.

— Триста тысячъ.

— А домовъ?

— Десять тысячъ.

Услышавъ, что въ Москвѣ болѣе двухсотъ церквей, онъ удивился:

— Къ чему такое множество церквей?

— Русскіе очень набожны.

— Полноте, какая теперь набожность. Впрочемъ, большое количество церквей и монастырей всегда есть признакъ отсталости народа.

— У каждой страны свои нравы, — возразилъ Балашовъ: — можетъ быть, въ Германіи и Италіи мало набожныхъ, но ихъ еще много въ Испаніи и Россіи.

Наполеонъ, недовольный намекомъ на Испанію, гдѣ маршалы его терпѣли неудачи, замолчалъ, потомъ снова, обращаясь къ Балашову, спросилъ:

— По какой дорогѣ можно пройти въ Москву?

Ваше величество, это затруднительный вопросъ. Есть пословица: всѣ пути ведутъ въ Римъ. Въ Москву тоже можно пройти разными дорогами. Карлъ XII шелъ на Полтаву.

Наполеонъ нахмурился, французы молча переглянулись.

Послѣ обѣда перешли въ кабинетъ Наполеона пить кофе. Императоръ, сохраняя хорошее расположеніе духа, продолжалъ бесѣду съ Балашовымъ.

— Вотъ комната, — говорилъ онъ, — въ которой, кажется, жилъ Императоръ Александръ. Какъ это странно, не правда ли, генералъ? Да, здѣсь четыре дня

назадъ совѣщались Винценгероде и Штейнъ. Зачѣмъ вашъ Государь приблизилъ моихъ личныхъ враговъ? Но вѣдь и я могу сдѣлать то же.

Воспоминаніе объ утренней вспышкѣ проснулось въ немъ. Онъ всталъ, порывисто отодвинулъ стулъ и сказалъ:

— Но я сдѣлаю больше. Я выгоню изъ Германіи всѣхъ его родныхъ, баденскихъ, веймарскихъ, виртембергскихъ!.. Пусть онъ готовитъ для нихъ убѣжище въ Россіи.

Балашовъ опять покорно склонилъ голову, показывая, что тутъ нечего возражать.

— Зачѣмъ Императоръ Александръ принялъ начальство надъ войсками? Война мое ремесло, а его дѣло царствовать, а не командовать арміями.

Наполеонъ молча сталъ ходить по комнатѣ. Порывъ его прошелъ. Онъ подумалъ, что ему слѣдуетъ обласкать человѣка, на котораго безъ всякаго повода обратилась его запальчивость. Онъ подошелъ къ Балашову и взялъ его за ухо, слегка дернулъ, привѣтливо улыбнувшись. Быть выдраннымъ за ухо императоромъ считалось большой честью при французскомъ дворѣ.

— Готовы ли лошади для генерала? — спросилъ Наполеонъ: — дайте ему моихъ, ему *далеко ѣхать*, — насмѣшливо подчеркнулъ онъ, намекая на поспѣшное отступленіе русскихъ войскъ.

Балашовъ откланялся.

А. И. Леманъ.

Послѣ побѣды.

(Гравюра. Париж. Салонъ.)

Занятіе Вильны.

Воспоминанія монаха отца М. Лавриновича.

На небѣ свѣтало; я отправился ко дворцу, въ который по отъѣздѣ Государя перенесъ свое мѣстопребываніе фельдмаршалъ Барклай де-Толли.

Во дворѣ передъ подъѣздомъ уже стояла карета, запряженная осьмерикомъ, а около нея на коняхъ около сотни казаковъ.

Раздался топотъ копытъ, и въ то же мгновеніе ко дворцу подскакалъ маршъ-маршемъ весь покрытый пылью молодой офицеръ, крикнувъ на скаку:

— Здѣсь ли еще фельдмаршалъ?

— Здѣсь,— послышался отвѣтъ.

Офицеръ соскочилъ съ коня, котораго подхватилъ какой-то казакъ, и бѣгомъ пустился наверхъ по лѣстницѣ во дворецъ.

„Ба! Да это карета фельдмаршала, — подумалъ я:— если насъ не прогонятъ, то постою я здѣсь и все уви-

жу". Никто, однако, и не думалъ прогонять. Мало-помалу одинъ за другимъ собралась около меня кучка любопытныхъ.

Между тѣмъ на небѣ уже совсѣмъ насталъ день. Ко дворцу прискакалъ еще курьеръ. Улицы стали шевелиться людьми. Послышался шумъ, разговоры, болтовня. Болтали и то и сё. Каждый спрашивалъ сосѣдей, но никто ничего не зналъ вѣрнаго или отвѣчалъ, что взбредало на умъ. Мы тревожно ждали. Вскорѣ прискакалъ на взмыленномъ конѣ и третій гонецъ и, запыхавшись, побѣжалъ наверхъ во дворецъ. Въ ту же почти минуту изъ дворца выбѣжалъ офицеръ и стремглавъ бросился на замковый плацъ. А я и еще нѣсколько зѣвакъ—за нимъ. Не успѣли мы добѣжать, какъ загремѣли барабаны, солдаты побросали недоѣденную кашу, и въ нѣсколько мгновеній полкъ подъ звуки музыки, въ полномъ порядкѣ, стройно двинулся ускореннымъ шагомъ по направленію къ Антоколю.

Я опять назадъ ко дворцу. Нашъ монастырскій архитекторъ уже былъ тамъ, весь превратившись въ слухъ и вниманіе.

— Послѣдній полкъ,— сказалъ я ему,—сейчасъ выступилъ къ Нѣменчину.

— А за симъ...— началъ было архитекторъ, но не докончилъ, ибо на дворѣ въ эту минуту все засуетилось и пришло въ движеніе. Нѣсколько верховыхъ выскочили за ворота и помчались въ разныя стороны. На крыльцѣ, сопровождаемый губернаторомъ Вильны Лавинскимъ и нѣсколькими адъютантами, показался самъ фельдмаршалъ. На лицахъ ни малѣйшаго безпокойства, а фельдмаршалъ такъ даже чему-то улыбался.

— Вотъ хватъ, такъ хватъ! Прошу покорно!—произнесъ мнѣ на ухо архитекторъ:—Бонапартъ за горой, а онъ себѣ и въ усъ не дуетъ.

Фельдмаршалъ между тѣмъ остановился на крыльцѣ, посмотрѣлъ направо и налѣво, кинулъ глазомъ и

на нашу кучку, усмѣхнулся чему-то еще разъ, потомъ не спѣша вынулъ часы, взглянулъ на нихъ, а за симъ не торопясь сошелъ съ крыльца, сѣлъ въ карету, пригласивъ съ собою и губернатора Лавинскаго. Вся остальная свита, сѣвъ на коней, окружила экипажъ, который съ мѣста крупною рысью тотчасъ же покатилъ по направленію къ Антоколю.

— Ну! по моему мнѣнію, теперь у насъ interregnum (междуцарствіе),—произнесъ архитекторъ.

Не успѣла карета выѣхать за черту города, какъ вдругъ раздался грохотъ страшнаго взрыва, а вслѣдъ за нимъ и второго, да такого, что все задрожало, стекла повылетѣли изъ рамъ, и земля заходила подъ ногами. Люди, какъ сумасшедшіе, бросились въ разныя стороны, не понимая, что все это могло бы значить, и орали, какъ оголтѣлые.

У меня тоже со страху заколотилось сердце въ груди, но все на свѣтѣ проходитъ, прошло и впечатлѣніе взрывовъ: оказалось, что съ первымъ взрывомъ взлетѣлъ Зеленый мостъ, а вторымъ высажены на воздухъ провіантскіе склады на Лукишкахъ, осыпавъ мукою все предмѣстье.

Все успокоилось, но немного погодя, внезапно съ горъ, окружающихъ городъ, послѣдовательно одинъ за другимъ прогрохотали три пушечныхъ залпа.

— Стрѣляютъ по городу!— крикнулъ кто-то.

И этого крика какого-то трусишки было достаточно, чтобы въ городѣ поднялась страшная паника. Всѣ кидались, ничего не слыша и не понимая. Улица давила улицу. Все это бѣжало, падало, подымалось и опять бѣжало, крича во все горло:

— Гвалтъ! Спасайте!..

Раньше всѣхъ пришелъ въ себя нашъ архитекторъ.

— Подождемъ, — сказалъ онъ, — все это вздоръ! Какой смыслъ стрѣлять по мирному городу? Глупая толпа подавитъ другъ друга. По моему мнѣнію, эти

залпы есть не болѣе, какъ послѣдніе сигналы, предваряющіе, чтобы все военное уходило изъ города и что непріятель близко.

Мнѣніе архитектора оказалось вполнѣ вѣрнымъ. Переполохъ успокоился; населеніе пришло въ себя, хотя волненіе не вполнѣ улеглось, и страхъ уступилъ мѣсто любопытству; движимыя имъ массы народа, подобно волнамъ, перекатывались и переливались отъ одного конца города къ другому.

Шумъ, гамъ, сутолка на улицахъ были такіе, какихъ никогда еще мнѣ видѣть не случалось. Весь городъ былъ на улицѣ. Всѣ окрестныя горы сплошь были покрыты людьми, чающими первыми увидѣть французовъ. Многіе съ этою цѣлью полѣзли на крыши домовъ, башни церквей и колокольни. Огромныя толпы побѣжали за Ковенскую заставу, откуда ожидались французы. Все это бѣгало, сталкивалось, галдѣло, напоминая собою въ общемъ одинъ громадный домъ сумасшедшихъ.

Между тѣмъ, новонареченный президентъ города (городской голова. Н. К.) генералъ Ляхницкій *), какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ себѣ, окруженный ратманами (городскіе совѣтники—теперь наз. члены город. управы. Н. К.) въ главной залѣ городской думы, а передъ нимъ на столѣ, на красномъ серебряномъ блюдѣ, наготовѣ уже лежали два золотыхъ, а можетъ быть, только позолоченныхъ, ключа, якобы отъ городскихъ воротъ, которыхъ впрочемъ въ Вильнѣ уже нѣтъ и въ поминѣ, за исключеніемъ никогда не запиравшихся замковыхъ, лежащихъ въ центрѣ города, да Острой Брамы, и послѣдія тоже ничѣмъ не запираются да и не нуждаются ни въ какихъ запорахъ,

*) Описываемыя событія происходили 16-го іюня 1812 г, а генералъ Ляхницкій былъ назначенъ Императоромъ Александромъ I на этотъ постъ 14-го іюня.

ибо наилучшею защитою имъ и городу всегда была и будетъ Пресвятая Пречистая Богородица, чудотворный образъ которой, одинаково почитаемый и христіанами, и не христіанами, уже спасъ однажды городъ отъ нашествія.

Въ такомъ хаосѣ прошло около двухъ часовъ. Побывалъ я у епископскаго дворца, оттуда народное теченье повлекло меня было къ городской думѣ, но движеніе это было остановлено встрѣчною волною народа, быстро бѣгущаго и вопящаго:

— Колютъ!.. Колютъ!..

— Кто колетъ, кого колютъ? — спрашивалъ я, но никто не давалъ отвѣта, въ изступленіи продолжая орать:

— Колютъ!.. Колютъ!..

„Глупые трусы", подумалъ я, продолжая пробираться впередъ къ думѣ, откуда неслись другіе крики, отъ которыхъ и у болѣе храбрыхъ душа начала перемѣщаться по направленію къ пяткамъ.

Въ мгновеніе ока все объяснилось.

Изъ всѣхъ улицъ, переулковъ, непрерывнымъ потокомъ, точно изъ мѣшка горохъ, сыпались съ гикомъ и крикомъ польскіе уланы. Пики на перевѣсъ, сабли наголо—точно къ атакѣ.

Почти мгновенно вся обширная площадь передъ зданіемъ городской думы запестрѣла флюгерами уланскихъ пикъ, и въ то же время уланами, какъ по-писаному, была занята городская дума и главная гауптвахта.

Тогда генералъ Ляхницкій, сопровождаемый нѣкоторыми старѣйшими представителями города, вышелъ на крыльцо, переговорилъ о чемъ-то съ командиромъ уланъ, а за симъ, забравъ съ собою блюдо съ ключами, сѣлъ въ карету и поѣхалъ къ Ковенской заставѣ навстрѣчу Бонапарту.

Между тѣмъ конница наполнила городъ, точно на-

водненіе. Впереди всѣхъ мчались уланы, за ними конные егеря, а за этими гусары. Впереди гусаръ, на чудномъ ворономъ скакунѣ, въ сплошь залитомъ золотомъ доломанѣ, въ фантастической, наподобіе турецкаго тюрбана съ развѣвающимися страусовыми перьями шапкѣ, гарцовалъ, обращая на себя вниманіе, какой-то всадникъ.

Потрясая высоко поднятой надъ головой саблей, которая искрилась и сверкала, точно молнія, всадникъ горячилъ своего коня и не переставая кричалъ:

— Виватъ, Наполеонъ! (Да здравствуетъ!) Ура, Наполеонъ!.. То былъ Мюратъ, король Неаполитанскій и шуринъ Бонапарта.

Съ любопытствомъ и боязнью присматривались мы всѣ къ этому невиданному у насъ войску, имѣя одну общую цѣль и мысль увидѣть среди него самого Бонапарта, но тамъ его не было... Вдругъ, такъ около полудня, по городу разнеслась вѣсть, а вѣсти тогда летали съ быстротою молніи, что Бонапартъ уже въ городѣ и находится на берегу Виліи у Зеленаго моста.

Моментально все бросилось туда, а впереди всѣхъ я, и что есть духу, чтобы никому не дать опередить себя. Хотя мнѣ это и удалось, однако не вполнѣ, потому что еще ранѣе у Зеленаго моста, тамъ, гдѣ былъ Наполеонъ, успѣла уже собраться порядочная толпа.

Работая и ногами, и локтями, получивъ и самъ не мало пинковъ, я все-таки добрался до середины и, очутившись всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ, почти лицомъ къ лицу съ всесильнымъ императоромъ, могъ вдоволь на него насмотрѣться.

Надъ самымъ берегомъ рѣки, ближе моста, на простой деревянной скамейкѣ, сидѣлъ *онъ*, тотъ самый, отъ взгляда котораго милліоны людей трепетали и мановеніе руки котораго способно было направить милліоны эти на вѣрную смерть и хоть на самый конецъ свѣта.

Такъ вотъ *онъ*.

Да неужели же это въ самомъ дѣлѣ *онъ*, тотъ самый, имя котораго вездѣ и всюду повторяется на всѣхъ языкахъ человѣческихъ и слава о которомъ гремитъ изъ конца въ конецъ міра? Думалъ увидѣть что-либо особенное, но правду сказать, право, не на что было смотрѣть... Фигура самая обыкновенная, даже невзрачная, но когда онъ, повернувъ голову на нашу сторону, случайно посмотрѣлъ на меня, то, сознаюсь, дрожь прошла по всему моему тѣлу и поджилки на ногахъ затряслись...

Никогда въ жизни не забуду этого огненнаго взгляда.

Хотя мостъ былъ взорванъ, но вся поверхность рѣки была покрыта плотами, на которыхъ уже копошились понтонеры, устраивая изъ бревенъ плавучій мостъ.

Пока все это дѣлалось, Бонапартъ попрежнему сидѣлъ на берегу и велъ разговоръ съ отцомъ Глоговскимъ, монахомъ ордена Піаровъ, котораго замѣтилъ въ толпѣ и велѣлъ подойти къ себѣ.

Выборъ Наполеона оказался какъ нельзя болѣе удаченъ, ибо отецъ Глоговскій былъ умнѣйшій и просвѣщеннѣйшій человѣкъ, а по-французски зналъ не хуже, чѣмъ на родномъ языкѣ.

Всѣ дивились, какъ это простой монахъ такъ смѣло можетъ говорить съ самимъ императоромъ; но я нисколько не удивлялся; если бы Наполеонъ обратился ко мнѣ, то, можетъ быть, по-латыни и я съ нимъ объяснился и, пожалуй, нисколько не хуже, чѣмъ этотъ монахъ по-французски. Побуждаемый этою мыслью, я всѣми силами старался лѣзть впередъ, думая: а ну же... но въ это время мостъ былъ готовъ.

Бонапарту подали небольшую бѣлую лошадку-мерина (какое сравненіе съ огненнымъ скакуномъ Мюрата!), сѣвъ на котораго, онъ переѣхалъ первымъ черезъ наведенный изъ плотовъ мостъ и, окруженный огромною свитою генераловъ, поѣхалъ правымъ берегомъ,

по направленію къ Антоколю. Мы же всѣ лѣвымъ берегомъ за нимъ. Противъ Замковой горы кортежъ остановился, и императоръ долго ее разсматривалъ, нѣсколько разъ указывая на нее рукою. Наблюдали мы за нимъ, сколько было возможно, наконецъ всѣ вернулись къ мосту, гдѣ опять увидѣли Наполеона, вернувшагося назадъ.

Толпа народа бѣжала за нимъ по пути ко дворцу, неистово крича:

— „Виватъ!“ (Да здравствуетъ!)

Наполеонъ отвѣчалъ на эти восторги то небрежнымъ движеніемъ руки, то едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы. Какая разница съ привѣтливостью и добротою Александра...

Но что теперь дѣлается въ городѣ! Что за внезапный переворотъ въ порядкѣ вещей? Что за сумятица— безтолочь, путаница, безпорядокъ... Всѣ и все какъ будто бы выскочило изъ своей обычной колеи и рамокъ, и все идетъ не путемъ и не по пути. Всѣ точно въ какомъ-то умопомраченіи...

Да и въ самомъ дѣлѣ, въ то достопамятное время было на что посмотрѣть. День и ночь безостановочно проходили черезъ городъ разнородныя, разновидныя и разноязычныя войска. Кирасиры въ латахъ, которыя на солнцѣ блестѣли, какъ золотыя, огромныя дѣтины на непомѣрныхъ коняхъ, въ желѣзныхъ шишакахъ съ конскими хвостами позади, что придавало этимъ и безъ того страшнымъ конникамъ еще болѣе страшный видъ. Какіе-то невѣроятные и странные бородачи въ огромныхъ косматыхъ шапкахъ съ широкими бердышами, какъ у палачей, на плечахъ и съ кожаными фартуками точно у кузнецовъ... и, наконецъ, прости и помилуй насъ, Господи, ни болѣе ни менѣе, какъ цѣлый полкъ чертей, а, можетъ быть, и турокъ, что, впрочемъ, почти одно на одно выходитъ; на головахъ чалма, у каждаго на поясѣ огромный кинжалъ, а на бо-

ку кривая и широкая саблища. Говорятъ, что это какіе-то мамелюки съ береговъ Краснаго моря, того самаго, въ которомъ когда-то египетскій фараонъ утонулъ.

Въ городѣ, однако, начинаетъ чувствоваться что-то неладное. Улицы завалены трупами лошадей, сотнями ежедневно гибнущихъ отъ зеленаго овса и ржи, которыми приходится кормить кавалерію по недостатку сухого фуража и сѣна, стада рогатаго скота и барановъ непосредственно гонятъ за полками, и гдѣ полкъ остановился, то тутъ же и бойня и кухня, откуда при страшной жарѣ и гниль и зараза.

На большихъ дорогахъ и селахъ не лучше: стали появляться слухи о грабежахъ и безчинствахъ, да что за городомъ, и въ городѣ были случаи самаго наглаго грабежа и насилія.

Два какихъ-то негодяя пробрались въ маленькій монастырь св. Троицы, что на Антоколѣ, и начали было сдирать ризы съ образовъ и разныя золотыя и серебряныя жертвы, которыми благочестивые богомольцы украсили чудотворное изображеніе Христа. Подобное святотатство, однако, не прошло имъ даромъ; схваченные на мѣстѣ преступленія, они въ двадцать четыре часа были осуждены военно-полевымъ судомъ и тутъ же на Антоколѣ разстрѣляны.

Видѣлъ я обоихъ и дивился ихъ безвѣрію и сердечной окаменѣлости этихъ еретиковъ... ни духовника, ни исповѣди и никакого напутствія въ другой міръ принять не пожелали. Идя на мѣсто казни, одинъ грызъ бублики, а другой курилъ трубочку, и оба весело разговаривали и безпечно шутили съ тѣми самыми, которые, не долѣе какъ черезъ минуту должны были въ нихъ выпалить. Боже! Боже! Ужасно было видѣть такое закоренѣлое невѣріе и равнодушіе къ спасенію душъ своихъ, которыя они сознательно, прямымъ путемъ направляли въ адъ кромѣшный... Никогда бы въ жизни не повѣрилъ, если бъ не видѣлъ своими глазами.

Каждый разъ при встрѣчѣ напоминалъ мнѣ мой незабвенный отецъ архимандритъ мое обѣщаніе о доставленіи случая видѣть Наполеона. Пришлось исполнить его настойчивое требованіе. Повелъ его. Придя на мѣсто, я усадилъ его на ступеньку, какъ разъ насупротивъ арки дворцоваго въѣзда.

Какъ же я узнаю его, carissime (драгоцѣннѣйшій)?—спросилъ онъ.

— А вотъ какъ, отче! Первo-наперво выскочатъ изъ воротъ, какъ у нихъ тамъ называется, нѣсколько гидовъ, значитъ, проводниковъ по-нашему, изъ которыхъ одинъ впереди, а прочіе за нимъ; двѣ пары гвардейскихъ конныхъ стрѣлковъ съ заряженными и взятыми на изготовку карабинами, а за ними уже на бѣломъ или чаломъ конѣ въ простомъ темно-синемъ гвардейскомъ стрѣлковомъ мундирѣ съ краснымъ, безъ всякаго шитья, воротникомъ, съ одною только звѣздою на груди и въ небольшой треуголкѣ на головѣ — *онъ!* За нимъ безъ счета и числа разныхъ генераловъ, адъютантовъ, ординарцевъ съ головы до ногъ въ золотѣ и серебрѣ, а въ заключеніе конвой изъ нѣсколькихъ десятковъ гвардейскихъ конно-егерей и столькихъ же улановъ, которыми обыкновенно и завершается кавалькада.

Точно на наше счастье, едва успѣлъ я окончить свой разсказъ, какъ за воротами грянули барабаны; а это было знакомъ, что императоръ садится на коня. Толпа бросилась къ выходу; насилу успѣлъ я очистить мѣстечко моему старцу. Изъ воротъ выскочилъ предшествующій императору отрядъ тѣлохранителей...

Судорожнымъ движеніемъ стиснулъ старецъ мою руку и дрожа, какъ осиновый листъ, съ усиліемъ простоналъ:

— *Это онъ!* Вотъ оно что! Это онъ!

Впереди насъ, шага на два, стоялъ солдатъ въ высокой медвѣжьей шапкѣ на головѣ. Мы никакъ не

могли догадаться, зачѣмъ онъ здѣсь поставленъ. Но потомъ порѣшили, что вѣрно такъ это и должно быть. Но когда Бонапартъ приблизился къ нему, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, взялъ ружье на карауль и замеръ...

Императоръ остановилъ лошадь...

Это было какъ нельзя болѣе на руку моему доброму старцу, ибо теперь онъ могъ видѣть его, что называется, око въ око. Императоръ что-то спросилъ солдата, вѣроятно о томъ, какую имѣетъ просьбу. Солдатъ подалъ ему какую-то надѣтую на штыкъ бумагу. Бонапартъ ее развернулъ и внимательно сталъ читать; въ серединѣ еще было нѣсколько бумагъ, и ихъ всѣ пересмотрѣлъ. Еще спрашивалъ о чемъ-то солдата, за симъ, снявъ съ груди одного изъ генераловъ крестъ, нагнулся съ коня, собственноручно пристегнулъ его солдату... и съ мѣста тронулъ въ галопъ.

Солдатъ, какъ полоумный, заоралъ:— „Вивь лямпереръ!“ Что по-нашему значитъ: „да здравствуетъ императоръ“, какъ мнѣ это перевелъ мой спутникъ, впрочемъ я и самъ давно уже зналъ, что значитъ этотъ возгласъ, такъ какъ въ послѣдніе дни онъ покрываетъ собою всѣ прочіе звуки. Странно было видѣть этого здоровеннаго усача съ широкимъ шрамомъ черезъ весь лобъ и лицо, который въ какомъ-то изступленіи, не переставая орать во все горло, цѣловалъ свой крестъ, обтиралъ обильно льющіяся слезы и въ то же время, въ припадкѣ безумной радости, хохоталъ и точно сумасшедшій бросался обнимать какъ собравшихся около него камрадовъ (друзей), такъ равно и всѣхъ безъ разбору, кто только ни попадался ему навстрѣчу...

— Что же вы обо всемъ видѣнномъ думаете? — спросилъ я моего почтеннаго наставника, давъ ему немного успокоиться и отдохнуть, видя его всецѣло погруженнаго въ размышленія.

— Что думаю?—спрашиваешь ты! Что я думаю? Охъ, этого не выразить словами!!! Прожилъ столько лѣтъ! Видѣлъ на своемъ вѣку столько людей, дѣяній людскихъ, событій, превратностей судьбы, и въ послѣдніе часы моей жизни пришлось увидѣть... высшую степень напряженія человѣческаго могущества, силы и власти, и все это въ одномъ только человѣкѣ!!! Вотъ оно что! Довольно же жить на свѣтѣ!..

— Но, отче, будемъ молить Всевышняго,—перебилъ я его: — чтобы продолжать нашу жизнь, дабы мы могли, по крайней мѣрѣ, еще увидѣть, чѣмъ все это кончится?

— Чѣмъ все это кончится?.. чѣмъ все это кончится? -продолжалъ онъ рѣчь свою...—Вещи необычайныя необычайно и кончиться должны... Міръ очищается огнемъ, такъ же какъ желѣзо въ литейномъ горнилѣ. Человѣчество бурлитъ, кипитъ, клокочетъ, плавится и бродитъ... Вотъ оно что... Революціи, безбожія, невѣрія, заблужденія накипаютъ и всплываютъ наверхъ въ видѣ грязныхъ, черныхъ и нечистыхъ отбросовъ... Шумятъ и кипятъ они, выбрасываются прочь и будутъ совершенно выброшены... Такою огненною переработкою масса разнородныхъ элементовъ мыслей и чувствъ человѣческихъ очистится и сплавится въ одинъ чистый однородный металлъ, который сольется въ форму древняго Христова креста. Вотъ оно что!

— Немного понялъ я изъ вашего разсказа, отче!— сказалъ я:—но что же во всемъ этомъ общаго съ Бонапартомъ?

— О, праведная ты голова! Что общаго! Что, говоришь ты, общаго?... Да общее то, что самый онъ-то и есть тотъ великій *литейщикъ*, который ту руду плавитъ, размѣшиваетъ, отдѣляетъ и подымаетъ вверхъ нечистые шлаки, разжигаетъ и раздуваетъ пламя, и желая не желая, самъ того, можетъ быть, не сознавая, подготовляетъ матеріалы, которые чистымъ металломъ

должны слиться и остыть въ крестовой формѣ. Вотъ оно что! Судьбы Божіи неисповѣдимы; это и перстъ Божій... а, можетъ быть, бичъ Его... а въ концѣ концовъ все это вмѣстѣ со временемъ послужитъ еще разъ яснымъ подтвержденіемъ того, что одинъ лишь Господь Богъ всесиленъ и всемогущъ... а человѣкъ, хотя бы и всевластный... Однако... да будетъ воля Твоя, Господи!.

И онъ, поднявъ глаза къ небу, сталъ шептать молитвы, нарушить которыя я не посмѣлъ...

От. М. Лавриновичъ.

Арьергардная стычка подъ Витебскомъ.

Пирушка донцовъ и гусаръ затянулась до разсвѣта. Вспоминая прошлое и гадая о будущемъ, никому и въ голову не приходило, что не болѣе какъ черезъ часъ всѣмъ участникамъ кутежа придется стоять подъ сильнымъ огнемъ и что нѣкоторымъ суждено геройски пасть въ предстоящемъ славномъ бою.

Становилось все свѣтлѣй и свѣтлѣй. Все яснѣе обозначались лица казаковъ-пѣсельниковъ и гусаръ, столпившихся около нихъ.

Синеватыя тучи, озаренныя розовымъ свѣтомъ на востокѣ, быстро неслись по вѣтру.

Старикъ-запѣвала Иванъ Тарасьевичъ затянулъ малороссійскую:

А по-пидъ горою, по-пидъ зеленою...

Солнце показалось на чистой полоскѣ неба и вновь скрылось въ темной узкой тучѣ, висѣвшей подъ горизонтомъ. Чрезъ минуту оно еще ярче освѣтило востокъ, разорвавъ верхній край тучи, и все вдругъ заблестѣло...

— А вѣдь кто-то скачетъ сюда! — вдругъ вскрик-

пулъ симпатичный, черноглазый, стройный корнетъ Орловъ.

Всѣ офицеры моментально поднялись съ ковра и съ напряженнымъ вниманіемъ начали всматриваться въ быстро приближавшагося всадника.

Лихой штабъ-ротмистръ Мазуренко, типичный хохолъ съ длинными, висящими внизъ усами, подскакавъ къ пѣсельникамъ, взмахнулъ нагайкой, подалъ корпусъ назадъ, и конь его остановился, какъ вкопанный.

Пѣсельники, по мановенію Ивана Тарасьевича, оборвали сразу.

— Что случилось? Откуда ты, Мазуренко? Говори же скорѣе! —послышались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— А, вотъ що я вамъ скажу, хлопыци; годи вамъ балакать да спивать... Вставайте, да идыть бытыся съ Палевонтіемъ .. Вотъ що! Винъ бісовъ сынъ такъ и прэ съ велыкою силою по велыкому шляху на Вытебскъ... Такъ и прэ...

— Да брешешь ты, братъ,—сказалъ Орловъ-Денисовъ.—Вижу по рожѣ, что брешешь...

Но въ это время въ непріятельской сторонѣ грянула пушка, за ней другая, третья, четвертая...

— Пѣсельники, къ конямъ!— строгимъ тономъ скомандовалъ Орловъ-Денисовъ, подымаясь съ ковра. — Прошу господъ офицеровъ стать на свои мѣста! Смирно! Къ конямъ!— крикнулъ онъ, повернувшись къ полку.

Все пришло въ движеніе.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ эскадроны выравнялись, казаки, гусары и офицеры стояли на своихъ мѣстахъ, держа лошадей въ поводу. Около графа громаднаго роста бородатый казакъ, похожій на цыгана, постоянный ординарецъ его и тѣлохранитель, держалъ подъ уздцы нетерпѣливо бьющаго копытами землю темно-сѣраго коня, на которомъ Орловъ-Денисовъ обыкновенно выѣзжалъ, когда ожидалось дѣло.

Конь не стоялъ на мѣстѣ, фыркалъ, настораживалъ уши и умными, чудными глазами посматривалъ въ непріятельскую сторону, откуда продолжали раздаваться орудійные выстрѣлы.

— Хорошо ли ты накормилъ Барса, Денисовъ?— спросилъ графъ своего тѣлохранителя, подходя къ коню.

— Хорошо, ваше сіятельство... И овса, и сѣна давалъ вволю. И водой ключевой напоилъ...

Канонада между тѣмъ разгоралась все болѣе и болѣе.

— Ну, Господи благослови!—сказалъ графъ, снимая киверъ и набожно крестясь.

Весь полкъ, не сводившій глазъ съ своего обожаемаго начальника, послѣдовалъ его примѣру.

— Садись!—скомандовалъ Орловъ-Денисовъ и, быстро вскочивъ на сѣдло, поскакалъ къ полку.

— Сегодня будетъ, вѣроятно, большой бой съ самимъ Наполеономъ! — крикнулъ онъ, осадивъ Барса около праваго фланга 2-го эскадрона,—забудьте, братцы, все, что вамъ дорого и мило, и думайте только о славѣ и чести матушки Россіи и роднаго Дона... Порадѣйте, товарищи!..

— Постараемся, ваше сіятельство! -радостно и дружно рявкнули казаки.

Графъ повернулъ коня и понесся, въ сопровожденіи Хрещатицкаго и своего тѣлохранителя, по направленію выстрѣловъ къ центру позиціи.

Больше получаса продолжалась безпрерывная стрѣльба по нашей кавалеріи. Изрѣдка удачно попадавшія гранаты вырывали изъ строя то въ одномъ, то въ другомъ полку сразу по нѣсколько людей и лошадей. Казаки смотрѣли хмуро и были молчаливы. Все рѣже слышался между ними говоръ.

Генералъ Палень и старшій полковникъ лейбъ-казачьяго полка, полный, воинственнаго вида брюнетъ,

Иванъ Ефремовичъ Ефремовъ разъѣзжали впереди полковъ своихъ, стараясь ободрить людей.

— Семи смертей не бывать, а одной не миновать, ребятушки, — говорилъ Ефремовъ. — Не кланяйтесь! Смотри молодцами!.. Подбодрись!.. Смотри веселѣй!..

— Кого-то нелегкая несетъ опять сюда! — воскликнулъ черный бородатый корнетъ, сильно напоминавшій чертами лица Пугачева. Чуть ли не Хрепатицкій.

— Вѣрно, вѣрно, братъ Емельянъ, — сказалъ Венедиктъ Коньковъ. — Это, дѣйствительно, онъ... Что-то онъ намъ сообщитъ? А, хоть бы скорѣй впередъ!.. Руки смерть какъ чешутся...

— Графъ требуетъ лейбъ-казаковъ и 1-й дивизіонъ сумцовъ! — закричалъ Хрепатицкій что было силы, еще не доскакавъ до полка.

— Куда приказано итти? — спросилъ Ефремовъ.

— За мной, Иванъ Ефремовичъ... къ центру позиціи, — отвѣтилъ Хрепатицкій и, повернувъ своего масштака, понесся обратно.

— Ура-а! — радостно закричали офицеры. — Ура-а! — подхватилъ весь полкъ. Рѣзкіе голоса Венедикта и Емельяна Коньковыхъ выдѣлялись въ этомъ крикѣ.

— Наконецъ-то! — послышались радостныя восклицанія среди казаковъ и гусаръ. — Слава Богу... Давно пора итти впередъ!..

— Смирно! Сабли вонъ! — раздалась команда Палена. — Справа повзводно, рысью! Донцы впередъ, маршъ!

Съ мѣста крупной рысью пошли лейбъ-казаки, а за ними двинулись, бренча саблями, и сумцы. Рысь вскорѣ перешла у донцовъ въ наметъ, а у гусаръ въ галопъ. Минуты черезъ двѣ эскадронъ Ефремова, а за нимъ и остальныя части, обогнавъ какой-то батальонъ, спустились подъ гору и, пройдя березовую рощу, поднялись вновь на возвышенность, съ которой сквозь порохо-

вой дымъ виднѣлись впереди непріятельскія батареи. Ниже шла оживленная перестрѣлка пѣхотныхъ цѣпей. Справа за небольшой возвышенностью, поросшей кустарникомъ, стояли въ колоннѣ наши два баталіона, за ними Черноморскій эскадронъ, а на самой возвышенности, нѣсколько лѣвѣе пѣхоты, видны были между кустарниками орудія нашей гвардейской конной артиллеріи полковника Козена. Около право-фланговаго орудія находился начальникъ арьергарда графъ Паленъ съ ординарцами и графъ Орловъ-Денисовъ съ Хрещатицкимъ и Денисовымъ.

— Лѣвое плечо впередъ, маршъ!— послышалась команда Ефремова.

Донцы, а за ними гусары, зайдя лѣвымъ плечомъ, быстро собрались въ тѣсную колонну за черноморцами. Командиръ Сумскаго полка фонъ-деръ-Паленъ и Ефремовъ поскакали къ начальнику арьергарда.

Въ это время непріятельскій кавалерійскій и двѣ стрѣлковыя роты линейнаго полка, двигавшіеся впередъ, очутились впереди своихъ батарей, стоявшихъ на холмѣ, на которомъ находился Наполеонъ, окруженный большой свитой. Указавъ Орлову-Денисову, Палену и Ефремову на эти части, начальникъ арьергарда сказалъ:

— Непростительно было бы не воспользоваться оплошностью французовъ... Видите? Полковника Ефремова прошу немедленно атаковать съ первымъ дивизіономъ въ лобъ... А вы, графъ Василій Васильевичъ, хватите одновременно въ лѣвый флангъ съ третьимъ эскадрономъ и черноморцами... Сумцы же васъ поддержатъ...

Сдѣлавъ эти распоряженія, начальникъ арьергарда поскакалъ съ своими ординарцами къ правому флангу нашей цѣпи, гдѣ имъ замѣчено было нѣкоторое замѣшательство.

Вслѣдъ за его отъѣздомъ, дивизіонъ Ефремова

быстро вытянувшись во взводную колонну, пошелъ на рысяхъ параллельно нашей позиціи, укрываясь гребнемъ возвышенности, поросшей мелкимъ кустарникомъ. Проѣдя въ этомъ направленіи около двухсотъ саженъ, Ефремовъ въ одинъ моментъ построилъ фронтъ и двинулся подъ гору прямо навстрѣчу непріятельскимъ конно-егерямъ,

Въ это время графъ Орловъ-Денисовъ и Паленъ успѣли уже спуститься съ возвышенности въ прямомъ направленіи и, сдѣлавъ заѣздъ повзводно налѣво, пошли въ уступномъ порядкѣ во флангъ противника.

Французскіе конно-егеря и стрѣлки, совершенно неожиданно очутившіеся, благодаря этому быстрому маневру донцовъ и гусаръ, въ крайне затруднительномъ положеніи, пришли въ замѣшательство.

Моментомъ этимъ не замедлилъ воспользоваться опытный и отважный предводитель гвардейскихъ донцовъ. Крикнувъ громовымъ голосомъ: — съ гикомъ, маршъ, маршъ! — и вдавивъ шпоры въ бока своего рьянаго коня, онъ съ поднятой къ атакѣ саблей стремглавъ помчался впереди казаковъ. Раздался страшный, душу потрясающій гикъ и крикъ, застонала земля подъ копытами ретивыхъ коней: донцы, неся съ собою смерть со всѣми ея ужасами, словно грозныя тучи, рванулись съ двухъ сторонъ на непріятеля. Нѣсколько сзади и правѣе донцовъ и черноморцевъ скакалъ Паленъ съ своими гусарами. За графомъ Орловымъ-Денисовымъ въ разстояніи двухъ-трехъ шаговъ неслся его тѣлохранитель, Денисовъ, за нимъ Павелъ Степановичъ Хрещатицкій и старый бородатый казакъ Чирковъ. Впереди лѣваго фланга 1-го дивизіона на чудномъ ворономъ жеребцѣ бѣшено мчался Венедиктъ Коньковъ. Онъ восторженно съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣлъ вдаль на видѣвшуюся непріятельскую батарею и не замѣчалъ даже, что конно-егеря и стрѣлки, оправившись послѣ минутнаго замѣшательства, приготови-

лись осыпать казаковъ градомъ пуль. Онъ не могъ оторвать взгляда отъ маленькаго полнаго человѣка въ сѣромъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ, разъѣзжавшаго на бѣломъ конѣ около батареи.

— Это онъ! — шепталъ Коньковъ. — Онъ!.. Онъ!.. Это, несомнѣнно онъ... Надо... прямо туда... Надо раздавить этого паразита... этого отвратительнаго гада... Боже, помоги мнѣ... спасти родину... Ребята! — крикнулъ онъ, повернувшись къ далеко отставшимъ отъ него казакамъ.— За мной!.. На батарею!.. Ура-а-а!..

Въ этотъ моментъ раздался ружейный залпъ, за нимъ другой, уже менѣе дружный, перешедшій въ безпорядочную, нервную, порывистую стрѣльбу.. Въ ряды атакующихъ ворвалась смерть... Храбрый предводитель донцовъ, врубившись въ ряды конно-егерей, грохнулся вмѣстѣ съ конемъ и былъ моментально окруженъ непріятелями... Тутъ завязалась неровная борьба... Нѣсколько сабельныхъ клинковъ блеснуло надъ головой графа.. Гибель его казалась неизбѣжной... Хрещатицкій, Денисовъ и Чирковъ едва успѣвали отбивать направляемые противъ него удары... Увидѣвъ своего отца-командира лежащимъ среди враговъ, казаки надвали и страшнымъ быстрымъ ударомъ смяли ихъ... Опрокинувъ егерей, они устремились на стрѣлковъ, отбѣжавшихъ къ оврагу и собравшихся въ кучки... Венедиктъ Коньковъ, зарубивъ на полномъ карьерѣ двухъ, подвернувшихся ему на лѣвомъ флангѣ егерей, помчался далѣе на батарею...

— Гдѣ жъ онъ, окаянный?— шепталъ онъ.— Я что-то не вижу его... А! вонъ гдѣ!.. Улепетываетъ, бестія! Нѣтъ... врешь!.. Не уйдешь теперь отъ меня, проклятый корсиканецъ!.. поздно!..

За Венедиктомъ неслось до пятидесяти казаковъ съ штабъ-ротмистромъ Жмуриномъ и корнетомъ Каменовымъ 3-мъ, Иваномъ Алексѣевичемъ Орловымъ и Емельяномъ Коньковымъ. Блеснули на батареѣ огоньки,

окутались грозныя жерла орудій клубомъ бѣлаго дыма, и съ страшнымъ взгомъ и шипѣньемъ пронеслись надъ головами нашихъ героевъ и среди рядовъ гранаты и картечь... Жеребецъ Венедикта, раненый въ ногу выше колѣна, проскакавъ еще около ста шаговъ, свалился вблизи орудій. Несмотря на невыносимую боль въ правой рукѣ, Венедиктъ ловко соскочилъ съ падавшаго коня, бросился впередъ и успѣлъ ворваться

Наполеонъ подъ Ватерло.

(Г. Сигристъ. Париж. Салонъ.)

на батарею почти одновременно съ штабъ-ротмистромъ Жмуринымъ и старикомъ Иваномъ Тарасьевичемъ Тарасовымъ.

— Коли ихъ проклятыхъ, ребятежь! — закричалъ Коньковъ хриплымъ надорваннымъ голосомъ. — Коли! Перекалывай всѣхъ. Не пади!.. Емельянъ!— обратился онъ къ догнавшему его брату:—голубчикъ... братъ... скорѣй! Впередъ!.. впередъ!.. Онъ тутъ!.. Наполеонъ тутъ...

Обезсиленный отъ сильной потери крови бѣдный

Венедиктъ упалъ около орудія и, ударившись головой о колесо, потерялъ сознаніе.

Oh! mon Dieu! — кричали пришедшіе въ ужасъ французскіе артиллеристы. — Oh! pardon! Oh! diable... cosaque!..

— Пардону запросили!.. Нѣтъ, братъ, мусью... шалишь!.. Поздно... Бога призываешь?.. Врешь!.. Не надуешь!..—слышались голоса казаковъ,—Бога-то у васъ, нехристей окаянныхъ, нѣтъ... Врешь... Ишь ты... еще лаешься!.. Дьяволомъ называешь!.. Такъ на же тебѣ!.. на!.. на!..—кричали разсвирѣпѣвшіе донцы, и длинныя пики ихъ безпощадно пронизывали непріятельскихъ артиллеристовъ.

Въ одну минуту, на глазахъ Наполеона, всѣ артиллеристы были уничтожены, а большинство пушекъ сброшено въ оврагъ, гдѣ онѣ и были оставлены за невозможностью увезти ихъ, въ виду быстро подошедшей пѣхоты Брусье, стоявшей въ полковыхъ карре за батареями.

Атака эта произвела такую тревогу вокругъ Наполеона, что онъ остановилъ на нѣкоторое время свои дѣйствія и приказалъ придвинуть кавалерію Нансути и пѣхоту Дельзана.

Видя явную невозможность далѣе удерживаться противъ превосходныхъ силъ непріятеля, графъ Паленъ, отбивъ нѣсколько атакъ, около четырехъ часовъ пополудни двинулся въ замѣчательномъ порядкѣ къ берегамъ Лучесы, отбиваясь на всякой маломальски удобной мѣстности. Наша армія въ это время была уже въ движеніи къ Витебску и далѣе къ Порѣчью и къ Ліознѣ.

Отъ Багратіона прибылъ князь Меньшиковъ съ извѣстіемъ о неудачномъ боѣ у Салтыковки и о движеніи 2-ой арміи на Смоленскъ. Послѣ нѣкотораго колебанія Барклай рѣшилъ отступать немедленно къ Смоленску.

Ночь вечеръ графъ Паленъ перешелъ на правый

берегъ Лучесы. Туда же послѣдовали за нимъ нѣсколько ротъ французскихъ егерей. Наполеонъ, имѣя такимъ образомъ во власти своей переправу черезъ Лучесу, приказалъ авангарду остановиться и началъ располагать корпуса въ боевой порядокъ для сраженія на другой день. Паленъ, расположивъ свои войска на позиціи по Лучесѣ, приказалъ на мѣстѣ бывшаго лагеря арміи развести огромные костры, чтобы ввести въ заблужденіе непріятеля.

Въ ночь съ 15-го на 16-е іюля около 11 часовъ графъ Орловъ-Денисовъ съ командиромъ Сумскаго полка и др. сидѣли въ большой палаткѣ, тускло освѣщенной сальнымъ огаркомъ. На разостланной буркѣ стоялъ мѣдный чайникъ, металлическія кружки, бутылка рому и подносъ съ ветчиной и хлѣбомъ. Графъ раскуривалъ трубку и слушалъ Ефремова, разсказывавшаго ему подробности о взятіи непріятельской батареи.

— И ты говоришь, вилѣли его? — перебилъ графъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство... Иванъ Орловъ и Жмуринъ сказываютъ, что онъ былъ отъ нихъ недалѣче, какъ въ двухстахъ шагахъ... Если бъ пущено было на батареи еще эскадрона два, казаки бы, того... смяли бы передовую пѣхоту Бруеье и, того... захватили бы Бонапарта...

— Ай, эй, эй! какая досада! — воскликнулъ графъ, наморщивъ лобъ и теребя свои густые вьющіеся волосы. — Какая обида! Вотъ бы ловкая штука-то была тогда! А? Ай, эй, эй!

— Да,— сказалъ Паленъ: — ужасно обидно, что не послали сразу весь мой полкъ.

Въ это время вдали, въ сторонѣ непріятельской, что-то застучало глухо и неясно. Всѣ въ недоумѣніи взглянули другъ на друга. Паленъ, сидѣвшій у входа въ палатку, вылупился изъ нея и посмотрѣлъ на небо.

– Опять, кажется, будетъ гроза, пронесетъ опять.—

Ну, и лѣто же въ этомъ году!.. Замѣчательно! Чуть не ежедневно грозы и бури!..

Ударъ повторился ближе и явственнѣе.

— Выяснилъ ты, обратился Орловъ-Денисовъ къ Ефремову:—какъ велики наши потери?

— Убито, ваше сіятельство, двадцать двѣ лошади, да три пристрѣлено уже тутъ... Остался на извѣчьи только жеребецъ Венедикта... Ранены: штабъ-ротмистръ Мазуренко, корнетъ Каменовъ 3-й и Венедиктъ...

— Объ офицерахъ знаю... Бѣдный Венедиктъ!.. Жаль его! Ужасно жаль!.. Что доктора говорятъ?..

— Ничего еще не извѣстно, ваше сіятельство... скоро будутъ, кажись, осматривать нашихъ раненыхъ. Можетъ, еще и того... обойдутся безъ того... не отрѣжутъ руку... Я просилъ...

— Какъ? Что ты говоришь? До сей поры нашимъ не оказана помощь? Это съ шести-то часовъ! Да что же ты-то молчишь, Иванъ Ефремовичъ? Вѣдь я же тебя просилъ позаботиться...

— Ничего не могъ того... подѣлать, ваше сіятельство... Нашъ докторъ того... безъ памяти лежитъ съ утра. Должно, не горячка ли у него... Другіе же — полковые всѣ заняты... Вездѣ вѣдь раненыхъ того... очень много... А въ походномъ госпиталѣ всего только шесть докторовъ... „Ждите, говорятъ, очереди".

— Но узналъ ты, по крайней мѣрѣ, когда же ихъ осмотрятъ?

— Старшій врачъ сказалъ, что еще того... около часу придется подождать...

— Это чортъ знаетъ, что за порядки!—воскликнулъ съ сердцемъ графъ.—Это безобразіе!.. Это...

Вдали опять раздался глухой стукъ и гулъ... По полотнищамъ палатки застучали крупныя дождевыя капли... Вдругъ что-то точно треснуло и обломилось вблизи... Графъ, а за нимъ и гости его набожно пере-

крестились. Страшный ударъ повторился совсѣмъ близко. Дождь полилъ ливнемъ.

— А сколько раненыхъ казаковъ? — спросилъ Орловъ-Денисовъ.

— Еще, ваше сіятельство, не того... еще точно не извѣстно... Раненъ тяжело Ажогинъ..

— Это мнѣ нравится!— сказалъ сердито графъ, теребя свой високъ:— число раненыхъ до сихъ поръ не выяснено... Да что же это такое, другъ мой Иванъ Ефремовичъ? Что же это ты-то?

— Совершенно даже понапрасну изволите того... гнѣваться на меня, ваше сіятельство!– отвѣтилъ рѣзко обиженнымъ топомъ Ефремовъ. — Вамъ, кажется, небезызвѣстно, что наши станичники того... скрываютъ свои раны, потому что того... смерть какъ боятся лазарета... А вы на меня того...

— Да, ты правъ, другъ мой... правъ... Прости меня... Не сердись, дорогой... Не суди меня сегодня строго, я такъ огорченъ... такъ убитъ потерей Нижкова и Денисова... На моихъ глазахъ эти герои пали съ прорубленными головами... Оба бросились вмѣстѣ съ Хрещатицкимъ и защитили меня въ тотъ моментъ, когда я лежалъ подъ издыхавшимъ Барсомъ и когда нѣсколько сабельныхъ клинковъ сверкнуло надъ моей головой... А! Ужасно! — воскликнулъ графъ и закрылъ лицо ладонями, — какая страшная картина!.. страшная смерть ихъ...

В. М. Шаховской.

Похороны убитыхъ товарищей.

Было около двухъ часовъ ночи, когда Орловъ-Денисовъ въ мундирѣ, при всѣхъ орденахъ, вышелъ изъ своей палатки вмѣстѣ съ прибывшимъ отъ Багратіона княземъ Меньшиковымъ и взятымъ блондиномъ, полковымъ адъютантомъ ротмистромъ Чеботаревымъ. Про-

ходя мимо лазаретныхъ палатокъ, графъ, слѣдуя за Чеботаревымъ, повернулъ вправо, и передъ нимъ открылась необычайно-величественная картина. Около большого шалаша, огороженнаго на скорую руку изъ свѣжихъ вѣтвей березняка и ели, стояла полукругомъ, съ горящими восковыми свѣчами въ рукахъ, громадная толпа лейбъ-казаковъ, сумцовъ, пѣхотинцевъ и гвардейскихъ артиллеристовъ. На свѣтломъ фонѣ, впереди этого сборища, рѣзко выдѣлялась сгорбленная дряхлая фигура маленькаго старичка-священника въ ветхой, сильно помятой, траурной ризѣ... Нѣсколько позади и правѣе его въ поношенномъ, затрепанномъ и забрызганномъ грязью подрясникѣ стоялъ черномазый громадиаго роста и грознаго вида длинноволосый дьячокъ съ большой, обвитой золотыми полосками, зажженной свѣчей, разливавшей трепетное сіяніе въ безвѣздную темную ночь. Въ правой рукѣ онъ держалъ дымившееся кадило. Противъ входа въ шалашъ, около котораго толпились офицеры, стоялъ сводный полуэскадронъ, состоявшій изъ рослыхъ бородатыхъ лейбъ-казаковъ и черноморцевъ. Правѣе его былъ небольшой хоръ трубачей, а впереди —полковникъ Ефремовъ. На всѣхъ лицахъ покоилось глубокое благоговѣніе. Мрачная ночь придавала какой-то таинственный тонъ этой величественной картинѣ.

Когда графъ былъ шагахъ въ пятидесяти отъ шалаша, послышалась громкая и отчетливая команда браваго Ефремова:

— Слушай! На кра-улъ!

И вслѣдъ засимъ, при торжественно-печальныхъ звукахъ погребальнаго марша, изъ шалаша были вынесены сумскими и лейбъ-казачьими офицерами на складныхъ носилкахъ всѣ казаки, павшіе на полѣ брани чести, и установлены рядомъ. У многихъ присутствовавшихъ показались на глазахъ слезы. Казаки и солдаты, осѣняя себя размашисто крестнымъ знаменіемъ, запѣли:

— Господи, упокой!

Покойники лейбъ-казаки были одѣты въ красные парадные мундиры, а черноморцы въ черныя черкески. Лица у всѣхъ были открыты. На высокомъ лбу старика Чиркова зіяла глубокая рана. Цыгановатое, смуглое лицо Денисова было страшно изуродовано сабельными ударами.

Когда трубачи кончили маршъ, Ефремовъ подалъ команду: — На плечо!—и затѣмъ началась панихида. Тихія, но ясныя возглашенія благообразнаго старичка-священника, служившаго съ кроткою торжественностью, довольно стройное пѣніе хора казаковъ-пѣвчихъ, шопотъ и глубокіе вздохи молящихся,—все это было величественно и внушительно.

Съ мольбою смотрѣли казаки и солдаты на темное небо, умилительною вѣрою свѣтились глаза ихъ; и по лицу многихъ изъ нихъ скатывались слезы. Когда же священникъ, ставъ съ усиліемъ на колѣни, рыдающимъ, дребезжащимъ голосомъ произнесъ возглашеніе: «Упокой, Господи, души усопшихъ рабовъ твоихъ, на брани убіенныхъ, и сохрани имъ вѣ-ѣ-чную память,—то среди нижнихъ чиновъ, а также и среди офицеровъ раздались глухія рыданія. Даже по вопиственному и всегда равнодушно-холодному лицу Ивана Ефремовича потекли слезы.

— Вѣчная память,— вѣчная память,— вѣ-ѣ-чная память!—пропѣли пѣвчіе.

Офицеры, вахмистры и унтеръ-офицеры окружили бренные останки тринадцати героевъ, покрыли ихъ шинелями и, взявшись за носилки по четыре человѣка, двинулись подъ звуки погребальнаго марша за священникомъ и пѣвчими къ вцѣпившемуся вблизи, освѣщенному громаднымъ костромъ, небольшому холмику свѣжей земли, около котораго стояли бородатые казаки съ лопатами въ рукахъ.

Длинною вереницею потянулась печальная проце-

сія, по бокамъ которой шли провожавшіе нижніе чины съ непокрытыми головами и горѣвшими свѣчами въ рукахъ. За послѣдними носилками, на которыхъ лежалъ прахъ храбраго Денисова, безъ кивера, съ мрачнымъ лицомъ, шелъ графъ съ княземъ Меншиковымъ и Чеботаревымъ. Онъ и его спутники, слабо освѣщаемые тусклымъ и неровнымъ пламенемъ костровъ, казались какими-то привидѣніями. Около могилы покойники были опять поставлены рядомъ, сняты съ носилокъ, переложены на шинели и тщательно завернуты въ нихъ.

По окончаніи литіи наряженные для погребенія казаки начали по очереди подносить покойниковъ къ могилѣ и осторожно опускать въ нее. Когда сверхъ всѣхъ былъ положенъ Денисовъ, и графъ, послѣ священника, бросилъ горсть земли, среди глубокой общей тишины вокругъ могилы и во всемъ лагерѣ вдругъ раздался гдѣ-то далеко, въ сторонѣ непріятеля, выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ послышались какіе-то крики и сухой дружный трескъ.

Всѣ, стоявшіе около могилы, заволновались. Пѣхотинцы, артиллеристы и гусары поспѣшили къ своимъ частямъ.

— Не волнуйся, ребята,—сказалъ Орловъ-Денисовъ совершенно хладнокровно.—Не суетись... Суета — мать всѣхъ безпокойствъ... Успѣемъ все сдѣлать... Какъ однако любезны господа французы!—обратился онъ къ офицерамъ.—Они за насъ отдаютъ почесть нашимъ героямъ: открыли огонь залпами именно въ тотъ моментъ, когда это должны были сдѣлать мы, но не имѣли возможности... Вали-вали, братцы! — продолжалъ онъ, замѣтивъ, что казаки, начавшіе засыпать могилу, остановились въ недоумѣніи.

Между тѣмъ, вдали, около Лучесы, трескотня продолжалась. По всему лагерю поднялась страшная суета: зазвучали рѣзкіе, торопливые звуки тревоги, и по всѣмъ направленіямъ поскакали офицеры.

Когда могила была засыпана и водруженъ на ней плохенькій крестъ, связанный изъ двухъ жердей, Орловъ-Денисовъ обратился къ казакамъ, указавъ на могилу:

— Скажемъ, други, послѣднее прости и помолимся за боевыхъ товарищей и братьевъ нашихъ, за этихъ героевъ, стяжавшихъ славу и гордость доблестному полку и славному войску нашему.

Затѣмъ онъ, крестясь, опустился на колѣни и, сдѣлавъ земной поклонъ, ясно кроткимъ голосомъ произнесъ:

1812 годъ въ Россіи. *(Е. Шапероно.)*

— Боже Великій! Упокой души усопшихъ рабъ твоихъ—моихъ братьевъ!

За нимъ всѣ преклонили колѣна и зашептали:

— Господи, упокой...

— Ну, теперь, по своимъ мѣстамъ, маршъ! — скомандовалъ графъ и направился быстрыми шагами къ своей палаткѣ, около которой стоялъ уже новый ординарецъ—красивый стройный казакъ Яновъ, назначенный вмѣсто Денисова. Онъ держалъ въ поводу осѣдланнаго командирскаго вороного жеребца.

Черезъ полчаса на мѣстѣ, гдѣ стояла бивуакомъ вторая линія арьергарда, остались только догоравшіе костры; да подъ однимъ изъ кустовъ спалъ сильно подкутившій курносый рябой пѣхотинецъ. Приведенный утромъ къ Наполеону, онъ ничего не могъ сказать, куда пошла наша армія. Весь отрядъ графа Палена двигался къ Витебску.

Противъ непріятеля оставались одни только лейбъ-казаки. Разсыпавшись длинною цѣпью, они въ полутьмѣ перестрѣливались съ наступавшими кавалерійскими частями и медленно отходили вслѣдъ за отрядомъ. На зарѣ они подошли къ Витебску, уничтожили на Двинѣ мостъ и двинулись по Сурожской дорогѣ.

Авангардъ Мюрата пустился за ними въ погоню.

В. М. Шаховской.

Сраженіе подъ Смоленскомъ.

— Эй, ты, лѣшій! али все ведро вылокать хошь, чортъ, пра—чортъ!

— Что лаешься — который!

— Что!— другой ковшъ лопаешь — вотъ что!

— На, свинья!— который...

Это перекорялись между собой два улана, которые еще въ началѣ кампаніи повздорили изъ-за луковицы и кирпичика, а теперь ссорились изъ-за квасу. Теперь они, во фронтѣ, стоятъ подъ стѣнами Смоленска, недалеко отъ кирпичныхъ сараевъ, съ утра ждутъ дальнѣйшихъ приказаній къ предстоящей битвѣ, а вдоль фронта ходятъ съ ведромъ квасу баба въ огромной головной повязкѣ и дѣвочка лѣтъ десяти-одиннадцати. День жаркій, и сердобольная баба поитъ квасомъ „соколиковъ", отчасти по влеченію собственнаго, мягкаго, какъ ея полное тѣло, сердца, частію же по воспоми-

нанію о томъ, что и ея „соколикъ" ушелъ тоже на войну и нѣту объ немъ никакой вѣсточки.

— То-то, который!—перекорялись уланы.

— Кушайте на здоровье, соколики, еще принесу, - успокаивала ихъ баба, поднося упарившимся воинамъ ковшъ за ковшомъ, и послѣ каждаго ковша кланяясь въ поясъ, такъ что при этомъ концы головного платка ея касались уланскихъ стремянъ, а сзади короткая панева обнаруживала толстыя красныя икры.

— Эй, тетка, а намъ-то что жъ останется?

— Намъ, тетенька, бѣднымъ пѣхотинцамъ! А то они, кобылятники, все слопаютъ...

Это кричали съ противоположной стороны солдаты Бутырскаго полка, который стоялъ о-бокъ съ уланами, однимъ крыломъ упираясь въ городскую стѣну, у ея изгиба.

— Имъ что, жеребцамъ, на четырехъ-то ногахъ, да на чужихъ, а каково намъ-то на двухъ на своихъ отломать экую путину,—жаловались пѣхотинцы, естественно завидуя счастливцамъ-кавалеристамъ.

— Мы что, мы и тутъ въ черномъ тѣлѣ - и теткѣ-то веселѣе коло жеребцовъ, — говорилъ бутырецъ, плясавшій когда-то на дорогѣ впереди своего полка.

Баба слышала это и была задѣта за живое. Она вся покраснѣла и заметалась.

— Сичасъ, сичасъ, соколики, и къ вамъ—заторопилась она, суя ковшъ въ руку дѣвочки: — подноси ты, Кулюша, здѣсь изъ этого ведра, а я побѣгу туда.

И, передавъ ковшъ дѣвочкѣ, баба съ другимъ ведромъ и ковшомъ метнулась къ бутырцамъ. Бѣловолосая и босоногая Кулюша, восторженно краснѣя, зачерпывала ковшомъ изъ ведра, вытягивалась на цыпочки, чтобы подать ковшъ слѣдующему улану и, подражая матери, кланялась въ поясъ, тоже обнаруживая худенькія икорки почти до самыхъ колѣнъ.

— Спасибо, спасибо... Ай да дѣвка! замужъ возьму—

только молись, чтобъ пуля въ ротъ попала, а не въ лобъ—тады проглочу...

Вдругъ что-то глухо грохнуло вдали, а потомъ какъ бы ударилось въ городскую стѣну. Нѣкоторые ахнули и уланы вздрогнули; иные перекрестились.

Въ одно мгновеніе вдоль фронта поскакали офицеры—и молодые и старые, толстые и тоненькіе—откуда и взялись они!

— Смирно! стрррройсяяя! послышались рѣзкія, съ протяженьемъ, командныя слова.

То же повторилось и около пѣхотинцевъ. Грохнуло въ тотъ самый моментъ, когда плясунъ-бутырецъ, съ наслажденіемъ вытянувъ полковша квасу, такъ что на щекахъ и на вискахъ показались даже красныя пятна отъ усилія, а въ глазахъ слезы отъ ядрености кваса,—собирался допить живительную влагу...

— Эхъ, и тутъ-то намъ, пѣшимъ, заколодило,—заговорилъ было онъ...

— Давай, давай-ка мнѣ, чортъ!—отнималъ у него ковшъ сосѣдъ, курносый нѣмецъ съ бабьимъ голосомъ.

— Смирррно! стрррройсяяя!—раздалось и вдоль пѣхотнаго строя.

— Эй, молодуха-молодуха! уходи скорѣй отсюда—видишь, не до тебя теперь, — говорилъ бабѣ какой-то офицеръ, махая на нее рукой, чтобы шла вонъ.

Баба заторопилась, побѣжала было къ уланамъ, наткнулась на скачущихъ офицеровъ, снова метнулась въ сторону, бормоча въ испугѣ:

— Ай, Господи! ай, Матушка Смоленска! ай, свѣты мои!.. Кулюша! Акулька! Акулька! — закончила она отчаяннымъ голосомъ и исчезла.

Это начинался смоленскій бой—первый крупный бой „двѣнадцатаго года", всецѣло потерянный русскими.

Вдали, по неровному полю съ небольшими перелѣсками, то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ двигались ка-

кія-то кучки, продолговатыя большею частью, то въ видѣ изогнутыхъ линій, такъ что простымъ глазомъ съ трудомъ можно было различить, и то по догадкѣ, что это были люди, а не просто темныя пятнышки. Но тѣ кучки, которыя были ближе и которыхъ было меньше, ясно изобличали, что это были войска, и между ними можно было отличать уже пѣхоту отъ кавалеріи. Когда въ первый разъ грохнуло оттуда, то видно было явственно, какъ тамъ, вдали, на одномъ пригоркѣ, разстилался и медленно таялъ въ воздухѣ бѣлый паръ, словно изъ взбитой ваты, и пока онъ еще не совсѣмъ растаялъ, то тамъ же, рядомъ съ этимъ тающимъ паромъ, вздулся новый бѣлый какъ изъ ваты паръ, и снова грохнуло, а черезъ нѣсколько секундъ эхо отгрохнуло отъ города, куда-то покатилось и какъ будто разсыпалось въ разныхъ мѣстахъ. Затѣмъ бѣлые пары стали вскакивать и на другихъ возвышеніяхъ — и грохотать начало уже чаще и чаще, почти безъ перерыва. И воздухъ, и земля, казалось, вздрагивали. Отсюда, отъ Смоленска, съ русскихъ батарей, тоже началось грохотаніе, но не такое, какъ тамъ, а болѣе опредѣленное, рѣзкое, болѣе какъ бы раздражительное. Что дѣлалось тамъ — этого отсюда не видно было, а что дѣлалось тутъ, у Смоленска, а особенно у кирпичныхъ сараевъ—это было видно, и это видимое не казалось какъ будто особенно страшнымъ со стороны: упадетъ что-то, неизвѣстно откуда, не то круглое, не то длинное, сыпнетъ не то землею, не то огнемъ — и нѣсколько человѣкъ упадетъ на землю то тамъ, то здѣсь, а другіе люди стоятъ тутъ же и сдвигаются тѣснѣе, какъ будто бы имъ холодно подъ жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ, а какіе-то третьи люди откуда-то подбѣгаютъ къ упавшимъ, поднимаютъ ихъ, торопливо кладутъ на что-то и куда-то уносятъ... А тутъ одни снова падаютъ, другіе тѣснѣе смыкаются, а третьи уносятъ упавшихъ... и опять падаютъ, и опять ихъ уно-

сять, и опять грохотъ и гулъ съ той и съ другой стороны...

Ближайшія кучки, что видѣлись *тамъ*, становились все больше и больше, и ясно было, что онѣ идутъ *сюда*: сплошныя кучки превращались, уже совсѣмъ явственно, въ людей, одѣтыхъ во что-то синее и темное, надъ которыми развѣвались какія-то полотна, и темныя, и золотистыя. Начался какой-то свистъ и щелканье словно тысячи бутылокъ откупоривали гдѣ-то *тамъ*, и двигавшіеся синіе ряды покрылись дымомъ, а ряды, что стояли *тутъ*, у городскихъ стѣнъ, какъ-то разомъ дрогнули, потеряли ту правильность линій, какую представляли до сихъ поръ, потому что въ этихъ стройныхъ рядахъ сотни и тысячи рукъ разомъ, мгновенно, измѣнили свое прежнее правильное положеніе: одна схватилась за сердце, другая вытянулась впередъ, иная закинулась кверху, схватилась за голову—и вмѣстѣ съ тѣломъ падали на землю впереди рядовъ или завалпвались назадъ. Теперь на землѣ валялись, корчились и стонали, а то и тихо, неподвижно лежали уже не десятки, а сотни и можетъ тысячи, такъ что тѣ, которые прежде подбѣгали и поднимали падавшихъ, уже не успѣвали этого дѣлать... А лопанье ружей, свистъ и шлепанье *оттуда* пуль продолжалось съ ужасающимъ возрастаніемъ, и ему отвѣчало тоже рѣзкое, почти непрерывное лопотаніе *отсюда*... Потомъ эти, что стояли у стѣны города, наши, страшно закричали разомъ, ряды ихъ перегнулись впередъ и съ ружьями на-перевѣсъ, штыкомъ впередъ, бросились туда, на синіе ряды —и смѣшались съ ними... Потомъ эти, наши, побѣжали назадъ, но уже не рядами, а безпорядочною кучею и въ одиночку, кто кого перегонитъ, а тѣ погнались за ними и били того, кого догоняли... Когда наши ряды воротились на прежнее мѣсто, къ городу, то ихъ уже убыло чуть ли не на половину...

Такъ по крайней мѣрѣ казалось это бабѣ, которая

Герои войны 1812 г.

Портр. партизана, защитника Вереи, С. Дорохова

Ген. Меллеръ-Закомельскій—генералъ-инспекторъ артиллеріи

Ген Н Раевскій—ком. 7 корпуса

Ген. Властовъ.

Бар Корфъ—ком 2 гвард корпуса

Ген. Чоглоковъ—ком грен Перновскаго полка

Ген. М. Д. Балкъ.

Ген. Канкаровъ—вдъют. главнокоманд

Гр. Ир. Ив. Марковъ—нач. Москов ополчен.,

Графъ Кутайсовъ—нач. артил. Убитъ при Бородинѣ.

Ген. Тучковъ 1-й—ком. 3-го корпуса.

Ген. Кульневъ—нач. авангарда въ отрядѣ

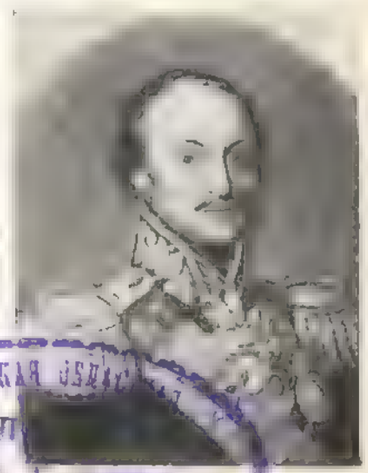
Ген Дохтуровъ ком. 6 го корпуса

Принцъ Евгеній Вюртембергскій нач 4 и пѣх див

Ген Кнорринъ 3-й

Ген.-инф. Бороздинъ—ком. 3 пѣх. корп.

Сыновья гр. Морковыхъ—Николай и Аркадій, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ при Бородинѣ.



Адъют. гр. М. И. Платовъ.

№

недавно попла солдать своимъ свѣжимъ, ядренымъ квасомъ. Она, отыскавъ свою Акульку, проныгнула въ городскія ворота, попотчивавъ кваскомъ и сторожа, который и позволилъ ей пробраться по лѣсенкѣ на городскую стѣну и укрыться за каменнымъ выступомъ, откуда все, что дѣлалось подъ стѣнами, вблизи города, и далеко въ полѣ, видно было какъ на ладонкѣ.

Когда воротились сюда эти, пѣшіе, которыхъ она только начала было поить квасомъ, да помѣшали офицеры, тогда другіе, что были на коняхъ, тѣ, которыхъ и она и Акулька поили квасомъ, тоже громко закричали и поскакали на тѣхъ, дальнихъ, синихъ; поскакали и изъ другихъ мѣстъ тоже должно быть наши.. Ну, теперь,—думалось бабѣ,—наши прогонятъ ихъ. Но въ то время, когда они уже почти подскакали къ синимъ, синіе разомъ поразсыпались въ разныя стороны —„испужались, должно“— а изъ ихъ, въ прогалинахъ-то, разомъ какъ громыхнетъ чѣмъ-то — разъ, да въ другой, да въ третій, да какъ сыпануло что-то, какъ прыснуло по рядамъ скакавшихъ, шаркнуло словно вѣникомъ, такъ наши вмѣстѣ съ другими, тоже, надо полагать, нашими, что скакали на синихъ — такъ окорачь, кажись, и стали, шарахнулись назадъ, вразсыпную, а иные съ коней долой, а то и съ конями такъ и уложили землю пластомъ полегли... Не выгорѣло и тутъ, значитъ... А тѣ, идолы, синіе-то, да съ ними другіе, въ бѣлыхъ разлетайчикахъ, да еще другіе съ красными да желтыми грудями, да съ перьями на головахъ словно удоды да потатуйки—такъ вотъ и прутъ все ближе да ближе, да съ ихъ же стороны все больше да больше громыхаетъ, да стучитъ, да дымитъ, да посыпаетъ чѣмъ-то словно чернымъ горохомъ—и со всѣхъ сторонъ валитъ да лопочетъ... А наши-то соколики опять кучатся, равняются, а тамъ новые подходятъ—видимо-невидимо нашихъ, и тѣ, что квасъ пили, и совсѣмъ новые... Ну, теперь,—думаетъ баба, -

набрались силы—Боже, помоги—осадятъ синихъ дьяволовъ...

И баба крестится...

- Глянь-кось, глянь-кось, мама! -испуганно шепчетъ Акулька.

— Что ты? гдѣ?

Вонъ, мамынька,—охъ, какъ страшно!—Дѣвочка показывала назадъ, внутрь города.

Баба оглянулась, посмотрѣла внизъ. Тамъ, направо отъ воротъ, подъ внутреннею городской стѣной, все лежали на землѣ солдаты, иные корчились и кричали, другіе лежали смирно, а къ нимъ нагибались другіе люди, то съ платками и тряпками въ рукахъ, то съ какими-то не то ножами, не то пилами, и что-то съ ними дѣлали... Одинъ сидитъ и качается изъ стороны въ сторону словно маятникъ, другой обхватилъ свою голову и, кажется, хочетъ самъ раздавить ее, да не можетъ...

— Охъ, мамынька, пилитъ руку, пилитъ—охъ!

Баба сама видитъ, что пилятъ руку у длиннаго... Да это тотъ, что она квасомъ поила—онъ, онъ—только зубы сцѣпилъ... Разъ-два, разъ-два, шаркаетъ пила по правой рукѣ, выше локтя...

— Упала!—отвалилась рука, мамынька!

Упала. Длинный открылъ глаза. Что-то говоритъ, показываетъ лѣвой рукой на отрѣзанную руку. Ему подаютъ ее. Онъ смотритъ на нее, что-то шевелитъ губами, крестится лѣвой рукой, цѣлуетъ отрѣзанную въ самую ладонь -а она такъ и валится—упала, и лѣвая упала, и голова завалилась назадъ...

— Простился, соколикъ, съ рученькой... Не работница ужъ она ему.

Когда баба снова оглянулась туда, гдѣ все *это* дѣлалось, она увидала что-то новое. Синіе и красногрудые были уже недалеко отъ кирпичныхъ сараевъ, а влѣво отъ нея скакали черезъ поле, къ лѣсу, наши,

она узнала ихъ — они прежде стояли почти у самыхъ сараевъ, и еще межъ ними она тогда, когда поила улана съ сѣдыми усами квасомъ, замѣтила одного молоденькаго-молоденькаго офицерика, совсѣмъ мальчика, и онъ еще тогда шутилъ съ черненькой собачонкой, Жучкой ее называлъ, она все прыгала передъ его лошадью на заднихъ лапкахъ... Теперь всѣ они скакали по полю, а за ними скакали, на лошадяхъ же, синіе — вотъ-вотъ догонятъ... И баба ахнула со страху! Тотъ-то молоденькій, что съ собачкой игралъ, отсталъ, должно быть, отъ своихъ, отъ нашихъ, а синіе такъ вотъ и настигаютъ его, такъ и настигаютъ да саблями машутъ... Вотъ-вотъ догонятъ! А онъ, бѣдненькій, какъ оглянется, да свою саблю назадъ за спину закинулъ, пригнулся ниже и ниже къ лошади, а тѣ все ближе, ближе...

— Охъ, родимый, убьютъ! — невольно вскрикнула баба.

— Нѣтъ, не убили — ускакалъ.

Этотъ молоденькій, за котораго боялась баба, былъ — Дурова. Вотъ что сама она говоритъ, въ изданныхъ Пушкинымъ, въ 1836 году, въ „Современникѣ“, запискахъ своихъ, объ этомъ случаѣ: „Удерживая коня, неслась я большимъ галопомъ вслѣдъ скачущаго эскадрона, но, слыша близко за собой скокъ лошадей и увлекаясь невольнымъ любопытствомъ, не могла не оглянуться. Любопытство мое было вполнѣ награждено, я увидала скачущихъ за мной на аршинъ только отъ крестца моей лошади трехъ или четырехъ непріятельскихъ драгунъ, старавшихся достать меня палашами въ спину. При семъ видѣ я хотя не прибавила скорости моего бѣга, но сама не знаю для чего закинула саблю за спину остріемъ вверхъ“.

Цѣлый день подъ городомъ шла ожесточенная борьба двухъ, повидимому, неравномѣрныхъ силъ. Десятки разъ русскіе ходили на непріятеля и кавалерійскими

атаками и со штыковой работой. Въ городѣ не знали положенія дѣлъ, потому что судьба битвы рѣшалась на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ верстъ внѣ города.

И съ колоколенъ смотрѣли звонари, а все ничего разобрать толкомъ нельзя: „то бытта наши ихъ погонять, да назадъ скорехонько, то бытта они на нашихъ вдарятъ, а наши какъ примутъ ихъ, такъ тѣ и наутекъ“.

Уже къ вечеру отъ городскихъ воротъ разомъ повалили солдаты, да не въ-ногу, а такъ, какъ попало, да запыленные такіе, съ потными, почернѣвшими лицами — идутъ торопливо, одинъ другого опережаютъ, никто никого не слушаетъ. Напрасно офицеры и верховые командиры, тоже запыленные, почернѣвшіе, кричатъ хриплыми голосами: „не расходись, ребята!“— „стройся, канальи!“—„куда, дьяволы!“ Солдаты, кучась и толкаясь, запрудили весь рынокъ. Иной наскоро подбѣжитъ къ бабѣ, торопливо крестясь и не глядя бабѣ въ лицо, выпьетъ залпомъ ковшикъ квасу, крякнетъ — и убѣгаетъ съ прочими, съ трудомъ придерживая тяжелое ружье, которое, повидимому, оттянуло ему руку. Другой издали хрипло кричитъ: „ахъ, тетенька, испить бы—всю душу спалило“—и такъ же, какъ и тотъ, не глядя въ лицо, выпиваетъ ковшъ и убѣгаетъ. Тамъ калашники съ калачами, крестясь набожно, суютъ бѣгущимъ въ руки по калачику, а тѣ, не глядя иной тотчасъ же калачикъ въ ротъ, а иной за пазуху — и бѣгутъ дальше.

Немного погодя показались конные вперемежку съ зелеными ящиками на высокихъ колесахъ, а тамъ и пушки. Солдаты громко кричатъ на лошадей, что везутъ пушки, а одинъ солдатъ, сидя на пушкѣ, переобувается, обматывая ногу тряпкой и вытряхивая что-то изъ сапога.

За пушками и зелеными ящиками ѣхали густыми

Бой подъ Вязьмой 22-го октября.

(Обольянинова

рядами знакомые бабѣ улицы, а впереди нихъ бѣжала тоже знакомая собачка. Узнала баба и того молоденькаго, что скакалъ черезъ поле. Онъ ѣхалъ, не поднимая головы.

Это была Дурова. Смутно сознавая, что случилось что-то непоправимое, она видѣла уже наступленіе конца всему. Но это *все* представлялось ей въ такихъ неуловимыхъ формахъ и въ то же время такимъ страшнымъ, что она постоянно спрашивала себя: „что же это такое? что же случилось? — неужели все кончено? — что же все? какое оно?..“

Эскадронъ ихъ проѣхалъ рыночную площадь и пошелъ далѣе улицей къ противоположному выѣзду изъ города. Вся улица вплоть до домовъ занята была скучившимися рядами уланъ, такъ что Дуровой приходилось держаться почти у самыхъ заборовъ и стѣнъ домовъ. Проѣзжая мимо одного каменнаго двухъэтажнаго дома, она услыхала какой-то стонъ наверху и подняла голову: на балконѣ этого дома стояла Надя Кульнева! По щекамъ ея текли слезы... „Господи! Господи!“ громко стонала она. Когда Дурова взглянула на нее, дѣвушка, всплеснувъ руками, страстно заговорила: „О, благослови васъ Богъ... Спаси о! спаси ее, Господи!“ и она порывисто нѣсколько разъ перекрестила дѣвицу-кавалера.

Дурова, блѣдная, усталая, убитая горемъ, чувствовала, какъ краска стыда залила все ея лицо до ушей и потомъ снова сбѣжала со щекъ.

Что-то пролетѣло, свистя въ воздухѣ, и съ трескомъ упало за заборомъ... Послышался дѣтскій крикъ и чьи-то слабые стоны...

На концѣ улицы изъ дверей аптеки показалась чья-то обвязанная платкомъ голова на гусарскомъ тѣлѣ — мундиръ маріупольца. Изъ-подъ платка круглое, красное лицо гусара смотритъ совсѣмъ бабьимъ, мѣщанскимъ. Обвязанная голова бросается къ Дуро-

вой, со стономъ хватаетъ ее за стремя и припадаетъ лицомъ къ колѣну дѣвушки...

— Алексаша! что жъ это! милый мой!.. О! Господи! о-о... все пропало!.. Нашъ полкъ перебитъ до половины... и Денисъ, милый мой! Денисушка! пропалъ — а мы отступаемъ, бѣжимъ — охъ — о-о-о!..

Это былъ раненый въ голову Бурцевъ. Онъ плакалъ какъ баба, припавъ къ сѣдлу Дуровой.

Мордовцевъ.

— —

Н. Дурова.

(Автобіографія.)

Я — Дурова, Надежда. Я бѣжала изъ дому родительскаго — и вотъ вы видите меня здѣсь. Мой отецъ гусаръ; теперь въ отставкѣ. Я родилась на походѣ и вѣроятно умру на походѣ... Ну, да объ этомъ потомъ!— Судьба моя — горькая какая-то, странная. Когда я еще не родилась моя матушка, начитавшись романическихъ исторій, бредила „Вадимомъ Новгородскимъ". Ей хотѣлось родить мальчика, Вадима. Но вмѣсто него на несчастье родилась я. Когда, послѣ родовъ, матушка пришла въ себя и потребовала, чтобы ей показали ребенка, къ ней поднесли меня Вмѣсто Вадима она увидѣла дѣвочку и съ великой злостью оттолкнула ее отъ себя... Съ той минуты она возненавидѣла меня. Это было и ея и мое несчастье... Я должна была расти на маршѣ, нелюбимая матушкой. Походная жизнь, постоянныя неудобства, а тутъ еще нелюбимый ребенокъ — и матушка окончательно ожесточилась противъ меня... Я такъ не кстати родилась — вся жизнь моя оказалась некстати... Однажды я, какъ больной ребенокъ, сильно раскричалась, не давала матушкѣ спать, а это было какъ разъ на маршѣ... Матушка, выведенная изъ

терпѣнія, выбросила меня изъ окна кареты прямо подъ копыта гусарскихъ коней...

Да... но добрые гусары спасли меня. Въ ужасѣ увидали они подъ копытами коней безпомощное существо, взяли его, думали, что я нечаянно вывалилась изъ кареты, и подвесли къ дверцамъ, чтобъ передать матушкѣ... Но въ это время подскакалъ мой отецъ — онъ все зналъ, онъ догадался, что я была выброшена... Онъ плакалъ надо мной, но матушкѣ не отдалъ... Онъ положилъ меня къ себѣ на сѣдло... Вотъ гдѣ была моя первая колыбель... Передо мною встаетъ образъ моего добраго, тихаго, нѣсколько грустнаго отца...

Милый, милый папа! Какъ онъ былъ всегда добръ ко мнѣ — какъ я помню его кроткое, ласковое-ласковое лицо, его любящіе глаза. — Да и я же любила!.. Можетъ его нѣтъ ужъ на свѣтѣ?.. Я покинула его... Я ничего не знаю... Можетъ быть я убила его, бѣдный папа!..

Отецъ, занятый службой, отдалъ меня на воспитаніе и обученіе фланговаго офицера Астахова... Добрый Асташа! Онъ по цѣлымъ днямъ носилъ меня на рукахъ, да такъ нѣжно, такъ любовно, какъ не сумѣла бы лелѣять меня ни одна няня... Онъ ходилъ со мною въ эскадронныя конюшни, сажалъ меня на спину лошади, давалъ въ руки пистолетъ, махалъ передо мной саблей — я и привыкала ко всему этому... Я была счастлива; я хлопала ручонками и заливалась смѣхомъ при видѣ блестящей стали... Со спины лошади я карабкалась на шею Астахову, отъ Астахова переходила на сѣдло... Вечеромъ онъ носилъ меня къ полковымъ музыкантамъ, тамъ играли зорю, и подъ эту музыку я засыпала на рукахъ у моего пестуна... Да, странная, странная моя матушка; я боялась ее съ тѣхъ поръ, какъ стала понимать себя; увидавъ ее, я съ ужасомъ закрывала лицо и обвивала ручонками грубую шею моего добраго Астахова...

Но скоро не стало у меня и Астахова, моей незабвенной няни... Когда мнѣ исполнилось пять лѣтъ, отецъ мой вышелъ въ отставку, и тутъ начинается во мнѣ борьба противъ моего собственнаго пола, борьба противъ женскаго призванія. Я поступила на попеченіе матушки... Взросшая въ конюшнѣ, съ ухватками Астахова, которому я, какъ моему идеалу, во всемъ подражала, я могла только возбуждать ужасъ въ моей матушкѣ. Вмѣсто того, чтобы играть въ куклы или пріучаться къ женскимъ рукодѣліямъ, я требовала себѣ пистолетъ, съ плачемъ прося позволенія „пощелкать“ имъ. По дому только и слышалась моя команда: „эскадронъ направо!.. Заѣзжай!.. Съ мѣста маршъ-маршъ!“ Я страстно любила лошадей, и мою книжку я несла къ моимъ любимцамъ, чтобы учиться поближе къ лошадямъ, къ конюшнѣ... Но, Боже мой! развѣ же я была виновата въ этомъ изуродованіи моей природы, моихъ наклонностей! Когда матушка замѣтила во мнѣ эти дикіе инстинкты, она слишкомъ круто повернула дѣло— и окончательно изломала мою природу: она не отпускала меня отъ себя ни на шагъ — ни погулять, ни порѣзвиться. По цѣлымъ днямъ я должна была сидѣть въ горницѣ или плесть кружева. Матушка сама учила меня вязать, шить, и все это съ раздраженіемъ. Видя, что я не имѣю охоты да и способностей къ этимъ скучнымъ упражненіямъ, что все въ рукахъ рвется и ломается, матушка сердилась, выходила изъ себя и била меня по рукамъ, била больно, безжалостно... При мнѣ бывало она говорила отцу, что не выноситъ огня моихъ глазъ, боится меня – ребенка-то!.. Что лучше желала бы видѣть меня въ гробу, чѣмъ такою дикою, какою я росла... И я все это слышала, и во мнѣ умирала женщина, умиралъ человѣкъ... Меня стали держать взаперти... Только въ добрыхъ глазахъ отца да въ ласкѣ, которую онъ тайкомъ давалъ мнѣ, я видѣла сочувствіе, жалость ко мнѣ... О! зато какъ же я и по-

любила его!.. Эта любовь превратилась въ страсть, когда я начала подрастать и болѣе понимать то, что окружало меня. Я могла бы задохнуться въ неволѣ; но въ мою тюрьму мой добрый отецъ бросилъ лучъ свѣта: онъ поселилъ во мнѣ любовь къ знанію, къ ученію. Онъ давалъ мнѣ читать книги, въ которыхъ я нашла невѣдомый для меня міръ. Я жила съ людьми, которыхъ никогда не видала, но я жила съ героями, съ высокими человѣческими идеалами... Въ этомъ заколдованномъ мірѣ я и росла... Передъ матерью я молчала и покорялась; но угнетеніе дало зрѣлость моему уму. Я приняла намѣреніе свергнуть съ себя тягостное иго, и, подрастая, стала обдумывать планъ, какъ мнѣ успѣть въ этомъ. Для меня оставался одинъ выходъ выступить въ жизнь въ роли мужчины, ибо только для мужчины этотъ необъятный міръ открытъ, какъ свой домъ. Куда же я могла направить свою мысль? — Туда, куда стремились мысли всего міра... Передо мной возсталъ образъ Наполеона! Я имѣла дерзость думать — итти противъ него... Но эта дерзость и спасла меня: я положила перестать быть женщиной и вотъ вы видите меня... Я не женщина!

Я мелкая птица, отбившаяся отъ своей стаи и пристающая къ чужой... Но меня могутъ узнать и заклевать... Все же я счастлива: я завоевала себѣ свободу мужчины... Какъ только я рѣшилась похоронить себя, какъ женщину, я старалась пріучить себя къ мужскимъ занятіямъ: ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ ружья. Для этого я не упускала ни одной минуты, когда могла урваться изъ-подъ надзора матушки и отдаться своимъ занятіямъ. У матушки гости, она занята ими, — а я уже въ саду, въ своемъ арсеналѣ: это уютный уголокъ въ кустахъ, гдѣ хранились мои стрѣлы, лукъ, сабля и негодное ружье... Я забывала весь свѣтъ, забывала матушку, и только отчаянные крики горничныхъ давали мнѣ знать, что меня ищутъ, — и я со стра-

хомъ возвращалась къ матери... Брань, укоры, наказанія — я все вынесла; я обтерпѣлась, потому что впереди свѣтило мое солнце — свобода! Мой милый пана и тутъ былъ моимъ союзникомъ: онъ купилъ мнѣ черкасскаго жеребца, Алкида. На немъ сосредоточивалась тогда вся моя нѣжность: я кормила его хлѣбомъ, сахаромъ, солью, и дикій конь привязался ко мнѣ, къ двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ: онъ ходилъ за мной какъ овца.. Зато каждый день я скакала на немъ какъ бѣшеная. Въ то же время съ каждымъ днемъ я становилась все сильнѣе и предпріимчивѣе. Кромѣ матушки, я никого не боялась. Мнѣ казалось страннымъ, что мои сверстницы-дѣвочки боялись оставаться однѣ въ комнатѣ; я, напротивъ, готова была въ глубокую полночь итти на кладбище, въ лѣсъ, въ пустой домъ, въ пещеру, въ подземелье. Когда всѣ спали, я скакала по полю на моемъ Алкидѣ, и въ семействѣ считали меня лунатикомъ, видя, какъ я въ ночное время пробиралась къ своему любимцу...

Впрочемъ, можетъ быть, матушка сдѣлала для меня больше, чѣмъ я думаю... Да, быть можетъ, я вышла бы изъ моего заколдованнаго круга, бросила бы всѣ мои гусарскія замашки и сдѣлалась бы обыкновенной дѣвушкой, какъ всѣ, если бъ матушка не представляла мнѣ въ самомъ безотрадномъ положеніи участь женщины. Она говорила при мнѣ въ самыхъ обидныхъ выраженіяхъ о судьбѣ женщины. Женщина, по ея мнѣнію, должна родиться, жить и умереть въ рабствѣ... Вѣчная неволя, тягостная зависимость и всякаго рода угнетеніе есть ея доля отъ колыбели до могилы. Женщина исполнена слабостей, лишена всякихъ совершенствъ и ни къ чему неспособна. Женщина, однимъ словомъ, самое несчастное, самое ничтожное и самое презрѣнное твореніе въ свѣтѣ! Голова моя шла кругомъ отъ этой картины участи женщины — и я рѣшилась, хотя бы это стоило мнѣ жизни. Женщина, мнѣ

казалось, находится подъ проклятіемъ Божьимъ. Даже мой добрый папа говорилъ иногда, что вмѣсто Надежды онъ желалъ бы имѣть сына подъ старость... А вѣдь я такъ любила его!.. И вотъ я рвалась изъ каторги—и вырвалась...

Полководецъ.

(Барклай-де-Толли.)

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарились и никнутъ въ тишинѣ
Главой лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой

Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ далѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ военный станъ, спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье,—
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О, вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой,
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,—
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ, тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавши впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,
Вотще!

. . . . . .

О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,

Князь Барклай-де-Толли.

Библ
№

Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье.

Пушкинъ.

На передовой цѣпи.

Нѣсколько уже минутъ Зарѣцкій и Рославлевъ шли вдоль цѣпи, не говоря ни слова. Вдругъ Зарѣцкій приложилъ къ губамъ палецъ и сказалъ шопотомъ Рославлеву:

— Тс... тише, братецъ!

— Что ты? — спросилъ Рославлевъ также вполголоса.

— Постой!.. Такъ точно... вотъ, кажется, за этимъ кустомъ говорятъ межъ собой наши солдаты... Пойдемъ поближе. Ты не можешь себѣ представить, какъ иногда забавны ихъ разговоры, а особенно, когда они увѣрены, что никто ихъ не слышитъ. Мы привыкли видѣть ихъ во фронтѣ. Послушай-ка, какіе есть между ними политики умора да и только! но тише!.. Не шуми, братецъ!

Они подошли потихоньку къ двумъ часовымъ, которые, опираясь на свои ружья, вполголоса разговаривали между собой.

— Смотри-ка, братъ!— сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ну, что за народъ эти французы, и огонька-то разложить порядкомъ не умѣютъ. Видишь — тамъ какой костеръ запалили? Экъ они навалили бревенъ-та, проклятые!

— Да вѣдь лѣсъ-то не ихъ, братецъ, — отвѣчалъ другой часовой,— такъ чего имъ жалѣть?

— Какъ чего? Не все жъ имъ итти впередъ: пойдутъ и назадъ; а какъ теперь все выжгутъ, такъ и самимъ послѣ будетъ жутко.

— Да что это, Федоровъ, мы все идемъ назадъ, а они впередъ?..

— Видно, такъ надобно.

— Ужъ нѣтъ ли, братъ, измѣны какой?..

— Нѣтъ, братецъ, ты этого дѣла не смыслишь: мы ратируемся...

— Вотъ что!

— Ну, да! пусть себѣ идутъ впередъ. Теперь они сгоряча такъ и лѣзутъ, а какъ пройдутъ сотенки три-четыре верстъ, такъ уходятся. Ну, знаешь, отсталыхъ будетъ много, по сторонамъ разбредутся, а мы тутъ-то и нагрянемъ. Понимаешь?..

— То-есть, врасплохъ?.. Разумѣю. А что, Федоровъ, вѣдь надо сказать правду: эти французы бравые ребята. Вотъ хоть сегодня, досталось намъ на орѣхи; правда, и мы пощелкали ихъ порядкомъ, да они себѣ и въ усъ не дуютъ. Ахъ, чортъ побери! что за диковинка! люди мелкіе, поджарые, ну, взглянуть не на что, а какъ дерутся!..

Да, братецъ, конечно, — народъ азартный, а не сдобровать имъ.

— Право?

— Ужъ я тебѣ говорю. Да и чему быть?.. Порядку вовсе нѣтъ. Я бывалъ у нихъ въ полону, такъ насмотрѣлся. Ну ужъ вольница! Въ грошъ не ставятъ своихъ командировъ; а передъ фельдфебелемъ и фуражки не ломаютъ. Нашъ братъ не спрашиваетъ, зачѣмъ то, зачѣмъ другое?—идетъ себѣ куда ведутъ, да и дѣло съ концомъ; а они такъ нѣтъ: у всякаго свой царь въ головѣ; да добро бы кто-нибудь, а то иной барабанщикъ, и тотъ норовитъ своего генерала за поясъ заткнуть. А ужъ скорохваты какіе... батюшки свѣты! Алонъ, алонъ! вотъ такъ сначала и задорятся!

И что говорить, конечно, накороткѣ хоть кого оборвутъ, а какъ дѣло поïдетъ въ оттяжку, такъ и нѣтъ, братъ, не жди пути!..

— Правда ли, Федоровъ, сегодня наши ребята болтали, что Англія съ нами?

— Говорятъ такъ. Вотъ это, братецъ, народъ!

— А ты почему знаешь?

— Я еще, любезной, до солдатства былъ съ моимъ барином въ ихъ главномъ городѣ. Ну городокъ! больше Москвы; народъ крупный, здоровый,— постоитъ за себя! А какъ, братъ, дерутся въ кулачки, такъ я тебѣ скажу!.. У барина былъ тамъ другой слуга — изъ тамошнихъ; онъ мараковалъ немного по-русски, такъ все мнѣ показывалъ и толковалъ. Вотъ, однажды, повелъ онъ меня въ ихъ судъ — ужъ наглядѣлся я! Всѣ, знаешь, сидятъ такъ чинно, а судьи говорятъ. Товарищъ мнѣ все по-нашему пересказывалъ. Вотъ вдругъ одинъ судья — такой растрепанный, всталъ и сказалъ: „быть войнѣ“. Какъ вскочитъ другой судья, да закричитъ: „такъ врешь, не быть войнѣ“. И пошли, и пошли, то тотъ, то другой; ужъ они говорили, говорили, а другіе-то все слушаютъ, да вдругъ, нѣтъ, нѣтъ, и закричатъ: „гиръ, гиръ, гиръ“... Знатно, братецъ!

Куда ты, братъ, Федоровъ, всего наглядѣлся, подумаешь!

— Да, любезной, дѣло бывалое, и тамъ и сямъ, и въ другихъ прочихъ земляхъ бывали; кому другому, а намъ не въ диковинку: ходили въ походъ и въ Нѣмецію. То-то сытная земля и народъ ласковой! Поразговоришься съ хозяиномъ, такъ все дастъ. Бывало, войдешь въ избу: „ну, здравствуй, камарадъ!“ Онъ заговоритъ по-своему; ты скажешь: „добре, добре!“ а тамъ и спросишь брушу, биру, того, другого; станетъ отнѣкиваться, такъ закричишь: „капутъ!“ Вотъ онъ тотчасъ и заговоритъ: „Русишь гутъ!“ а ты скажешь: „Нѣмецъ гутъ!“ дѣло дойдетъ до шнапсу, и пошли пи-

ровать. Захотѣлось вышить по другой, такъ покажешь на рюмку да скажешь: „похъ“, анъ глядишь, тебѣ и подаютъ другую. Вѣдь языкъ-та ихъ не мудренъ, братецъ!

— Такъ ты по-нѣмецкому-та знаешь?

— Мало ли что мы знаемъ! Эхъ, Ваня! кабы не чарочка сгубила молодца, такъ я давно бы былъ ужъ унтеромъ.

— Постой-ка, Федоровъ!— сказалъ другой часовой, поднимая свое ружье. - Посмотри,что это тамъ за французской цѣпью противъ огонька мелькнуло? Какъ будто бъ верховой... Вонъ опять!.. видишь?

— Вижу,—отвѣчалъ Федоровъ,- -какой-нибудь французскій офицеръ объѣзжаетъ передовую цѣпь.

— Не стѣшить ли его?— шепнулъ второй часовой, взводя курокъ.

— Погоди, погоди!.. Его опять не видно. Что даромъ-то патроны терять; дай ему поравняться противъ огонька.

Черезъ полминуты кавалеристъ въ драгунской каскѣ, заслонивъ собою огонь ближайшаго непріятельскаго бивака, остановился позади французской цѣпи, и всадникъ вмѣстѣ съ лошадью явственно отпечатались на огненномъ полѣ пылающаго костра.

— Ну, вотъ, теперь!— сказалъ, прикладываясь, второй часовой.

— Постой, постой, братецъ! Спугнешь! прервалъ Федоровъ.—Ты и въ мишень плохо попадаешь; дай-ка мнѣ!

— Ну-ну, стрѣляй! посмотримъ твоей удали.

Федоровъ прицѣлился, вдругъ смуглыя лица обоихъ солдатъ освѣтились, раздался выстрѣлъ, и непріятельскій офицеръ упалъ съ лошади.

— Ай да молодецъ! — сказалъ Зарѣцкій, сдѣлавъ шагъ впередъ; но въ ту же самую минуту вдоль непріятельской линіи раздались ружейные выстрѣлы, пули засвистѣли межъ кустовъ.

Загоскинъ.

Князь М. И. Кутузовъ.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№

Перемѣна главнокомандующаго.

Русская армія грустно и быстро отступала къ Москвѣ. Ропотъ на главнокомандующаго становился все громче и громче; солдаты холодно встрѣчали Барклая-де-Толли. Пылкій Багратіонъ настаивалъ, чтобы французамъ дать еще одно сраженіе, и ничего другого, кромѣ серьезной размолвки съ главнокомандующимъ, не добился.

На бивуакѣ близъ Гжатска, около пылавшаго костра, Гриневъ, лежа на тепломъ одѣялѣ, согрѣвалъ свои окоченѣвшіе члены. Несмотря на то, что было еще только 17-ое августа, но ночью и утромъ становилось такъ свѣжо, что солдаты принуждены были искать тепла. Лежа около костра, молодой офицеръ не спалъ, а предавался своимъ невеселымъ мечтамъ...

— О чемъ, молодой человѣкъ, задумался?—весело проговорилъ старый воякa майоръ Осетровъ, подходя къ Гриневу.

— Такъ, майоръ, взгрустнулось что-то.

— Чай о невѣстѣ?—улыбаясь спросилъ майоръ.

— Нѣтъ, такъ что-то невесело на сердцѣ,—отвѣтилъ Гриневъ. И, желая прекратить начатый разговоръ, завелъ рѣчь о другомъ:—Не слыхали ли вы, майоръ, держится очень упорный слухъ, что главнокомандующаго у насъ замѣнятъ другимъ?

— Такъ и должно быть,—вы видите, все войско недовольно его отступленіемъ, въ арміи сильнѣйшій ропотъ. Я положительно не понимаю, съ какою цѣлью главнокомандующій отступаетъ, почему онъ грудью не отстоялъ Смоленска, а впустилъ сюда непріятелей?

— Онъ жалѣетъ нашихъ солдатъ.

— Да прекрасно! Жалѣя солдатъ, надо и спасать страну отъ разоренія. Вы поглядите-ка: гдѣ пройдутъ французы—камня на камнѣ не остается—погромъ! ра-

зоренье!.. Нѣтъ, господинъ офицеръ, русскій не привыкъ отступать!—горячился старый майоръ.

— Господа, новость, большая новость!—быстро подходя къ разговаривающимъ, проговорилъ молоденькій офицеръ, только что произведенный въ адъютанты къ генералу Багратіону.

— Какая новость?—въ одинъ голосъ спросили маіоръ и Гриневъ.

— Я поздравляю васъ съ новымъ главнокомандующимъ. Государь назначилъ князя Михаила Илларіоновича Кутузова; онъ уже прибылъ въ Гжатскъ и угромъ объѣдетъ ряды арміи.

— Слава Богу, теперь конецъ нашему отступленію. Кутузовъ дастъ себя знать проклятому Наполеону. Ура!..—радостно крикнулъ старый майоръ.

Императоръ Александръ, передавая въ руки князя Кутузова всю свою армію, предоставилъ ему при этомъ почти неограниченную власть, однако, счелъ нужнымъ предупредить Кутузова, чтобы онъ не вступалъ ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ. Государева армія и весь народъ возложили всю свою надежду на новаго главнокомандующаго, всѣ радовались этому назначенію. „Извѣстныя военныя достоинства ваши, любовь къ отечеству и неоднократные опыты отличныхъ подвиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію мою довѣренность. Избирая васъ для сего важнаго дѣла, я прошу Всемогущаго Бога, да благословитъ Онъ дѣянія ваши къ славѣ россійскаго оружія, и да оправдаются тѣмъ счастливыя надежды, которыя отечество на васъ возлагаетъ", писалъ Государь въ своемъ рескриптѣ Кутузову и, отправляя его въ армію, сказалъ ему:

— Идите спасать Россію!

Князь Кутузовъ послѣдній день передъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ армію провелъ въ постѣ и молитвѣ. За напутственнымъ молебствіемъ въ Казанскомъ соборѣ онъ тяжело опустился на колѣни передъ

чудотворной иконой Богоматери, долго и со слезами молился. Народъ, видѣвшій вмѣстѣ съ государемъ въ немъ свою надежду, стѣснился около Кутузова и по его примѣру преклонилъ колѣна; въ храмѣ послышалось тихое рыданіе. Народъ плакалъ вмѣстѣ съ старымъ вождемъ, которому вручена была судьба Россіи. Князь Кутузовъ прибылъ, наконецъ, въ армію; восторгъ воиновъ былъ великъ и неописуемъ.

- Можно ли отступать съ такими молодцами?—весело привѣтствовалъ князь свою армію, любуясь бодрыми и бравыми солдатами.

Разсказываютъ, что когда главнокомандующій верхомъ на своемъ конѣ сталъ объѣзжать ряды войска, которое встрѣтило его громкими кликами восторга, надъ его сѣдой головой вдругъ взвился большой орелъ. Полководецъ снялъ фуражку и радостно крикнулъ „ура!“.

Это восклицаніе было моментально подхвачено и оглушительно пронеслось по всѣмъ рядамъ русской арміи.

Армія ликовала. Русскій солдатъ воспрянулъ духомъ и ободрился предстоящимъ ему славнымъ дѣломъ—кровью своею спасти дорогую отчизну!..

Д. С. Дмитріевъ.

Отъѣздъ изъ Богучарова.

Вошелъ въ комнату староста Дронъ и, низко поклонившись княжнѣ, остановился у притолки.

Княжна Марья прошлась по комнатѣ и остановилась противъ него.

— Дронушка,—сказала княжна Марья, видѣвшая въ немъ несомнѣннаго друга, того самаго Дронушку, который изъ своей ежегодной поѣздки на ярмарку въ

Вязьму привозилъ ей всякій разъ и съ улыбкой подавалъ свои особенные пряники.

— Дронушка, Алпатычъ куда-то уѣхалъ, мнѣ не къ кому обратиться. Правду ли мнѣ говорятъ, что мнѣ и уѣхать нельзя?

— Отчего же тебѣ не ѣхать, ваше сіятельство? ѣхать можно,—сказалъ Дронъ.

— Мнѣ сказали, что опасно отъ непріятеля. Голубчикъ, я ничего не могу, ничего не понимаю, со мной никого нѣтъ. Я непремѣнно хочу ѣхать ночью или завтра рано утромъ.

Дронъ молчалъ. Онъ исподлобья взглянулъ на княжну Марью.—Лошадей нѣтъ,—сказалъ онъ,—я и Якову Алпатычу говорилъ.

— Отчего же нѣтъ?—сказала княжна.

— Все отъ Божьяго наказанія,—сказалъ Дронъ.— Какія лошади были, подъ войска разобрали, а какія подохли: нынче годъ такой. Не то лошадей кормить, а какъ бы самимъ съ голоду не помереть. И такъ по три дня не ѣмши сидятъ. Нѣтъ ничего, разорили въ конецъ.

Княжна Марья внимательно слушала то, что онъ говорилъ ей.

— Мужики разорены? У нихъ хлѣба нѣтъ?—спросила она.

— Голодною смертью помираютъ,— сказалъ Дронъ, — не то что подводы...

— Да отчего же ты не сказалъ, Дронушка? Развѣ нельзя помочь? Я все сдѣлаю, что могу.

Она смутно знала и слышала, что бываетъ господскій хлѣбъ и что его даютъ мужикамъ. Она знала тоже, что ни братъ, ни отецъ ея не отказали бы въ нуждѣ мужикамъ; она только боялась ошибиться какъ-нибудь въ словахъ насчетъ этой раздачи мужикамъ хлѣба, которымъ она хотѣла распорядиться Она стала разспрашивать Дронушку подробности о нуждахъ му-

жиковъ и о томъ, что есть господскаго въ Богучаровѣ.

— Вѣдь у насъ есть хлѣбъ господскій, братнинъ?— спросила она.

— Господскій хлѣбъ весь цѣлъ,—съ гордостью сказалъ Дронъ,—нашъ князь не приказывалъ продавать.

— Выдай его мужикамъ, выдай все, что имъ нужно: я тебѣ именемъ брата разрѣшаю,—сказала княжна Марья.

Дронъ ничего не отвѣтилъ и глубоко вздохнулъ.

— Ты раздай имъ этотъ хлѣбъ, ежели его довольно будетъ для нихъ. Все раздай. Я тебѣ приказываю именемъ брата, и скажи имъ: что наше, то и ихнее. Мы ничего не пожалѣемъ для нихъ. Такъ имъ и скажи.

Дронъ пристально смотрѣлъ на княжну въ то время, какъ она говорила.

— Уволь ты меня, матушка, ради Бога, вели отъ меня ключи принять,—сказалъ онъ.—Служилъ 23 года, худого не дѣлалъ,—уволь, ради Бога!

Княжна Марья не понимала, чего онъ хотѣлъ отъ нея и отъ чего онъ просилъ уволить себя. Она отвѣчала ему, что никогда не сомнѣвалась въ его преданности и что она все готова сдѣлать для него и для мужиковъ.

Черезъ часъ послѣ этого Дуняша пришла къ княжнѣ съ извѣстіемъ, что пришелъ Дронъ и всѣ мужики по приказанію княжны собрались у амбара, желая переговорить съ госпожею.

— Да я никогда не звала ихъ,—сказала княжна Марья;—я только сказала Дронушкѣ, чтобы раздать имъ хлѣба.

— Только ради Бога, княжна-матушка, прикажите ихъ прогнать и не ходите къ нимъ. Все обманъ одинъ,— говорила Дуняша;—а Яковъ Алпатычъ пріѣдутъ, и поѣдемъ, а вы не извольте...

— Какой же обманъ?—удивленно спросила княжна.

— Да ужъ я знаю, только послушайте меня, ради

Бога! Вотъ и няню спросите. Говорятъ, не согласны уѣзжать по вашему приказанію.

— Ты что-нибудь не то говоришь... Да я никогда не приказывала уѣзжать...—сказала княжна Марья.— Позови Дронушку.

Пришедшій Дронъ подтвердилъ слова Дуняши: мужики пришли по приказанію княжны.

— Да я никогда не звала ихъ,— сказала княжна.— Ты вѣрно не такъ передалъ имъ. Я только сказала, чтобы ты имъ отдалъ хлѣбъ.

Дронъ, не отвѣчая, вздохнулъ.

— Если прикажете, они уйдутъ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пойду къ нимъ,—сказала княжна Марья.

Несмотря на отговариваніе Дуняши и няни, княжна Марья вышла на крыльцо. Дронушка, Дуняша, няня и Михаилъ Ивановичъ шли за нею.

„Они вѣроятно думаютъ, что я предлагаю имъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы они остались на своихъ мѣстахъ, а сама уѣду, бросивъ ихъ на произволъ французовъ,—думала княжна Марья. Я имъ буду обѣщать мѣсячину въ подмосковной, квартиры; я увѣрена, что братъ Андрей еще больше бы сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ", думала она, подходя въ сумеркахъ къ толпѣ, стоявшей на выгонѣ у амбара.

Толпа скучиваясь зашевелилась, и быстро снялись шляпы. Княжна Марья, опустивъ глаза и путаясь ногами въ платьѣ, близко подошла къ нимъ. Столько разнообразныхъ старыхъ и молодыхъ глазъ было устремлено на нее и столько было разныхъ лицъ, что княжна Марья не видала ни одного лица и, чувствуя необходимость говорить вдругъ со всѣми, не знала какъ быть. Но опять сознаніе того, что она представительница отца и брата, придало ей силы, и она смѣло начала свою рѣчь.

— Я очень рада, что вы пришли,— начала княжна

Марья, не поднимая глазъ и чувствуя, какъ быстро и сильно билось ея сердце.— Мнѣ Дронушка сказалъ, что васъ разорила война. Это наше общее горе, и я ничего не пожалѣю, чтобы помочь вамъ. Я сама ѣду, потому что опасно здѣсь... и непріятель близко... потому что... Я вамъ отдаю все, мои друзья, и прошу васъ взять все, весь хлѣбъ нашъ, чтобъ у васъ не было нужды. А ежели вамъ сказали, что я отдаю вамъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы вы остались здѣсь, то это неправда. Я напротивъ прошу васъ уѣзжать со всѣмъ вашимъ имуществомъ въ нашу подмосковную, и тамъ я беру на себя и обѣщаю вамъ, что вы не будете нуждаться. Вамъ дадутъ и дома, и хлѣбъ.

Княжна остановилась. Въ толпѣ только слышались вздохи.

— Я не отъ себя дѣлаю это,— продолжала княжна: я это дѣлаю именемъ покойнаго отца, который былъ вамъ хорошимъ бариномъ, и за брата, и за его сына.

Она опять остановилась. Никто не прерывалъ ея молчанія.

Горе наше общее, и будемъ дѣлить все пополамъ. Все, что мое, то ваше,— сказала она, оглядывая лица, стоявшія предъ нею.

Всѣ глаза смотрѣли на нее съ одинаковымъ выраженіемъ, значенія котораго она не могла понять. Было ли это любопытство, преданность, благодарность, или испугъ и недовѣріе, но выраженіе на всѣхъ лицахъ было одинаковое.

— Много довольны вашими милостями, только намъ брать господскій хлѣбъ не приходится, — сказалъ голосъ сзади.

— Да отчего же?— сказала княжна. Никто не отвѣтилъ, и княжна Марья, оглядываясь по толпѣ, замѣчала, что теперь всѣ глаза, съ которыми она встрѣчалась, тотчасъ же опускались.— Да отчего же вы не хотите?— спросила она опять.

Никто не отвѣчалъ.

Княжнѣ Марьѣ становилось тяжело отъ этого молчанія; она старалась уловить чей-нибудь взглядъ.

Отчего вы не говорите? — обратилась княжна къ старому старику, который, облокотившись на палку, стоялъ передъ ней. Скажи, ежели ты думаешь, что еще что-нибудь нужно. Я все сдѣлаю,— сказала она, уловивъ его взглядъ. Но онъ, какъ будто разсердившись за это, опустилъ совсѣмъ голову и проговорилъ:

— Чего соглашаться-то, не нужно намъ хлѣба.

— Что жъ намъ все бросить-то? Несогласны. Несогласны.

— Нѣтъ нашего согласія. Мы тебя жалѣемъ, и нашего согласія нѣтъ. Поѣзжай сама, одна, раздалось въ толпѣ съ разныхъ сторонъ. И опять на всѣхъ лицахъ этой толпы показалось одно и то же выраженіе, и теперь это было уже навѣрное не выраженіе любопытства и благодарности, а выраженіе озлобленной рѣшительности.

Да вы не поняли вѣрно,— съ грустной улыбкой сказала княжна Марья.—Отчего вы не хотите ѣхать? Я обѣщаю поселить васъ, кормить. А здѣсь непріятель разоритъ васъ...—Но голосъ ея заглушали голоса толпы.

— Нѣтъ нашего согласія, пускай разоряетъ. Не беремъ твоего хлѣба, нѣтъ согласія нашего.

Княжна Марья старалась уловить опять чей-нибудь взглядъ изъ толпы, но ни одинъ взглядъ не былъ устремленъ на нее; глаза очевидно избѣгали ея. Ей стало странно и неловко.

— Вишь, научила ловко, за ней въ крѣпость поди. Дома разори да въ кабалу и ступай. Какъ же ... Я хлѣбъ, молъ, отдамъ, — слышались голоса въ толпѣ.

Княжна Марья, опустивъ голову, вышла изъ круга и пошла въ домъ. Повторивъ Дронѣ приказаніе о томъ, чтобы завтра были лошади для отъѣзда, она ушла въ свою комнату и осталась одна со своими мыслями.

17-го августа Ростовъ и Ильинъ, сопутствуемые только что вернувшимся изъ плѣна Лаврушкой и вѣстовымъ гусаромъ, изъ своей стоянки Янково, въ 15-ти верстахъ отъ Богучарова, поѣхали кататься верхами, — попробовать новую купленную Ильинымъ лошадь и разузнать, нѣтъ ли въ деревняхъ сѣна.

Богучарово находилось послѣдніе три дня между двумя непріятельскими арміями, такъ что такъ же легко могъ зайти туда русскій арьергардъ, какъ и французскій авангардъ, и потому Ростовъ, какъ заботливый эскадронный командиръ, желалъ прежде французовъ воспользоваться тѣмъ провіантомъ, который оставался въ Богучаровѣ.

Ростовъ и Ильинъ были въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Они шагомъ подъѣхали къ амбару, у котораго стояла большая толпа мужиковъ.

Нѣкоторые мужики сняли шапки, нѣкоторые, не снимая шапокъ, смотрѣли на подъѣхавшихъ. Два старые, длинные мужика, съ сморщенными лицами и рѣдкими бородами, вышли изъ кабака и съ улыбками, качаясь и распѣвая какую-то нескладную пѣсню, подошли къ офицерамъ.

— Молодцы! — сказалъ смѣясь Ростовъ.—Что, сѣно есть?

— И одинакіе какіе...—сказалъ Ильинъ.

— Развесс... о... оо... олая бе... сѣ... бе... е... сѣ...— распѣвалъ мужикъ со счастливою улыбкой.

Одинъ мужикъ вышелъ изъ толпы и подошелъ къ Ростову.

— Вы изъ какихъ будете?—спросилъ онъ.

— Французы,— отвѣчалъ смѣючись Ильинъ.—Вотъ и Наполеонъ самъ,— сказалъ онъ, указывая на Лаврушку.

— Стало-быть, русскіе будете? -спросилъ мужикъ.

— А много вашей силы тутъ?— спросилъ другой небольшой мужикъ, подходя къ нимъ.

— Много, много, — отвѣчалъ Ростовъ. — Да вы что жъ собрались тутъ?— прибавилъ онъ: — праздникъ, что ль?

- Старички собрались, по мірскому дѣлу,—отвѣчалъ мужикъ, отходя отъ него.

Въ это время по дорогѣ отъ барскаго дома показались двѣ женщины и человѣкъ въ бѣлой шляпѣ, шедшіе къ офицерамъ.

— Въ розовомъ моя, чуръ не отбивать! — сказалъ Ильинъ, замѣтивъ рѣшительно подбѣгавшую къ нему Дуняшу.

— Наша будетъ! — подмигнувъ, сказалъ Ильину Лаврушка.

— Что, моя красавица, нужно?— сказалъ Ильинъ, улыбаясь.

— Княжна приказала спросить, какого вы полка и какъ ваша фамилія?

— Это графъ Ростовъ, эскадронный командиръ, а я вашъ покорный слуга.

— Бе... сѣ .. ѣ... ду... шка! — распѣвалъ пьяный мужикъ, счастливо улыбаясь и глядя на Ильина, разговаривающаго съ дѣвушкой. Вслѣдъ за Дуняшей подошелъ къ Ростову Алпатычъ, еще издали снявъ свою шляпу.

— Осмѣлюсь безпокоить, ваше благородіе,— сказалъ онъ съ почтительностью, но съ относительнымъ пренебреженіемъ къ юности этого офицера и заложивъ руку за пазуху.— Моя госпожа, дочь скончавшагося сего 15 числа генералъ-аншефа князя Николая Андреевича Болконскаго, находясь въ затрудненіи по случаю невѣжества этихъ лицъ,— онъ указалъ на мужиковъ,— просить васъ пожаловать... не угодно ли будетъ, — съ грустною улыбкой сказалъ Алпатычъ,—отъѣхать нѣсколько, а то не такъ удобно при...— Алпатычъ указалъ на двухъ мужиковъ, которые сзади такъ и носились около него, какъ слѣпни около лошади.

— А... Алпатычъ!.. А, Яковъ Алпатычъ!.. Важно!

прости ради Христа. Важно, а?.. — говорили мужики, радостно улыбаясь ему.

Ростовъ посмотрѣлъ на пьяныхъ мужиковъ и улыбнулся.

— Или можетъ это утѣшаетъ ваше сіятельство? — сказалъ Яковъ Алпатычъ со степеннымъ видомъ, не заложенною за пазухой рукой указывая на стариковъ.

— Нѣтъ, тутъ утѣшенья мало,—сказалъ Ростовъ и отъѣхалъ.— Въ чемъ дѣло?— спросилъ онъ.

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, что грубый народъ здѣшній не желаетъ выпустить госпожу изъ имѣнія и угрожаетъ отпрячь лошадей, такъ что съ утра все уложено и ея сіятельство не могутъ выѣхать.

— Не можетъ быть!— вскрикнулъ Ростовъ.

— Имѣю честь докладывать вамъ сущую правду,— повторилъ Алпатычъ.

Ростовъ слѣзъ съ лошади и, передавъ ее вѣстовому, пошелъ съ Алпатычемъ къ дому, разспрашивая его о подробностяхъ дѣла... Дѣйствительно вчерашнее предложеніе княжны мужикамъ хлѣба, ея объясненіе съ Дрономъ и со сходкою такъ испортили дѣло, что Дронъ окончательно сдалъ ключи, присоединился къ мужикамъ и не являлся по требованію Алпатыча и что по утру, когда княжна велѣла закладывать, чтобъ ѣхать, мужики вышли большой толпой къ амбару и выслали сказать, что они не выпустятъ княжны изъ деревни, что есть приказъ, чтобы не вывозиться, и они выпрягутъ лошадей. Алпатычъ выходилъ къ нимъ усовѣщевая ихъ, но ему отвѣчали (больше всѣхъ говорилъ Карпъ, Дронъ не показывался изъ толпы), что княжну нельзя выпустить, что на то приказъ есть, а что пускай княжна остается и они по-старому будутъ служить ей и во всемъ повиноваться.

Въ ту минуту, когда Ростовъ и Ильинъ проскакали по дорогѣ, княжна Марья, несмотря на отговариванье

Алпатыча, няни и дѣвушекъ, велѣла закладывать и хотѣла ѣхать; но увидавъ проскакавшихъ кавалеристовъ, ихъ приняли за французовъ, кучера разбѣжались, и въ домѣ поднялся плачъ женщинъ.

— Батюшка, отецъ родной! Богъ тебя послалъ, — говорили умиленные голоса въ то время, какъ Ростовъ проходилъ черезъ переднюю.

Княжна Марья, потерянная и безсильная, сидѣла въ залѣ въ то время, какъ къ ней ввели Ростова. Она не понимала, кто онъ, и зачѣмъ онъ, и что съ нею будетъ. Увидавъ его русское лицо и по входу его и первымъ сказаннымъ словамъ признавъ его за человѣка своего круга, она взглянула на него своимъ глубокимъ и лучистымъ взглядомъ и начала говорить обрывавшимся и дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

— Не могу выразить, княжна, какъ я счастливъ тѣмъ, что случайно заѣхалъ сюда и буду въ состояніи показать вамъ свою готовность,— сказалъ Ростовъ, вставая. — Извольте ѣхать, и я отвѣчаю вамъ своею честью, что ни одинъ человѣкъ не посмѣетъ сдѣлать вамъ непріятность, ежели вы мнѣ только позволите конвоировать васъ, — и, почтительно поклонившись, какъ кланяются дамамъ царской крови, онъ направился къ двери.

Почтительностью своего тона Ростовъ какъ будто показывалъ, что, несмотря на то, что онъ за счастіе бы счелъ свое знакомство съ нею, онъ не хотѣлъ пользоваться случаемъ ея несчастія для сближенія съ нею. Княжна Марья поняла и оцѣнила этотъ тонъ.

— Я очень, очень благодарна вамъ, — сказала ему княжна по-французски,— но надѣюсь, что все это было только недоразумѣніе и что никто не виноватъ въ этомъ. — Княжна вдругъ заплакала.— Извините меня, — сказала она.

Ростовъ, нахмурившись, еще разъ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты.

— Я имъ покажу, я имъ задамъ, разбойникамъ, — говорилъ онъ про себя.

Алпатычъ плывущимъ шагомъ, чтобы только не бѣжать, рысью едва догналъ Ростова.

— Какое рѣшеніе изволили принять?— сказалъ онъ, догнавъ его.

Ростовъ остановился и, сжавъ кулаки, вдругъ грозно подвинулся на Алпатыча.

— Рѣшеніе? Какое рѣшеніе? Старый хрычъ!—крикнулъ онъ на него. — Ты чего смотрѣлъ, а? Мужики бунтуютъ, а ты не умѣешь справиться? Ты самъ измѣнникъ. Знаю я васъ, шкуру спущу со всѣхъ! — И какъ будто боясь растратить понапрасну запасъ своей горячности, онъ оставилъ Алпатыча и быстро пошелъ впередъ. Алпатычъ, подавивъ чувство оскорбленія, плывущимъ шагомъ поспѣвалъ за Ростовымъ и продолжалъ сообщать ему свои соображенія. Онъ говорилъ, что мужики находились въ закоснѣлости, что въ настоящую минуту было неблагоразумно противоборствовать имъ, не имѣя военной команды, что не лучше ли бы было послать прежде за командой.

— Я имъ дамъ воинскую команду... Я ихъ попротивоборствую,—безсмысленно приговаривалъ Николай, задыхаясь отъ неразумной, животной злобы и потребности излить эту злобу. Не соображая того, что будетъ дѣлать, безсознательно, быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ онъ подвигался къ толпѣ. И чѣмъ ближе онъ подвигался къ ней, тѣмъ больше чувствовалъ Алпатычъ, что неблагоразумный поступокъ его можетъ произвести хорошіе результаты. То же чувствовали и мужики толпы, глядя на его быструю и твердую походку и рѣшительное, нахмуренное лицо.

Послѣ того, какъ гусары въѣхали въ деревню и Ростовъ прошелъ къ княжиѣ, въ толпѣ произошло замѣшательство и раздоръ. Нѣкоторые мужики стали говорить, что эти пріѣхавшіе были русскіе, и какъ бы

они не обидѣлись тѣмъ, что не выпускаютъ барышню. Дронъ былъ того же мнѣнія; но какъ только онъ выразилъ его, такъ Карпъ и другіе мужики напали на бывшаго старосту.

— Ты міръ-то поѣдомъ ѣлъ сколько годовъ?—кричалъ на него Карпъ. — Тебѣ все одно! Ты кубышку выроешь, увезешь, тебѣ что, — разорили наши дома, али нѣтъ?

— Сказано, порядокъ чтобъ былъ, не ѣздил никто изъ домовъ, чтобы ни синь-пороха не вывозить, вотъ она и вся!— кричалъ другой.

— Очередь на твоего сына была, а ты небось гладуха своего пожалѣлъ, — вдругъ быстро заговорилъ маленькій старичокъ, нападая на Дрона, — а моего Ваньку забрилъ. Эхъ, умирать будемъ!

— То-то умирать будемъ!

— Я отъ міру не отказчикъ,—говорилъ Дронъ.

— То-то не отказчикъ... Брюхо отрастилъ!..

Два длинные мужика говорили свое. Какъ только Ростовъ, сопутствуемый Ильинымъ, Лаврушкой и Алпатычемъ, подошелъ къ толпѣ, Карпъ, заложивъ пальцы за кушакъ, слегка улыбаясь, вышелъ впередъ. Дронъ напротивъ зашелъ въ задніе ряды, и толпа сдвинулась плотнѣе.

— Эй! кто у васъ староста тутъ? — крикнулъ Ростовъ, быстрымъ шагомъ подойдя къ толпѣ.

— Староста-то? На что вамъ?.. — спросилъ Карпъ.

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ шапка слетѣла съ него и голова мотнулась на бокъ отъ сильнаго удара.

— Шапки долой, измѣнники! - крикнулъ полнокровный голосъ Ростова.— Гдѣ староста?— неистовымъ голосомъ кричалъ онъ.

— Старосту, старосту кличетъ... Дронъ Захарычъ, васъ,—послышались кое-гдѣ торопливо - покорные голоса, и шапки стали сниматься съ головъ.

— Намъ бунтовать нельзя, мы порядки блюдемъ,— проговорилъ Карпъ, и нѣсколько голосовъ сзади въ то же мгновеніе заговорили вдругъ:

— Какъ старички порѣшили... Много васъ начальства!

— Разговаривать?.. Бунтъ?.. Разбойники! Измѣнники! — безсмысленно не своимъ голосомъ завопилъ Ростовъ, хватая за воротъ Карпа.— Вяжи его, вяжи!— кричалъ онъ, хотя некому было вязать его, кромѣ Лаврушки и Алпатыча.

Лаврушка однако подбѣжалъ къ Карпу и схватилъ его сзади за руки.

— Прикажете нашихъ изъ-подъ горы кликнуть? — крикнулъ онъ.

Алпатычъ обратился къ мужикамъ, вызывая двоихъ по именамъ, чтобы вязать Карпа. Мужики покорно вышли изъ толпы и стали распоясываться.

— Староста гдѣ?— кричалъ Ростовъ.

Дронъ съ нахмуреннымъ и блѣднымъ лицомъ вышелъ изъ толпы.

— Ты староста? Вязать, Лаврушка!—кричалъ Ростовъ, какъ будто и это приказаніе не могло встрѣтить препятствій. И дѣйствительно, еще два мужика стали вязать Дрона, который, какъ бы помогая имъ, снялъ съ себя кушакъ и подалъ имъ.

— А вы всѣ слушайте меня,—Ростовъ обратился къ мужикамъ.—Сейчасъ маршъ по домамъ, и чтобы голоса вашего я не слыхалъ.

— Что жъ мы никакой обиды не сдѣлали. Мы только, значитъ, по глупости. Только вздоръ надѣлали... Я же сказалъ, что непорядки...—послышались голоса, упрекавшіе другъ друга.

— Вотъ я же вамъ говорилъ,—сказалъ Алпатычъ, вступая въ свои права.—Не хорошо, ребята!

— Глупость наша, Яковъ Алпатычъ,—отвѣчали голоса, и толпа тотчасъ же стала расходиться по дерев-

пѣ. Связанныхъ двухъ мужиковъ повели на барскій дворъ. Два пьяные мужика шли за ними.

— Эхъ, посмотрю я на тебя! говорилъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Карпу.

— Развѣ можно такъ съ господами говорить? Ты думалъ что?—Дуракъ,—подтверждалъ другой,—право дуракъ.

Черезъ два часа подводы стояли на дворѣ богучаровскаго дома. Мужики оживленно выносили и укладывали на подводы господскія вещи, и Дронъ, по желанію княжны Марьи выпущенный изъ рундука, куда его заперли, стоя на дворѣ, распоряжался мужиками.

— Ты се такъ дурно на клади,—говорилъ одинъ изъ мужиковъ, высокій человѣкъ, съ круглымъ улыбающимся лицомъ, принимая изъ рукъ горничной шкатулку.—Она вѣдь тоже денегъ стоитъ. Что же ты ее такъ-то вотъ бросишь или подъ веревку, а она и потрется. Я такъ не люблю. А чтобы все честно, по закону было. Вотъ такъ-то, подъ рогожку, да сѣнцомъ прикрой, вотъ и важно.

— Ишь книгъ-то, книгъ! сказалъ другой мужикъ, выносившій библіотечные шкапы князя Андрея.—Ты не цѣпляй! А грузно, ребята, книги здоровыя!

— Да, писали не гуляли!—значительно подмигнувъ, сказалъ высокій, круглолицый мужикъ, указывая на лексиконы, лежавшіе сверху.

Л. Н. Толстой.

Дѣло 15-го августа при дер. Семехахъ.

14-го числа августа наши войска, преслѣдуемыя непріятелемъ, шли, почти не останавливаясь, цѣлыя сутки. По всѣмъ предположеніямъ, большая русская армія должна была, несмотря на искусные маневры

Наполеона, соединиться при Вязьмѣ съ молдавской арміею, которая спѣшила къ ней навстрѣчу. 15-го числа нашъ арьергардъ, въ виду непріятельскаго авангарда, остановился при деревнѣ Семехахъ. Съ правой стороны, шаговъ сто отъ лѣса, въ низкихъ и поросшихъ кустарникомъ берегахъ, извивалась узенькая рѣчка; съ полверсты, вверхъ по ея теченію, видны были: плотина, водяная мельница и нѣсколько разбросанныхъ безъ всякаго порядка избъ...

Густое облако дыма вдругъ закрутилось на противоположномъ берегу; окрестность дрогнула, и непріятельское ядро съ визгомъ пронеслось надъ головами нашихъ офицеровъ.

— Черезъ орудіе ядрами! скомандовалъ громкимъ голосомъ артиллерійскій поручикъ.—Живѣй, ребята!

Зарѣцкій и Зарядьевъ подошли къ колоннѣ; капитанъ сталъ на свое мѣсто. Ударили походъ. Одна рота отдѣлилась отъ прикрытія, выступила впередъ, разсыпалась по кустамъ вдоль рѣчки, и съ обѣихъ сторонъ началась жаркая ружейная перестрѣлка, заглушаемая по временамъ непріятельской и нашей канонадою, которая становилась часъ отъ часу сильнѣе.

— Ну, видно мы сегодня поработаемъ!—замѣтилъ Зарядьевъ.—Посмотрите-ка впередъ, какія тянутся густыя колонны по большой дорогѣ.

— Кажется, дѣло будетъ не на шутку.

— А что?

— Приказано не только удерживать позицію, но перебросить черезъ рѣчку нашихъ стрѣлковъ и стараться всячески опрокинуть первую непріятельскую линію.

— Слава Богу! наслу-то и мы будемъ атаковать. А то, повѣришь ли, какъ надоѣло? Toujours sur la defensive—тоска да и только. Стой!.. кажется приказаніе уже исполняется?.. Видишь, какъ подбавляютъ у насъ стрѣлковъ?.. Чортъ возьми! да это батальный огонь, а не

перестрѣлка. Что жъ это французы не усиливаютъ своей цѣпи?.. Смотри, смотри!.. Ихъ сбили... Они бѣгутъ... Вонъ ужъ наши на той сторонѣ... Ай да молодцы!

— Вся колонна впередъ — маршъ! — скомандовалъ полковникъ.

Вся наша передовая линія подалась впередъ; батареи также подвинули, и сраженіе закипѣло съ новою силою.

— Ну, какая идетъ тамъ жарня!—сказалъ Зарядьевъ, смотря на противоположный берегъ рѣчки, подернутый густымъ дымомъ, сквозь который прорывались безпрестанно яркіе огоньки. Не надолго нашихъ двухъ ротъ станетъ. Да что съ тобой, Сицкій, сдѣлалось?— продолжалъ онъ, обращаясь къ одному молодому прапорщику.

— На тебѣ лица нѣтъ! Помилуй, развѣ ты въ первый разъ въ дѣлѣ?

— Мой братъ въ стрѣлкахъ!—отвѣчалъ молодой офицеръ.

— Такъ что жъ?

— А наша рота еще нейдетъ.

— Не безпокойся, дойдетъ дѣло и до нашей роты...

— Но мой братъ...

— Н, Сицкій! Богъ милостивъ—воротится.

— Врядъ ли воротится,—прервалъ грубымъ голосомъ одинъ высокій офицеръ съ непріятной и даже отвратительной физіономіей. — Тамъ что-то больно жарко.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы думаете?..—спросилъ съ безпокойствомъ молодой офицеръ.

— Да что за диковинка? Натурально, его убьютъ скорѣе въ стрѣлкахъ, чѣмъ меня, здѣсь въ колоннѣ.

— Какъ тебѣ не стыдно! — сказалъ вполголоса Зарядьевъ.—Ты знаешь, какъ онъ любитъ своего брата.

— Вотъ еще какія нѣжности!.. У меня и двухъ братьевъ убили, да я...

Князь Багратіонъ.

ОБЛАСТНАЯ
БИБЛІОТЕКА
№

Высокій офицеръ не докончилъ начатой фразы: непріятельское ядро, вырвавъ два ряда солдатъ, раздробило ему черепъ.

— Сомкнись! — скомандовалъ Зарядьевъ. Солдаты придвинулись другъ къ другу. Еще нѣсколько ядеръ пролетѣло черезъ колонну.

— Эй, вы!—закричалъ Зарядьевъ:—стоять смирно! Ну! начали кланяться; дурачье! Тотчасъ узнаешь рекрутъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Зарѣцкому.— Обстрѣленный солдатъ отъ ядра не шевелится... Кто тамъ еще отвѣсилъ поклонъ?

— Нефедьевъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ унтеръ-офицеръ.

— Такъ и есть—рекрутъ! Эй ты, Нефедьевъ! зачѣмъ нагибаешь голову?

— Ядро, ваше благородіе.

— А какое тебѣ дѣло до него, болванъ? Чего ты боишься?

— Убьетъ, ваше благородіе.

— Убьетъ, дуралей! Слушай команды, а убьетъ— не твоя бѣда. Ахти! Никакъ это ведутъ капитана третьей роты? Ну, видно его порядкомъ зацѣпило!

Два солдата подвели къ колоннѣ офицера, обрызганнаго кровью; онъ едва могъ переступать и переводилъ духъ съ усиліемъ.

— Вы ранены?—сказалъ полковникъ.

— И, кажется, смертельно!—отвѣчалъ едва слышнымъ голосомъ капитанъ.

— Прикажите подкрѣпить нашихъ стрѣлковъ: французы одолѣваютъ.

— А что майоръ?

— Убитъ.

— А капитанъ Бѣловъ?

— Убитъ.

— А братъ мой?—спросилъ робко Спицкій.

— Убитъ.

— Убитъ!—повторилъ молодой офицеръ, поблѣднѣвъ, какъ смерть. Съ полминуты онъ молчалъ; потомъ вдругъ глаза его засверкали, румянецъ заигралъ на щекахъ; онъ обратился къ полковнику и сказалъ:

— Степанъ Николаевичъ! Сдѣлайте милость—Бога ради! позвольте мнѣ въ стрѣлки.

— Хорошо, ступайте съ первой ротой,—сказалъ полковникъ, взглянувъ съ примѣтнымъ состраданіемъ на молодого офицера.—Вторая и первая рота въ стрѣлки!—Зарядьевъ! Вы примите команду надъ всей нашей цѣпью... Барабанщикъ—походъ!

— Становись!—скомандовалъ Зарядьевъ.—Да смотри у меня въ воробьевъ не стрѣлять! Мѣтить въ полчеловѣка! Перекрестись! Ну, ребята, съ Богомъ—маршъ!

Уже болѣе пяти часовъ продолжалось сраженіе; нѣсколько разъ стрѣлки наши то сбивали непріятельскую цѣпь и дрались на противоположномъ берегу рѣчки, то, прогоняемые на нашу сторону, продолжали перестрѣлку въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колонны своихъ. Канонада не умолкала ни на минуту съ обѣихъ сторонъ; но наша и непріятельская конница оставались въ бездѣйствіи. Въ то время, какъ Зарѣцкій начиналъ думать, что на этотъ разъ эскадронъ его не будетъ въ дѣлѣ, которое, повидимому, не могло долго продолжаться, подскакалъ къ нему Рославлевъ.

— Ну, Александръ!—сказалъ онъ,—съ Богомъ! Тебѣ велѣно переправиться черезъ рѣчку и атаковать съ фланга непріятельскихъ стрѣлковъ.

— Насилу о насъ вспомнили!.. Фланкеры! Осмотрѣть пистолеты! Сабли вонъ!

— Ты долженъ прикрывать отступленіе стрѣлковъ третьей колонны,—продолжалъ Рославлевъ.—Имъ становится ужъ больно тяжело. Бѣдняжки дерутся часовъ пять сряду.

— Живъ ли нашъ пріятель Зарядьевъ! Вѣдь онъ, кажется, ими командуетъ?

— А вотъ сейчасъ узнаю: я ѣду къ нему съ приказаніемъ, чтобы онъ понемногу отступалъ къ нашей передовой линіи. Смотри, Александръ, налети соколомъ, чтобъ эти французы не успѣли опомниться и дали время Зарядьеву убраться по-добру по-здорову на нашу сторону.

— А вотъ что Богъ дастъ. По три налѣво зафзжай—рысью—маршъ!

Зарѣцкій со своимъ эскадрономъ принялъ направо, а Рославлевъ пустился прямо черезъ плотину, вдоль которой свистѣли непріятельскія пули...

— Изволь-ка убираться отсюда съ своими стрѣлками,—закричалъ онъ Зарядьеву, увидя его.

— Да, нечего сказать, пора! Насъ порядкомъ поубавилось. Эй! барабанщикъ, сборъ!

— Много убито офицеровъ?

— Да не осталось и половины.

— А что этотъ молодой прапорщикъ?.. Какъ бишь его зовутъ?.. Такой милый, скромный...

— Сицкій?

— Да.

— Вотъ здѣсь въ кустахъ, лежитъ рядышкомъ съ своимъ братомъ.

— Убитъ? Какъ жаль!

— Ну, братецъ, какъ-то Богъ и остальныхъ вынесетъ. Вѣдь какъ мы начнемъ ретироваться, такъ французы намъ кланяться не станутъ; посмотри, какіе будутъ проводы.

— Не безпокойся! Зарѣцкій съ своимъ эскадрономъ сдѣлаетъ диверсію и станетъ прикрывать ваше отступленіе... Вонъ видишь? Онъ зафзжаетъ во флангъ французскимъ стрѣлкамъ.

— Вижу. А видишь ли ты—немного полѣвѣе?..

— Что это? Никакъ непріятельская конница?

Да, кажется, что такъ. Нѣтъ, братецъ! Зарѣцкому будетъ не до меня. Дѣлать нечего, пришлось одному отгрызаться.

Разсыпанные межъ кустовъ и по полю стрѣлки стали сбираться вокругъ барабанщика, и Зарядьевъ, несмотря на сильный непріятельскій огонь, командуя какъ на ученьи, свернулъ человѣкъ четыреста оставшихся солдатъ въ небольшую колонну.

— Смотрите!—сказалъ онъ,—слушать команду, равняться, итти въ ногу, а пуще всего не прибавлять шагу. Тихимъ шагомъ маршъ!

Рославлевъ, который ѣхалъ въ головѣ ретирующейся колонны, не спускалъ глазъ съ эскадрона Зарѣцкаго.

— Ну, Зарядьевъ!—сказалъ онъ,—помоги Богъ нашему пріятелю! Смотри, смотри! Вонъ несутся на него французскіе латники. Боже мой! да ихъ, кажется, эскадрона два или три!

— Не бойся, братецъ! Бой будетъ равный. Видишь одинъ эскадронъ принимаетъ направо, прямехонько на насъ. Милости просимъ, господа! мы васъ попотчуемъ! Смотри, ребята! Безъ приказа не стрѣлять; заднимъ шеренгамъ передавать передней заряженныя ружья; не торопиться и слушать команды. Господа офицеры! Прошу быть внимательными! По первому взводу строй каре!

Въ одну минуту изъ небольшой густой колонны составилось порядочное каре, которое продолжало медленно подвигаться впередъ. Между тѣмъ непріятельская конница, какъ громовая туча, приближалась къ отступающимъ. Не доѣхавъ шаговъ полутораста до каре, она остановилась; раздалась громкая команда французскихъ офицеровъ, и весь эскадронъ латниковъ, подобно бурному потоку, ринулся на небольшую толпу безстрашныхъ русскихъ воиновъ.

— Погодите, голубчики!—сказалъ Зарядьевъ,—мы васъ шарахнемъ! Каре, стой! Въ полъ-оборота на п-во... первый плутонгъ—клау-пли!

Густое облако дыма скрыло на минуту непріятельскую кавалерію; но повидимому сей первый залпъ не

очень ее разстроилъ, и когда дымъ разсѣялся, то французскіе латники были уже не далѣе пятидесяти шаговъ отъ каре.

— Третій плутонгъ,—скомандовалъ Зарядьевъ, клау-пли! Пятый плутонгъ клау-пли! Я думаю,—продолжалъ онъ,—этого будетъ съ нихъ довольно.

Въ самомъ дѣлѣ, когда можно стало различать сквозь дымъ окружные предметы, Рославлевъ увидѣлъ, что непріятельскій эскадронъ, совершенно разстроенный, принялъ направо, оставивъ на одномъ мѣстѣ болѣе пятидесяти убитыхъ лошадей и солдатъ.

— Ну, это дѣло кончено!—сказалъ Зарядьевъ.—Теперь впередъ. Во фронтъ—маршъ!

— Ай да молодецъ!— вскричалъ Рославлевъ.—Славно отдѣлался!

— Отдѣлался, да не совсѣмъ,—прервалъ капитанъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.—Посмотри-ка! кто это заѣзжаетъ къ намъ въ тылъ.

— Еще конница?

— То-то и дѣло, что нѣтъ — провалъ бы ее взялъ, проклятую! Такъ и есть! Конная артиллерія. Слушайте, ребята! Если кто хоть на волосъ высунется впередъ— Боже сохрани! Тихимъ шагомъ!.. Господа офицеры! Итти въ ногу!.. Лѣвой, правой!.. разъ, два!..

Три ядра, одно за другимъ, прогудѣли надъ головами солдатъ, четвертое попало въ самую середину каре.

— Не прибавляй шагу!—закричалъ Зарядьевъ.— Примкни! Передній фасъ равняйся!.. Въ ногу!.. Заболтали!.. Вотъ я васъ... Стой!

Каре остановилось; еще нѣсколько ядеръ выхватило человѣкъ пять изъ задняго фронта, который примѣтнымъ образомъ началъ колебаться.

— Не шевелиться!—закричалъ громовымъ голосомъ Зарядьевъ,—а не то два часа продержу подъ ядрами. Унтеръ-офицеры на линію!.. Впередъ—равняйся! Стой!.. Тихимъ шагомъ—маршъ!

— Послушай, Зарядьевъ! — сказалъ вполголоса Рославлевъ—ты, конечно, хочешь показать свою неустрашимость: это хорошо; но заставлять итти въ ногу, выравнивать фронтъ, дѣлать почти ученье подъ выстрѣлами непріятельской батареи!.. Я не назову это фанфаронствомъ, потому что ты не фанфаронъ; но, воля твоя, это такой безчеловѣчный педантизмъ...

— Эхъ братецъ! убирайся къ чорту съ твоими французскими словами! Я знаю, что дѣлаю. То-то, любезный, ты еще молоденекъ! Когда солдатъ думаетъ о томъ, чтобы итти въ ногу да равняться, такъ не думаетъ о непріятельскихъ ядрахъ.

— Положимъ, что такъ; но для чего вести ихъ тихимъ шагомъ?

— А ты бы, чай, повелъ скорымъ? Нѣтъ, душенька, отъ скораго шагу до бѣготни не далеко, а какъ побѣгутъ да нагрянетъ конница, такъ тогда уже поздно будетъ командовать. Однакоже, взгляни-ка налѣво: кажется, нашъ пріятель Зарѣцкій дѣлаетъ то же, что мы.

Въ самомъ дѣлѣ Зарѣцкій, атакованный двумя эскадронами латниковъ, послѣ жаркой схватки скомандовалъ уже: по три налѣво кругомъ заѣзжай! какъ дивизіонъ русскихъ улановъ подоспѣлъ къ нему на помощь. Въ нѣсколько минутъ непріятельская кавалерія была опрокинута, но въ то же самое время Рославлевъ увидѣлъ, что одинъ русскій офицеръ, убитый или раненый, упалъ съ лошади.

— Боже мой!—вскричалъ онъ,—это, кажется, Зарѣцкій? Такъ точно, это его сѣрая лошадь...

— Ну, братецъ!—прервалъ Зарядьевъ,—мало ли сѣрыхъ лошадей... Да постой, куда ты?

Но Рославлевъ, не слушая его словъ, пріударилъ нагайкою свою лошадь и полетѣлъ въ ту сторону, гдѣ происходило кавалерійское дѣло.

Когда Рославлевъ сталъ приближаться къ нашей

конницѣ, то непріятельская, подкрѣпленная свѣжими войсками, построилась снова въ боевой порядокъ, и между обѣихъ кавалерійскихъ колоннъ начали разъѣзжать и показывать свое удальство фланкеры обѣихъ сторонъ. Одинъ французскій конный егерь, сшибя съ лошади сабельнымъ ударомъ русскаго гусара, подскакалъ шаговъ на десять къ Рославлеву и выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета. Сгоряча Рославлевъ едва почувствовалъ, что ему какъ будто обожгло лѣвую руку; онъ подъѣхалъ къ гусарамъ и первый офицеръ, его встрѣтившій, былъ Зарѣцкій.

— Слава Богу!—вскричалъ Рославлевъ,—ты живъ. А мнѣ показалось издали...

— Да, Владиміръ! Я живъ и даже не раненъ; но поручика моего французы отправили на тотъ свѣтъ. Жаль! славный былъ малый. Да постой-ка! что у тебя рука? Ты раненъ.

— Раненъ? Неужели?

— Да, и кажется не на шутку; надобно скорѣй перевязать твою руку.

Сейчасъ прискакалъ съ приказомъ адъютантъ,— сказалъ уланскій ротмистръ, подъѣхавъ къ гусарамъ.— Намъ велѣно отретироваться за передовую нашу линію.

Эй, Трощенко! закричалъ Зарѣцкій,—труби аппель! Да, кажется, и французы устали уже драться, продолжалъ онъ, посматривая впередъ; ихъ цѣпь начинаетъ очень рѣдѣть, и канонада почти совсѣмъ утихла.

На нашемъ флангѣ утихла, прибавилъ уланъ; — а слышите ли—на лѣвомъ какая еще идетъ жарня?

Гусарскій эскадронъ, примкнувъ къ уланамъ, переправился, не будучи преслѣдуемъ непріятелемъ, черезъ рѣчку, въ то самое время, какъ Зарядьевъ, потерявъ еще нѣсколько солдатъ, присоединился благополучно къ своей колоннѣ.

М. Н. Загоскинъ.

Бородинское сраженіе.

Наступилъ день бородинской битвы. Главнокомандующій арміею князь Кутузовъ остановился съ своимъ войскомъ на обширномъ Бородинскомъ полѣ, орошаемомъ четырьмя небольшими рѣчками: Воиной, Колочей, Стоицемъ и Оникомъ. Объѣзжая Бородинское поле, князь Кутузовъ громко высказался:

— Теперь ни шагу назадъ.

Отвѣтомъ ему было громкое и единодушное ура!

Нашей арміи надоѣло отступать, и извѣстіе о войнѣ всѣ приняли съ восторгомъ. Солдаты рвались на враговъ, любовь къ отчизнѣ укрѣпляла ихъ духъ. На бой они готовились, какъ на праздникъ, перемѣнили бѣлье, принарядились, и когда имъ предложена была обычная „чарка“, они отказывались отъ выпивки, сознавая всю важность минуты. Солдаты выглядѣли бодро и весело.

— А что, Михаилъ Андреевичъ, вѣдь французы переломаютъ себѣ зубы надъ нами, — съ улыбкой проговорилъ князь Кутузовъ, обращаясь къ сопровождавшему его графу Милорадовичу.

— Россія, князь, можетъ гордиться своимъ солдатомъ.

— И, можетъ быть, половина этихъ молодцовъ не вернется домой съ этого поля. Господи, спаси Россію, спаси храброе наше воинство! — Главнокомандующій снялъ фуражку и усердно перекрестился.

— Позади насъ Москва, князь, — проговорилъ Милорадовичъ. — Москвичи всѣ свои надежды возлагаютъ на насъ. Бородинскимъ сраженіемъ рѣшится участь Москвы, — добавилъ онъ.

— Охъ, не такъ ты сказалъ: на насъ теперь смотритъ вся Русь православная.

— Да, князь, императоръ возложилъ на насъ великое, но славное бремя.

— А я молю Господа, да подастъ Онъ силы нести сіе бремя и да укрѣпитъ Онъ мой слабый духъ.

Но вотъ раздалось тихое, трогательное пѣніе стихира „Заступница усердная".

По всей арміи носили чудотворную икону Смоленской Божіей Матери, солдаты съ благоговѣйной молитвой и съ колѣнопреклоненіемъ встрѣчали святой ликъ Богоматери. И когда процессія поравнялась съ главнокомандующимъ, онъ слѣзъ съ лошади и опустился на колѣни передъ иконою, приникъ головою къ землѣ и долго и усердно молился... По лицу маститаго полководца струились слезы.

Наступила темная, но тихая ночъ наканунѣ 26-го августа. Какъ у русскихъ, такъ и у французовъ запылали безчисленные костры на бивуакахъ. Багрянымъ заревомъ отразились они на далекомъ пространствѣ небеснаго свода. Ночная тишина была предзнаменованіемъ грознаго кровопролитнаго дня.

Часовые безпрестанно расхаживали взадъ и впередъ; у всякаго костра сидѣли и лежали солдаты и офицеры; кто тихо переговаривался между собою, а кто дремалъ.

Палатки Наполеона были раскинуты позади итальянской арміи; онъ, закинувъ руки за спину, быстро ходилъ и вовсе не ложился спать въ эту ночь; какъ-то нервно подергивалось его лицо, а думы одна за другой отуманивали его геніальную голову, увѣнчанную лаврами многочисленныхъ побѣдъ. Наканунѣ бородинскаго сраженія Наполеонъ былъ сильно взволнованъ; онъ то и дѣло посылалъ своихъ адъютантовъ узнавать, не уходятъ ли русскіе.

— Что будетъ? Чѣмъ все это кончится? Не далеко ли я зашелъ? Я дрожу, — что это? страхъ или лихорадка? Неужели счастье начинаетъ мнѣ измѣнять?..

Наполеонъ позвалъ любимаго своего камердинера и заставилъ его читать библію. Рѣчисто и внятно началось чтеніе, но Наполеону не понравилось.

— Да ты совсѣмъ разучился читать, бормочешь, а не читаешь! — раскричался на него императоръ.

— Государь... — вздумалъ было оправдываться камердинеръ.

— Молчи! Я не хочу слушать твоихъ оправданій. Читай!

Опять началось чтеніе.

— Нѣтъ, это несносно! Оставь книгу и убирайся вонъ!

Несчастный французъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и поклонившись чуть не до земли разгнѣванному Наполеону, вышелъ.

— Когда же будетъ конецъ этой ужасной ночи, который часъ? — крикнулъ Наполеонъ.

Половина перваго, ваше величество, - почтительно отвѣтилъ дежурный адъютантъ.

— Ужасно, какъ долго тянется время! Постараюсь уснуть.—И, не раздѣваясь, Наполеонъ легъ на свою походную кровать; но сонъ бѣжалъ отъ него. Да и кто спалъ въ эту ночь! Поворочавшись нѣсколько на постели, императоръ быстро всталъ и приказалъ позвать своего любимца Коленкура. Герцогъ Коленкуръ – оберъ-шталмейстеръ и рабскій исполнитель воли Наполеона — не замедлилъ притти на зовъ своего государя.

— Ты, Коленкуръ, зачѣмъ? — какъ-то машинально спросилъ его Наполеонъ, не переставая маршировать по палаткѣ.

— Вы звали меня, ваше величество!

— Да, да, правда, я нездоровъ.

— Прикажите, государь, позвать медика?

— Зачѣмъ онъ? Теперь, любезный Коленкуръ, къ чорту латинскую кухню.

— Но, государь, ваше лицо доказываетъ, что вы или больны или чѣмъ-то встревожены.

— Я встревоженъ? Да ты совсѣмъ ослѣпъ, мой ми-

лый Коленкуръ; напротивъ, я веселъ и счастливъ; вѣдь мы недалеко отъ Москвы.

— Но это сраженіе, ваше величество...

— Что... Не думаешь ли ты, что я боюсь завтрашняго сраженія! Я привыкъ побѣждать! Я покорилъ почти всю Европу, мой побѣдоносный мечъ былъ въ Африкѣ и Азіи, — мнѣ ли бояться Россіи! Я покорю эту медвѣжью сторону, какъ покорилъ другія царства! — не говорилъ, а выкрикивалъ Наполеонъ, стараясь ободрить себя самого хвастливыми фразами. — Правда, я не хотѣлъ этой войны, но императоръ Александръ вынуждаетъ меня: онъ не хочетъ просить мира.

Коленкуръ работѣпно слушалъ своего не въ мѣру хвастливаго повелителя.

Между тѣмъ, прошла ночь, и показался разсвѣтъ; костры погасли; настало какое-то вѣщее затишье.

Въ пятомъ часу утра къ Наполеону прискакалъ курьеръ отъ маршала Нея съ извѣстіемъ, что русскіе солдаты выстраиваются и готовятся къ битвѣ.

— Лошадь мою, лошадь! Поѣдемъ отворять московскія ворота! — крикнулъ Наполеонъ и, окруженный маршалами и свитой, сталъ объѣзжать свою „непобѣдимую армію". Онъ былъ въ своемъ походномъ сѣромъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ. Уныпія уже не было и слѣда на его лицѣ; Наполеонъ былъ бодръ и веселъ. Онъ сильно надѣялся на свою счастливую судьбу, но — увы, — она уже стала ему измѣнять.

Въ шестомъ часу дня изъ-за горизонта величаво выплывало яркое солнце, и его ослѣпительные лучи весело заиграли на мѣди смертоносныхъ пушекъ и стали штыковъ.

— Смотрите, вѣдь это аустерлицкое солнце! — крикнулъ Наполеонъ, ободряя своихъ солдатъ.

Передъ каждымъ полкомъ читали слѣдующее его воззваніе: „Солдаты! Наступаетъ сраженіе, котораго вы такъ давно желали; непріятель, до сихъ поръ укло-

явшійся отъ сраженія бѣгствомъ, наконецъ, остановился и ожидаетъ боя. Побѣда зависитъ отъ насъ самихъ. Она намъ необходима. Слѣдствіемъ ея будетъ всевозможное изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе въ отечество; помните, что вы—французы. Поступайте такъ, какъ вы поступали подъ Аустерлицемъ, подъ Фридландомъ, подъ Смоленскомъ, подъ Витебскомъ, — и позднѣйшее потомство будетъ твердить о вашихъ подвигахъ, оказанныхъ въ этотъ день. О каждомъ изъ васъ будутъ говорить: онъ былъ въ знаменитомъ сраженіи подъ стѣнами Москвы".

— Да здравствуетъ императоръ! — кричали французы. — Мы взяли Вѣну, Берлинъ, Мадритъ, Римъ, Неаполь, — возьмемъ и Москву. Да здравствуетъ императоръ!

Вотъ раздались сигнальный трубный звукъ и барабанный бой. И первое французское ядро загрохотало и шумя упало въ русскомъ станѣ.

— Сберегайте резервы, господа: кто ихъ сохранилъ, тотъ еще не побѣжденъ. Наступайте колоннами и быстро дѣйствуйте штыками.

Такъ говорилъ русскій главнокомандующій корпуснымъ и резервнымъ генераламъ, которые его окружали.

— Помните и скажите солдатамъ: за нами Москва!— говорилъ старый вождь.

Икона Смоленской Богоматери въ кіотѣ стояла среди арміи; священники въ полномъ облаченіи служили молебны.

— Постойте за царя, за Русь и за матушку-Москву, ребятушки!— громко проговорилъ Кутузовъ солдатамъ.

— Ура! Рады стараться!—кричали ему въ отвѣтъ.

Д. С. Дмитріевъ.

Началось бородинское сраженіе.

Французы со штыками на-перевѣсъ перешли за рѣку Колочу, и вдругъ раздался ужасный громъ изъ нѣсколькихъ сотъ огнедышащихъ французскихъ жерлъ; наши отвѣчали тѣмъ же. Пошла страшная трескотня канонады; казалось, что громы небесные уступили мѣсто свое громамъ земнымъ. Войска сшиблись, и густые клубы дыма, сквозь который прорѣзались снопы пламени, закутали ихъ... Огненные параболы гранатъ забороздили небо, понесся невидимый ураганъ свинца и чугуна. Столкновеніе противниковъ было самое ожесточенное. Очевидцы разсказываютъ, что многіе изъ сражавшихся, побросавъ свое оружіе, сцѣплялись другъ съ другомъ, раздирали другъ другу рты, душили другъ друга въ тѣсныхъ объятіяхъ и вмѣстѣ падали мертвыми. Здѣсь бился Востокъ со всѣмъ Западомъ; здѣсь бился Наполеонъ за всю свою будущность... Артиллерія скакала по трупамъ, какъ по бревенчатой мостовой, втискивая ихъ въ землю, упитанную кровью, и все это происходило на пространствѣ одной квадратной версты! Многіе батальоны перемѣшались между собою такъ, что нельзя было различить непріятелей отъ своихъ. Люди и лошади, ужасно изуродованные, лежали въ разныхъ группахъ; раненые, покуда могли, брели къ перевязкамъ, начальниковъ несли на плащахъ. Стойкость русскихъ, хотя ихъ было и менѣе числомъ, нежели французовъ, остановила бѣшеные порывы враговъ; пронзаемые штыками и поражаемые картечью, воины до того сперлись, что, умирая, не имѣли мѣста, гдѣ упасть на землю; ядра сталкивались между собою и отскакивали назадъ. Чугунъ и желѣзо, пережившіе самое время, отказались служить мщенію людей: раскаленныя пушки не могли выдерживать дѣйствія пороха и лопались съ трескомъ, поражая заря-

жавшихъ ихъ артиллеристовъ; ядра, съ визгомъ ударяясь о землю, взбрасывали вверхъ кусты и разрывали поля, какъ плугомъ; пороховые ящики взлетали на воздухъ. Крики командировъ и вопли отчаянія на десяти разныхъ языкахъ смѣшивались съ пальбою и барабаннымъ боемъ. Съ обѣихъ сторонъ болѣе нежели изъ тысячи пушекъ сверкало пламя и гремѣлъ оглушительный громъ, отъ котораго дрожала земля на нѣсколько верстъ; ядра залетали далеко послѣдними прыжками или катались на излетѣ; батареи переходили изъ рукъ въ руки. Чудное и ужасное зрѣлище представилось тогда: надъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи висѣло густое облако отъ дыма огнестрѣльныхъ орудій; смѣшавшись съ парами крови, оно совершенно затмило дневной свѣтъ, солнце покрылось кровавою пеленою; передъ центромъ пылало Бородино, облитое огнемъ, а правый флангъ нашъ освѣщенъ былъ яркимъ солнцемъ. Такъ въ одно и то же время представлялись день, вечеръ и ночь.

Земля взмокла, напиталась кровью и почернѣла. Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась до вечера; съ наступленіемъ мрака она стала ослабѣвать—прежде у непріятеля.

По окончаніи битвы и при наступленіи вечера, - прибавляютъ очевидцы,—солнце, закатываясь въ этотъ день за горизонтъ, отбрасывало на землю самые багровые лучи, будто обмокнутые въ лужахъ крови; луна, какъ ликъ покойника, тускло освѣтила на Бородинскомъ полѣ болѣе 100.000 труповъ!.. Около взорванныхъ зарядныхъ ящиковъ вокругъ была выжжена земля, а люди и лошади разбросаны, обгорѣлые... Обширное и вмѣстѣ тѣсное кладбище! Французы назвали эту битву битвою генераловъ, по причинѣ множества убитыхъ высшихъ чиновъ съ обѣихъ сторонъ; наши солдаты говорили тогда: „такая была жарня и побоище, что у самого чорта тряслась борода, лѣсъ пѣлъ и во-

да говорила; мы не сдвинулись съ своего мѣста ни на шагъ: гдѣ начали, тамъ и покончили." Присутствіе духа и врожденная веселость не оставляли русскихъ солдатъ; они гранаты называли хлопушками, а картечь—катышками.

— Эхъ, братъ, ногу-то отстегнули у тебя,—сказалъ одинъ раненый другому.

— Такъ что же такое,—отвѣчалъ безногій, поморщиваясь отъ боли,—для меня же лучше: теперь только одинъ сапогъ придется чистить.

Безспорно, что французовъ при Бородинѣ было больше, но русскіе не уступали имъ; трофеи съ обѣихъ сторонъ были равные: не взято ни одного русскаго знамени, ни одного французскаго орла.

Подобной битвы со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія не было еще въ Европѣ; какъ же не назвать ее генеральною, по множеству убитыхъ на ней генераловъ съ обѣихъ сторонъ?.. Про геройское самоотверженіе нашего войска нечего говорить; объ немъ хотя безмолвно, но краснорѣчиво высказываетъ памятникъ—это каменная лѣтопись, поставленная на Бородинскомъ полѣ. Здѣсь въ первый и въ послѣдній разъ былъ смертельно раненъ князь Багратіонъ; ему хотѣли отнять ногу.

— Оставьте,—сказалъ онъ, предчувствуя свою кончину,—это рана за Москву. Боже, спаси отечество!

Тамъ пали: молодой герой Кутайсовъ, разорванный ядромъ, когда онъ вмѣстѣ съ Ермоловымъ велъ въ штыки полкъ на батарею; Тучковъ (объ немъ писали, что онъ дѣйствовалъ съ полкомъ своимъ, какъ на ученьѣ; онъ былъ убитъ въ то самое время, когда скомандовалъ полку своему: „впередъ!") и многіе другіе. Нельзя пройти молчаніемъ храбрости и находчивыхъ распоряженій въ этой битвѣ Барклая-де-Толли: потрясенный душевнымъ недугомъ оттого, что никто не оцѣнилъ его благоразумныхъ дѣйствій во время коман-

дованія имъ первой арміей, онъ искалъ смерти; онъ являлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ сраженія. Очевидцы разсказываютъ, что онъ хладнокровно останавливался подъ градомъ пуль, оправлялъ свой мундиръ, нюхалъ табакъ и вдругъ, давъ своей лошади шпоры, бросался на враговъ.

На другой день послѣ сраженія солнце какъ будто отказалось освѣтить поразительную картину смертнаго побоища; тучи сѣрыми клочьями носились по небосклону, посыпался дождь, и загудѣлъ сильный вѣтеръ. Наполеонъ медленно на бѣломъ статномъ арабскомъ конѣ своемъ „Евдоротѣ“ (подаренномъ ему персидскимъ шахомъ) выѣхалъ осмотрѣть обширное поле сраженія, изрытое ядрами, на которомъ, въ разныхъ положеніяхъ, лежали трупы людей и лошадей. Тамъ побѣдитель умиралъ на побѣжденномъ, живой погребался подъ мертвымъ; тамъ видѣлись разломанные пороховые ящики, подбитые лафеты и разное оружіе, выпавшее изъ мертвыхъ рукъ; свѣтлыя кирасы потеряли свой блескъ, закопченныя порохомъ или обрызганныя кровью, раненые ползали по землѣ со стономъ, нѣкоторые изъ состраданія добивали другъ друга... Между ними бродили истощенные голодомъ солдаты, отыскивая себѣ пищу въ ранцахъ убитыхъ своихъ товарищей. Замѣтно было, что вопли несчастныхъ проникли до глубины души Наполеона; онъ, приказавъ, по возможности, облегчить ихъ участь, повернулъ лошадь свою въ сторону.

Съ высокаго кургана слѣдилъ за сраженіемъ князь Кутузовъ, къ нему то и дѣло являлись съ донесеніями курьеры и адъютанты. Вотъ прискакалъ одинъ съ горестнымъ извѣстіемъ:

— Ваша свѣтлость, князь Багратіонъ раненъ,— печально проговорилъ гонецъ.

— Неужели? Господи! Куда ранили?— дрогнувшимъ голосомъ спросилъ главнокомандующій.

— Въ ногу, ваша свѣтлость.

— Опасно?

— Опасно, ваша свѣтлость.

— Скажите моимъ именемъ генералу Дохтурову, чтобы онъ принялъ командованіе надъ багратіоновскими укрѣпленіями. Еще скажите, чтобы князю Багратіону оказана была немедленная помощь: жизнь его дорога для Россіи; скажите, чтобы доктора употребили все искусство къ излѣченію князя.

Гонецъ ускакалъ. Но князю Багратіону, герою своего времени, не суждено было оправиться отъ раны, и, несмотря на тщательный уходъ, онъ умеръ въ Ярославлѣ и тамъ же погребенъ.

Въ 1839 году Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ поставить на Бородинскомъ полѣ великолѣпный памятникъ въ честь павшихъ героевъ 1812 года. Тѣло князя Багратіона было перенесено сюда и погребено у самаго подножья памятника, поставленнаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ раненъ князь Багратіонъ.

За бородинское сраженіе князь Кутузовъ произведенъ былъ въ генералъ-фельдмаршалы, и, кромѣ того, ему было пожаловано сто тысячъ рублей. Добрый Императоръ Александръ не забылъ никого своею милостью и щедро награждалъ всѣхъ, отъ солдата до генерала. Наполеонъ ничего не выигралъ; только болѣе пятидесяти тысячъ солдатъ изъ его арміи осталось на Бородинскомъ полѣ. Ему ничего не досталось: наши солдаты не оставили ему ни одного трофея. Русскіе показали безпримѣрную храбрость. Битва кончилась, и наше войско начало отступать къ Москвѣ.

Любецкій.

Битва на курганѣ Раевскаго.

(На Бородинскомъ полѣ.)

Курганъ, на который шелъ Пьеръ, былъ то знаменитое (потомъ извѣстное у русскихъ подъ именемъ курганной батареи Раевскаго, а у французовъ подъ именемъ „большого редута", „рокового редута", „центральнаго редута") мѣсто, вокругъ котораго положены десятки тысячъ людей и которое французы считали важнѣйшимъ пунктомъ позиціи.

Редутъ этотъ состоялъ изъ кургана, на которомъ съ трехъ сторонъ были выкопаны канавы. Въ окопанномъ канавой мѣстѣ стояли десять стрѣлявшихъ пушекъ, высунутыхъ въ отверстіе валовъ.

Въ линію съ курганомъ стояли съ обѣихъ сторонъ пушки, тоже безпрестанно стрѣлявшія. Немного позади пушекъ стояли пѣхотныя войска. Входя на этотъ курганъ, Пьеръ никакъ не думалъ, что это окопанное небольшими канавами мѣсто, на которомъ стояло и стрѣляло нѣсколько пушекъ, было самое важное мѣсто въ сраженіи.

Въ противоположность той жуткости, которая чувствовалась между пѣхотными солдатами прикрытія, здѣсь, на батареѣ, гдѣ небольшое количество людей, занятыхъ дѣломъ, было ограничено, отдѣлено отъ другихъ канавой, — здѣсь чувствовалось одинаковое и общее всѣмъ, какъ бы семейное, оживленіе.

Появленіе невоенной фигуры Пьера въ бѣлой шляпѣ сначала непріятно поразило этихъ людей. Солдаты, проходя мимо него, удивленно и даже испуганно косились на его фигуру. Старшій артиллерійскій офицеръ, высокій, съ длинными ногами, рябой человѣкъ, какъ будто для того, чтобы посмотрѣть на дѣйствіе крайняго орудія, подошелъ къ Пьеру и любопытно посмотрѣлъ на него.

Молоденькій, круглолицый офицерикъ, еще совершенный ребенокъ, очевидно только что выпущенный изъ корпуса, распоряжаясь весьма старательно порученными ему двумя пушками, строго обратился къ Пьеру.

— Господинъ, позвольте васъ попросить съ дороги, — сказалъ онъ ему, — здѣсь нельзя.

Солдаты неодобрительно покачивали головами, глядя на Пьера. Но когда всѣ убѣдились, что этотъ человѣкъ въ бѣлой шляпѣ не только не дѣлалъ ничего дурного, но или смирно сидѣлъ на откосѣ вала или съ робкою улыбкой, учтиво сторонясь передъ солдатами, прохаживался по батареѣ подъ выстрѣлами такъ же спокойно, какъ по бульвару, тогда понемногу чувство недоброжелательнаго недоумѣнія къ нему стало переходить въ ласковое и шутливое участіе, подобное тому, которое солдаты имѣютъ къ своимъ животнымъ, собакамъ, пѣтухамъ, козламъ и вообще животнымъ, живущимъ при войнскихъ командахъ. Солдаты эти сейчасъ же мысленно приняли Пьера въ свою семью, присвоили себѣ, дали ему прозвище („нашъ баринъ“ — прозвали его) и про него ласково смѣялись между собой.

Одно ядро взрыло землю въ двухъ шагахъ отъ Пьера. Онъ, обчищая взбрызгнутую ядромъ землю съ платья, съ улыбкой оглянулся вокругъ себя.

— И какъ это вы не боитесь, баринъ, право,— обратился къ Пьеру краснокожій широкій солдатъ, оскаливая крѣпкіе бѣлые зубы.

— А ты развѣ боишься? — спросилъ Пьеръ.

— А то какъ же? — отвѣчалъ солдатъ. — Вѣдь она не помилуетъ. Она шмякнетъ, такъ кишки вонъ. Нельзя не бояться, — сказалъ онъ, смѣясь.

Нѣсколько солдатъ съ веселыми и ласковыми лицами остановились подлѣ Пьера. Они какъ будто не ожидали того, чтобъ онъ говорилъ какъ всѣ, и это открытіе обрадовало ихъ.

— Наше дѣло солдатское. А вотъ баринъ, такъ удивительно. Вотъ такъ баринъ.

— По мѣстамъ, — крикнулъ молоденькій офицеръ на собравшихся вокругъ Пьера солдатъ. Молоденькій офицеръ этотъ видимо исполнялъ свою должность въ первый или во второй разъ и потому съ особенной отчетливостью и формальностью обращался и съ солдатами, и съ начальникомъ.

Перекатная пальба пушекъ и ружей усиливалась по всему полю, въ особенности влѣво, тамъ, гдѣ были флеши Багратіона, но изъ-за дыма выстрѣловъ съ того мѣста, гдѣ былъ Пьеръ, нельзя было почти ничего видѣть. Притомъ наблюденія за тѣмъ какъ бы семейнымъ (отдѣленнымъ отъ всѣхъ другихъ) кружкомъ людей, находившихся на батареѣ, поглощали все вниманіе Пьера. Первое его безсознательно-радостное возбужденіе, произведенное видомъ и звуками поля сраженія, замѣнилось теперь, въ особенности послѣ вида этого одиноко лежащаго солдата на лугу, другимъ чувствомъ. Сидя теперь на откосѣ канавы, онъ наблюдалъ окружавшія его лица.

Къ десяти часамъ уже человѣкъ двадцать унесли съ батареи; два орудія были разбиты, и чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальнія пули. Но люди, бывшіе на батареѣ, какъ будто не замѣчали этого: со всѣхъ сторонъ слышался веселый говоръ и шутки.

— Чинёнка,—кричалъ солдатъ на приближающуюся, летѣвшую со свистомъ гранату. — Не сюда, къ пѣхотинамъ — съ хохотомъ прибавлялъ другой, замѣтивъ, что граната перелетѣла и попала въ ряды прикрытія.

— Что, знакомая? — смѣялся другой солдатъ на присѣвшаго мужика подъ пролетѣвшимъ ядромъ.

Нѣсколько солдатъ собрались у вала, разглядывая то, что дѣлалось впереди.

— И цѣнь сняли, видишь, назадъ прошли, — говорили они, указывая черезъ валъ.

— Свое дѣло гляди, — крикнулъ на нихъ старый унтеръ-офицеръ. — Назадъ прошли, значитъ назади дѣло есть. — И унтеръ-офицеръ, взявъ за плечо одного изъ солдатъ, толкнулъ его колѣнкой. Послышался хохотъ.

— Къ пятому орудію, накатывай, — кричали съ той стороны.

— Разомъ. Дружнѣе, по-бурлацки, — слышались веселые крики перемѣнявшихъ пушку.

— Ай, нашему барину чуть шляпу не сбила, — показывая зубы, смѣялся на Пьера краснокожій шутникъ. — Эхъ, нескладная, — укоризненно прибавилъ онъ на ядро, попавшее въ колесо и ногу человѣка. — Ну вы, лисицы, — смѣялся другой на изгибающихся ополченцевъ, входившихъ на батарею за раненымъ. — Аль не вкусна каша? Ахъ вороны, заколянились, кричали на ополченцевъ, замявшихся передъ солдатомъ съ оторванною ногой. — Тое-кое, малый... — передразнивали мужиковъ, — страсть не любятъ.

Пьеръ замѣчалъ, какъ послѣ каждаго попавшаго ядра, послѣ каждой потери все болѣе и болѣе разгоралось общее оживленіе; какъ изъ предвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, свѣтлѣе и свѣтлѣе вспыхивали на лицахъ всѣхъ этихъ людей (какъ бы въ отпоръ совершающагося) молніи скрытаго, разгорающагося огня.

Въ десять часовъ пѣхотные солдаты, бывшіе впереди въ кустахъ и по рѣчкѣ Каменкѣ, отступили. Съ батареи видно было, какъ они пробѣгали назадъ мимо нея, неся на ружьяхъ раненыхъ. Какой-то генералъ со свитой вошелъ на курганъ и, поговоривъ съ полковникомъ, сердито посмотрѣвъ на Пьера, сошелъ опять внизъ, приказавъ прикрытію пѣхоты, стоявшему позади батареи, лечь, чтобы менѣе подвергаться выстрѣ-

лам. Вслѣдъ за этимъ въ рядахъ пѣхоты, правѣе батареи, послышался барабанъ, командные крики, и съ батареи видно было, какъ ряды пѣхоты двинулись впередъ.

Пьеръ смотрѣлъ черезъ валъ. Одно лицо особенно бросилось ему въ глаза. Это былъ офицеръ, который съ блѣднымъ, молодымъ лицомъ шелъ задомъ, неся опущенную шпагу, и безпокойно оглядывался.

Ряды пѣхоты солдатъ скрылись въ дыму, послышался ихъ протяжный крикъ и частая стрѣльба ружей. Черезъ нѣсколько минутъ толпы раненыхъ и носилокъ пришли оттуда. На батарею еще чаще стали попадать снаряды. Нѣсколько человѣкъ лежали неубранные. Около пушекъ хлопотливѣе и оживленнѣе двигались солдаты. Никто уже не обращалъ вниманія на Пьера. Раза два на него сердито крикнули за то, что онъ былъ на дорогѣ. Старшій офицеръ съ нахмуреннымъ лицомъ большими, быстрыми шагами переходилъ отъ одного орудія къ другому. Молоденькій офицерикъ, еще больше разрумянившись, еще старательнѣе командовалъ солдатами. Солдаты подавали заряды, поворачивались, заряжали и дѣлали свое дѣло съ напряженнымъ щегольствомъ. Они на ходу подпрыгивали какъ на пружинахъ.

Грозовая туча надвинулась, и ярко во всѣхъ лицахъ горѣлъ тотъ огонь, за разгораніемъ котораго слѣдилъ Пьеръ. Онъ стоялъ подлѣ старшаго офицера. Молоденькій офицерикъ подбѣжалъ, съ рукой къ киверу, къ старшему.

— Имѣю честь доложить, господинъ полковникъ, зарядовъ имѣется только восемь, прикажете ли продолжать огонь? — спросилъ онъ.

— Картечь, — не отвѣчая, крикнулъ старшій офицеръ, смотрѣвшій черезъ валъ.

Вдругъ что-то случилось: офицерикъ ахнулъ и свернувшись сѣлъ на землю, какъ на лету подстрѣленная

птица. Все сдѣлалось странно, неясно и пасмурно въ глазахъ Пьера.

Одно за другимъ свистѣли ядра и бились въ брустверъ, въ солдатъ, въ пушки. Пьеръ, прежде не слыхавшій этихъ звуковъ, теперь только слышалъ одни эти звуки. Сбоку батареи, справа, съ крикомъ „ура“ бѣжали солдаты не впередъ, а назадъ, какъ показалось Пьеру.

Ядро ударило въ самый край вала, передъ которымъ стоялъ Пьеръ, ссыпало землю, въ глазахъ его мелькнулъ черный мячикъ и въ то же мгновеніе шлепнуло во что-то. Ополченцы, вошедшіе было на батарею, побѣжали назадъ.

— Всѣ картечью! — кричалъ офицеръ.

Унтеръ-офицеръ подбѣжалъ къ старшему офицеру и испуганнымъ шопотомъ (какъ за обѣдомъ докладываетъ дворецкій хозяину, что нѣтъ больше требуемаго вина) сказалъ, что зарядовъ больше не было.

— Разбойники, что дѣлаютъ! — закричалъ офицеръ, оборачиваясь къ Пьеру. Лицо старшаго офицера было красно и потно, нахмуренные глаза блестѣли.— Бѣги къ резервамъ, приводи ящики,—крикнулъ онъ, сердито обходя взглядомъ Пьера и обращаясь къ своему солдату.

— Я пойду, — сказалъ Пьеръ. Офицеръ, не отвѣчая ему, большими шагами пошелъ въ другую сторону.

— Не стрѣлять... Выжидай! — кричалъ онъ.

Солдатъ, которому приказано было итти за зарядами, столкнулся съ Пьеромъ.

— Эхъ, баринъ, не мѣсто тебѣ тутъ, — сказалъ онъ и побѣжалъ внизъ.

Пьеръ побѣжалъ за солдатомъ, обходя то мѣсто, на которомъ сидѣлъ молоденькій офицерикъ.

Одно, другое, третье ядро пролетало надъ нимъ, ударялось впереди, съ боковъ, сзади. Пьеръ сбѣжалъ внизъ. „Куда я?“ вдругъ вспомнилъ онъ, уже подбѣгая къ зеленымъ ящикамъ. Онъ остановился въ нерѣ-

шительности, итти ему назадъ или впередъ. Вдругъ страшный толчокъ откинулъ его назадъ, на землю. Въ то же мгновеніе блескъ большого огня освѣтилъ его, и въ то же мгновеніе раздался оглушающій, зазвенѣвшій въ ушахъ громъ, трескъ и свистъ.

Пьеръ, очнувшись, сидѣлъ на заду, опираясь руками о землю; ящика, около котораго онъ былъ, не было, только валялись зеленыя обожженныя доски и тряпки на выжженной травѣ, и лошадь, трепля обломками оглобель, проскакала отъ него, а другая такъ же, какъ и самъ Пьеръ, лежала на землѣ и пронзительно, протяжно визжала.

Пьеръ, не помня себя отъ страха, вскочилъ и побѣжалъ назадъ на батарею, какъ на единственное убѣжище отъ всѣхъ ужасовъ, окружавшихъ его.

Въ то время, какъ Пьеръ входилъ въ окопъ, онъ замѣтилъ, что на батареѣ выстрѣловъ не слышно было, но какіе-то люди что-то дѣлали тамъ. Пьеръ не успѣлъ понять того, какіе это были люди. Онъ увидѣлъ старшаго полковника задомъ къ нему лежащаго на валу, какъ будто разсматривающаго что-то внизу, и видѣлъ одного замѣченнаго имъ солдата, который, порываясь впередъ отъ людей, державшихъ его за руку кричалъ: „братцы!“—и видѣлъ еще что-то странное.

Но онъ еще не успѣлъ сообразить того, что полковникъ убитъ, что кричавшій „братцы!“ былъ плѣнный, что въ глазахъ его былъ заколотъ штыкомъ въ спину другой солдатъ,— едва онъ вбѣжалъ въ окопъ, какъ худощавый, желтый, съ потнымъ лицомъ человѣкъ, въ синемъ мундирѣ, со шпагой въ рукѣ, набѣжалъ на него, крича что-то. Пьеръ, инстинктивно обороняясь отъ толчка, такъ какъ они не видавъ разбѣжались другъ противъ друга, выставилъ руки и схватилъ этого человѣка (это былъ французскій офицеръ) одною рукою за плечо, другою за горло. Офицеръ, выпустивъ шпагу, схватилъ Пьера за шиворотъ.

Нѣсколько секундъ они оба испуганными глазами смотрѣли на чуждыя другъ другу лица, и оба были въ недоумѣніи о томъ, что они сдѣлали и что имъ дѣлать. „Я ли взятъ въ плѣнъ, или онъ взятъ въ плѣнъ мною?“ думалъ каждый изъ нихъ. Но очевидно французскій офицеръ болѣе склонялся къ мысли, что въ плѣнъ взятъ онъ, потому что сильная рука Пьера, движимая невольнымъ страхомъ, все крѣпче и крѣпче сжимала его горло. Французъ что-то хотѣлъ сказать, какъ вдругъ надъ самою головой ихъ низко и страшно просвистало ядро, и Пьеру показалось, что голова французскаго офицера оторвана, — такъ быстро онъ согнулъ ее.

Пьеръ тоже нагнулъ голову и опустилъ руки. Не думая болѣе о томъ, кто кого взялъ въ плѣнъ, французъ побѣжалъ назадъ на батарею, а Пьеръ подъ гору, спотыкаясь на убитыхъ и раненыхъ, которые, казалось ему, ловятъ его за ноги. Но не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ навстрѣчу ему показались плотныя толпы бѣгущихъ русскихъ солдатъ, которые, падая спотыкаясь и крича, весело и бурно бѣжали на батарею. (Это была та атака, которую себѣ приписывалъ Ермоловъ, говоря, что только его храбрости и счастью возможно было сдѣлать этотъ подвигъ, и та атака, въ которой онъ будто бы кидалъ на курганъ георгіевскіе кресты, бывшіе у него въ карманѣ.) Французы, занявшіе батарею, побѣжали. Наши войска съ криками „ура“ такъ далеко за батарею прогнали французовъ, что трудно было остановить ихъ.

Съ батареи свезли плѣнныхъ, въ томъ числѣ раненаго французскаго генерала, котораго окружили офицеры. Толпы раненыхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ Пьеру, русскихъ и французовъ, съ изуродованными страданіемъ лицами, шли, ползли и на носилкахъ неслись съ батареи. Пьеръ вошелъ на курганъ, гдѣ провелъ болѣе часа времени, и изъ того семейнаго кружка,

который принялъ его къ себѣ, онъ не нашелъ никого. Много было тутъ мертвыхъ, незнакомыхъ ему. Но нѣкоторыхъ онъ узналъ. Молоденькій офицерикъ сидѣлъ, все также свернувшись у края вала, въ лужѣ крови. Краснокожій солдатъ еще дергался, но его не убирали.

Пьеръ побѣжалъ внизъ.

„Нѣтъ, теперь они оставятъ это, теперь они ужаснутся того, что они сдѣлали!“ думалъ Пьеръ, безцѣльно направляясь за толпами носилокъ, двигавшихся съ поля сраженія.

Но солнце, застилаемое дымомъ, стояло еще высоко, и впереди, и въ особенности налѣво у Семеновскаго, кипѣло что-то въ дыму, и гулъ выстрѣловъ, стрѣльба и канонада не только не ослабѣвали, но усиливались до отчаянности, какъ человѣкъ, который, надрываясь, кричитъ изъ послѣднихъ силъ.

Л. Н. Толстой.

Конецъ бородинскаго сраженія.

(Верещагинъ.)

Бородино.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!“

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля...
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки,—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?—
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ, на полѣ грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета.
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый
Кто штыкъ точилъ ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“

И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ бородинскій бой.

Ну жъ, былъ денекъ!.. Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ;
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый—
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны,
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время—
Могучее, лихое племя:
Богатыри,—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Ю. Лермонтовъ.

Бородинская годовщина.

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрашена:
Кровь на ней была святая;
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И престолъ и Русь спасло.
Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ,
И земля тряслась кругомъ.
А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ инокинь обитель: *)

*) Спасо-Бородинскій монастырь, основанный близъ села Семеновскаго вдовою генерала А. А. Тучкова на той батареѣ, гдѣ онъ

И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней, крестъ,
И на пиръ поминовенья
Рать другого поколѣнья
Новымъ, славнымъ ужъ царемъ
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.
Такъ же рать числомъ обильна;
Такъ же мужество въ ней сильно;
Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена
И полковъ тѣ жъ имена...
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.
И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.
Гдѣ Смоленскій вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій,
И подъ старость сохранившій

убитъ, сражаясь храбро. Тѣло его не было отыскано. Всѣ кости, найденныя на семъ мѣстѣ, были зарыты въ одну могилу, надъ которою теперь возвышается церковь, и въ этой церкви гробница Тучкова.

Все, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?
Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-Атаманъ?
Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?
И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.
И боецъ, сынъ Аполлоновъ...
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино...
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!
И *тебя* мы пережили,
И *тебя* мы схоронили,

Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій *императоръ*,
Міра свѣтлая звѣзда,
И *твоя* пришла чреда!
О, година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ!
Какъ спасительно онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!
Вдругъ... отъ всѣхъ частей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ царь благословенный;
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идетъ.
И *его* какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!..
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ...
Тамъ зарытъ Наполеонъ.
Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы царемъ;
До Стамбула русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы султану;

И вскатилъ на Арарат̀ъ
Пушки храбрый нашъ солдат̀ъ.
И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ с̀ѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Аракс̀ъ;
Эрзерумъ сдался намъ дикій;
Закип̀ѣлъ мятежъ великій;
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ,
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.
И, нежданная ограда,
Флотъ нашъ былъ у ст̀ѣнъ Царьграда;
И съ турецкихъ береговъ,
Въ память с̀ѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфор̀ѣ,
Отразясь въ зав̀ѣтномъ мор̀ѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
„Здѣсь былъ русскій станъ разбитъ“.
Всходитъ дневное св̀ѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью,
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гроб̀ѣ спитъ Багратіонъ.
Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышалъ в̀ѣсть: Москвы ужъ н̀ѣтъ!
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гроб̀ѣ дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великій въ гроб̀ѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.
Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги, ярясь, ломились

На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ,
И какъ будто бы подъемлетъ

Кутузовская изба въ Филяхъ.
(Рис. съ натуры В. К. Саврасова.

Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.
Несказанное мгновенье!
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:

Память вѣчная царю!
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.
Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.
Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь *за общую намъ мать.*

В. А. Жуковскій.

Отъѣздъ Ростовыхъ изъ Москвы.

Во 2-мъ часу заложенные и уложенные четыре экипажа Ростовыхъ стояли у подъѣзда. Подводы съ ранеными одна за другою съѣзжали со двора.

Коляска, въ которой везли князя Андрея, проѣзжая мимо крыльца, обратила на себя вниманіе Сони, устраивавшей вмѣстѣ съ дѣвушкой сидѣнье для графини въ ея огромной высокой каретѣ, стоявшей у подъѣзда.

— Это чья же коляска?—спросила Соня, высунувшись въ окно кареты.

— А вы развѣ не знали, барышня — отвѣчала горничная.—Князь раненый, онъ у насъ ночевалъ и тоже съ нами ѣдутъ.

— Да кто это, какъ фамилія?

— Самый нашъ женихъ бывшій, князь Болконскій, вздыхая отвѣчала горничная.—Говорятъ, при смерти.

Соня выскочила изъ кареты и побѣжала къ графинѣ. Графиня, уже одѣтая по-дорожному, въ шали и шляпѣ, усталая, ходила по гостиной, ожидая домашнихъ съ тѣмъ, чтобы посидѣть съ закрытыми дверями и помолиться передъ отъѣздомъ. Наташи не было въ комнатѣ.

— Маменька,—сказала Соня,—князь Андрей здѣсь, раненый, при смерти. Онъ ѣдетъ съ нами.

Графиня испуганно открыла глаза и, схвативъ за руку Соню, оглянулась.

— Наташа?—проговорила она.

И для Сони и для графини извѣстіе это имѣло въ первую минуту только одно значеніе. Они знали свою Наташу, и ужасъ о томъ, что будетъ съ нею при этомъ извѣстіи, заглушалъ для нихъ всякое сочувствіе къ человѣку, котораго онѣ обѣ любили.

— Наташа не знаетъ еще; но онъ ѣдетъ съ нами, сказала Соня.

— Ты говоришь, при смерти?

Соня кивнула головой.

Графиня обняла Соню и заплакала.

„Пути Господни неисповѣдимы", думала она, чувствуя, что во всемъ, что дѣлалось теперь, начинала выступать скрывавшаяся прежде отъ взгляда людей Всемогущая Рука.

— Ну, мама, все готово. О чемъ вы? —спросила съ оживленнымъ лицомъ Наташа, вбѣгая въ комнату.

— Ни о чемъ,—сказала графиня.—Готово, такъ поѣдемъ.—И графиня нагнулась къ своему ридикюлю, чтобы скрыть разстроенное лицо. Соня обняла Наташу и поцѣловала ее.

Наташа вопросительно взглянула на нее.

— Что ты?.. Что такое случилось?

— Ничего... нѣтъ...

Соня вздохнула и ничего не отвѣчала. Графъ, Петя, мадамъ Шоссъ, Мавра Кузьминишна, Васильичъ вошли въ гостиную и, затворивъ двери, всѣ сѣли и молча, не глядя другъ на друга, посидѣли нѣсколько секундъ.

Графъ первый всталъ и, громко вздохнувъ, сталъ креститься на образъ. Всѣ сдѣлали то же. Потомъ графъ сталъ обнимать Мавру Кузьминишну и Васильича, которые оставались въ Москвѣ, и, въ то время, какъ они ловили его руку и цѣловали его въ плечо, слегка трепалъ ихъ по спинѣ, приговаривая что-то неясное, ласково успокоительное. Графиня ушла въ уборную, и Соня нашла ее тамъ на колѣняхъ передъ разрозненно по стѣнѣ оставшимися образами. (Самые дорогіе по семейнымъ преданіямъ образа везлись съ собой).

На крыльцѣ и на дворѣ уѣзжавшіе люди съ кинжалами и саблями, которыми ихъ вооружилъ Петя, съ заправленными панталонами въ сапоги и туго перепоясанные ремнями и кушаками, прощались съ тѣми, которые оставались.

Какъ и всегда при отъѣздахъ многое было забыто и не такъ уложено, и довольно долго два гайдука стояли съ обѣихъ сторонъ отворенной дверцы и ступенекъ кареты, готовясь посадить графиню, въ то время, какъ бѣгали дѣвушки съ подушками, узелками изъ дому въ кареты и коляску, и бричку и обратно.

— Вѣкъ свой все перезабудутъ, — говорила графиня. Вѣдь ты знаешь, что я не могу такъ сидѣть.— И Дуняша, стиснувъ зубы и не отвѣчая, съ выраженіемъ упрека на лицѣ, бросилась въ карету передѣлывать сидѣніе.

— Ахъ, народъ этотъ,—говорилъ графъ, покачивая головой.

Старый кучеръ, Ефимъ, съ которымъ однимъ только рѣшалась ѣздить графиня, сидя высоко на своихъ козлахъ, даже не оглядывался на то, что дѣлалось позади его. Онъ тридцатилѣтнимъ опытомъ зналъ, что не скоро еще ему скажутъ: „съ Богомъ!“ и что когда скажутъ, то еще два раза остановятъ его и пошлютъ за забытыми вещами, и уже послѣ этого еще разъ остановятъ, и графиня сама высунется къ нему въ окно и попроситъ его Христомъ Богомъ ѣхать осторожнѣе на спускахъ. Онъ зналъ это и потому терпѣливѣе своихъ лошадей (въ особенности лѣваго рыжаго Сокола, который былъ ногой и, пережевывая, перебиралъ удила) ожидалъ того, что будетъ. Наконецъ всѣ усѣлись; ступеньки собрались и закинулись въ карету, дверка захлопнулась, послали за шкатулкой, графиня высунулась и сказала, что должно. Тогда Ефимъ медленно снялъ шляпу съ своей головы и сталъ креститься. Форейторъ и всѣ люди сдѣлали то же.

— Съ Богомъ!—сказалъ Ефимъ, надѣвъ шляпу,— вытягивай! Форейторъ тронулъ. Правый дышловой влегъ въ хомутъ, хрустнули высокія рессоры, и качнулся кузовъ. Лакей на ходу вскочилъ на козлы. Встряхнуло карету при выѣздѣ со двора на тряскую мостовую, такъ же встряхнуло другіе экипажи, и поѣздъ тронулся вверхъ по улицѣ. Въ каретахъ, коляскѣ и бричкѣ всѣ крестились на церковь, которая была напротивъ. Оставшіеся въ Москвѣ люди шли по обоимъ бокамъ экипажей, провожая ихъ.

Наташа рѣдко испытывала столь радостное чувство, какъ то, которое она испытывала теперь, сидя въ каретѣ подлѣ графини и глядя на медленно-подвигавшіяся мимо нея стѣны оставляемой, встревоженной Москвы. Она изрѣдка высовывалась въ окно кареты и глядѣла назадъ и впередъ на длинный поѣздъ раненыхъ, предшествующій имъ. Почти впереди всѣхъ виднѣлся ей закрытый верхъ коляски князя Андрея. Она не знала,

кто былъ въ неї, и всякій разъ, соображая область своего обоза, отыскивала глазами эту коляску. Она знала, что она была впереди всѣхъ.

Въ Кудринѣ, изъ Никитской, отъ Пресни, отъ Подновинскаго съѣхалось нѣсколько такихъ же поѣздовъ, какъ былъ поѣздъ Ростовыхъ, и подъ Садовой уже въ два ряда ѣхали экипажи и подводы.

Л. Н. Толстой.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.

Пѣвецъ.

На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.

Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Воины.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ;
Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ;
Ихъ поприще предъ нами...
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.
Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами...
О, *Святославъ*, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной.
„Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!“
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, *Донской*,
Съ четой двухъ сонменныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.
И ты, нашъ *Петръ*, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца снѣдь мечей,
И міръ взываетъ: слава!
Давно ль, о, хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ — костей громады;
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ;

Отчизны врагъ сопутникъ твой;
Злодѣй владыкѣ братомъ.
Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ воемъ;
Блѣднѣетъ галлъ, дрожитъ сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ...
О горе! горе, супостатъ!
То грозный нашъ *Суворовъ!*
Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ,
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ послѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый;
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами;
Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Воины.

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Пѣвецъ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые

Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки.
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?
Тамъ все — тамъ родимыхъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ:
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы — прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Воины.

За нихъ, за нихъ, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Пѣвецъ.

Тебѣ сей кубокъ, Русскій ЦАРЬ!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ твой намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью:

О, ЦАРЬ, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью;
Нашъ каждый ратникъ славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

Воины.

Не измѣнимъ! мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью!
О, ЦАРЬ! здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ!
Къ тебѣ горимъ любовью!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть — все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота,
И нравовъ непритворство,
И смѣлость — бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность — твердый нашъ союзъ:
Одной пылаемъ славой.
Готъ нашъ, кто первый въ бой летитъ
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мститъ за брата;
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами:

Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.
Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь, и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О, диво!-се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.
Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ — сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность къ герою!..
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье!
Тамъ стѣны!.. въ россахъ вся она!
Мы здѣсь — и Богъ нашъ мщенье!
Хвала сподвижникамъ-вождямъ!
*Ермолов*ъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны!
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами
Онъ первый, грудь противъ мечей,
Съ отважными сынами.
Нашъ *Милорадовичъ*, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,

Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.
Нашъ *Витгенштейнъ*, вождь-героій,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Онъ щитъ странѣ родноій,
Онъ хищныхъ истребитель,
О, сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ
И вдругъ... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.
Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ *Коновницынъ* смѣлый!..
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.
Хвала, нашъ вихорь-атаманъ;
Вождь невредимыхъ, *Платовъ*,
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;

Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ — пышутъ селы.
Хвала, нашъ Несторъ-*Бенингсонъ!*
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змѣй орелъ съ полета.
Хвала, нашъ *Остерманъ*-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И *Тормасовъ*, летящій въ бой
Какъ юноша веселый!
И *Багговутъ* среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И *Дохтуровъ*, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!
Нашъ твердый *Воронцовъ*, хвала!
О, други, сколь смутилась
Вся рать славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьми.
Смотрите... язвой роковой
Къ постели пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.
Ему возглавье бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
„Друзья, бѣдамъ презрѣнье!“
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И оживясь до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши жъ, о, витязь нашъ, воспрянь!
Ужъ ангелъ истребленья

Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.
Хвала, *Щербатовъ*, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О витязь, ободрись... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби — оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы!
Хвала, нашъ *Паленъ*, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый *Строгоновъ*, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый...
О, храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!
Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
Страшатъ, какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья:
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,

Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.
Нашъ *Фигнеръ*, старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ —
А онъ уже, витязь, на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ.
Сеславинъ — гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками:
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.
Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.
Кудашевъ, скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ *Чернышовъ*
На мечъ и громъ дружину;
Орловъ отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ *Кайсаровъ*.

Воины.

Вожди славянъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье;
Отчизна къ намъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Пѣвецъ.

Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ!

Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ;
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ праздненъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучій конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.
Гдѣ *Кульневъ* нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ — главу на щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечъ во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенной.
А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекраснъ былъ, какъ радость!
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ—
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ—
Одушевлялись струны...
О, горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.
И гдѣ же твой, о, витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?..

Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милый...
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй;
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.
И ты... и ты, *Багратіонъ?*
Воотще друзей молитвы,
Воотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
„Увы, намъ скоро грянетъ“.
А онъ... на вѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ-*Суворовъ*.
И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни!
Тамъ ваша вѣрная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
„Отъ нихъ учитесь умирать!“
Такъ скажутъ внукамъ дѣды!
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

Воины.

При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! Други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть!—нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о, врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ
И жаждутъ низложенья!
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ!
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села въ пепелъ! грады въ прахъ!
Въ мечи—серпы и плуги!
Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ Кремлевскія вершины.
„Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ царемъ!“...
Пришелъ... и самъ трепещетъ;
одвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами,
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.
Веди жъ своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада...

Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный;
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что́ сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ!.. мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Воины.

Отвѣдай, хищникъ, что́ сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ!.. мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Пѣвецъ.

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое: въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе Провидѣнье.
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

Воины.

О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами!
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

Пѣвецъ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жаръ;
Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ;
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ;
Нѣтъ страха; нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?
Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья;
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой;
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!
О, сладость тайныя мечты!
Тамъ, тамъ за синей далью
Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью,
Груститъ, о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
„Увы! не палъ ли въ битвѣ?“
И мыслитъ: „скоро ль, дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?

Лети, лети, свиданья часъ,
Смѣнить тоску разлуки!“
Друзья! блаженнѣйшая часть
Любезныхъ быть спасеньемъ!
Когда жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть,—
Погибнемъ съ наслажденьемъ!
Святое имя призовемъ
Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки:
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О, други, смерть не все возьметъ:
Есть жизнь и за могилой!

Воины.

Въ тотъ міръ душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О, други, смерть не все возьметъ:
Есть жизнь и за могилой!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чистымъ музамъ въ даръ!
Друзья, онѣ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И месть, и жажду боя.
Гремятъ ихъ лиры—старъ и младъ
Одѣлись въ бранны латы:
Ничто имъ стрѣлъ свистящихъ градъ,
Ничто твердынь раскаты.
Пѣвцы сотрудники вождямъ;
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ,
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.
О, радость древнихъ лѣтъ, Баянъ!
Ты, арфой ополченный,

Леталъ предъ строями славянъ
И гимнъ гремѣлъ священный.
Петру возникъ среди снѣговъ
Пѣвецъ—податель славы;
Честь *Задунайскому Петровъ*.
О, Камскія дубравы,
Гордитесь! вашъ *Державинъ* сынъ!
Готовь свои перуны,
Суворовъ, чудо-исполинъ—
Державинъ грянетъ въ струны.
О, старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый:
Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины;
Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками—
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племенъ порабощенье;
Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ спасенье.
Такъ, братья, чадамъ музъ хвала!..
Но я, пѣвецъ вашъ юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучныя мнѣ струны?
Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира...
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны!
Но буду ль ваши пѣть дѣла
И хищныхъ истребленье?

Быть можетъ ждетъ меня стрѣла,
И мнѣ удѣлъ—паденье.
Но что жъ... навѣки ль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладитъ въ мірѣ?
Останется привычный гласъ
Въ осиротѣвшей лирѣ.
Пускай губителя во прахъ
Низринетъ месть кровава—
Родится жизнь въ ея струнахъ,
И звучно грянутъ: слава!

Воины.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

Пѣвецъ.

Подымемъ чашу!.. Богу силъ!
О, братья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
Славянскія знамена.
Безсильнымъ щитъ Его законъ,
И гибнущимъ спаситель;
Всегда союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ истребитель.
О, братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ жизни сей награда!
Оттоль Отецъ незримый намъ
Гласитъ: мужайтесь, чада!
Безсмертье, тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь—къ нему стремленье.
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,

Старикъ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
И бодръ на молнійныхъ крылахъ
Въ міръ лучшій улетаетъ.
А мы?... Довѣренность къ Творцу!
Что бъ ни было—Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ—простота;
Нежадность—въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ ровнымъ—правота;
Въ могуществѣ—смиренье.
Обѣтамъ—вѣчность; чести—честь;
Покорность—правой власти;
Для дружбы—все, что въ мірѣ есть;
Любви—весь пламень страсти;
Утѣха—скорби; просьбѣ—дань;
Погибели—спасенье;
Могущему пороку—брань;
Безсильному—презрѣнье;
Неправдѣ—грозный правды гласъ;
Заслугѣ—воздаянье;
Спокойствіе—въ послѣдній часъ;
При гробѣ—упованье.
О! будь же, Русскій Богъ, намъ щитъ!
Прострешь Твою десницу—
И мститель-громъ Твой раздробитъ
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицомъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами...

О, страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речетъ пришлецъ: „враговъ я зрѣлъ;
И мнилъ: земли ихъ мало;
И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
Протекъ—враговъ не стало!“

Войны.

Речетъ пришлецъ: „враговъ я зрѣлъ;
И мнилъ: земли имъ мало;
И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
Протекъ—враговъ не стало!“

Пѣвецъ.

Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужъ утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда
Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,
И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
И спящія дружины.
О, други, скоро!... день грядетъ...
Недвижны рати бурны...
Но... рокъ ужъ жребій беретъ
Изъ таинственной урны.
О, новый день, когда твой свѣтъ
Исчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!...
И онъ блеснулъ!.. Чу!.. вѣстовой
Перунъ по холмамъ грянулъ;
Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите: станъ воспрянулъ!
И кони ржутъ, грызя бразды;
И строй сомкнулся съ строемъ;

И вождь летитъ передъ ряды;
И пышетъ ратникъ боемъ.
Друзья, прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавый
Подъ вихорь стрѣлъ, на рядъ мечей,
За смертью иль за славой...
О вы, которыхъ и вдали
Боготворимъ сердцами,
Вамъ, вамъ всѣ блага на земли!
Щитъ Промысла надъ вами!..
Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

Воинъ.

Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

В. А. Жуковскій.

Военный совѣтъ въ Филяхъ.

Въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Савостьянова, въ два часа, собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахару, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу, на широкихъ лав-

Военный совѣтъ на Филяхъ. *(Кившенко.)*

кахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народа, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе: Ермоловъ, Кайсаровъ, Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голою головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщилъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотившись на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Ма-

лаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позицій. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только, когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но настолько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи, или защищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились, въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтѣнье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось не долго.

— Священную, древнюю столицу Россіи, — вдругъ заговорилъ онъ сердитымъ голосомъ, повторяя слова Бенигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ. — Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „Спасенье Россіи въ арміи. Выгодно ли рисковать потерей арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?“ Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откачнулся назадъ на спинку кресла.)

Начались пренія. Бенигсенъ не считалъ еще игры проигранною. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о

невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились, были споры въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Бенигсена. Руководимые ли чувствомъ потребности жертвы передъ оставленіемъ столицы или другими личными соображеніями, но эти генералы какъ бы не понимали того, что настоящій совѣтъ не могъ измѣнить неизбѣжнаго хода дѣлъ и что Москва уже теперь оставлена. Остальные генералы понимали это и, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая не спуская глазъ смотрѣла на то, что дѣлалось передъ ней, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между „дѣдушкой“ и „длинополымъ“, какъ она называла Бенигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону дѣдушки. Въ серединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Бенигсена, и вслѣдъ затѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длинополому, осадилъ его: Бенигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Бенигсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Бенигсена: о переводѣ въ ночи войска съ праваго фланга на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа, сказалъ Кутузовъ,—не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и воен-

ная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ, напримѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался, пріискивая примѣръ и свѣтлымъ наивнымъ взглядомъ глядя на Бенигсена). Да вотъ хоть бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только оттого, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля.

Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы, и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало быть мнѣ платить за перебитые горшки, — сказалъ онъ и, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу. — Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ не согласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученной мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я — приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ тою же торжественною и молчаливою осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Нѣкоторые изъ генераловъ негромкимъ голосомъ, совсѣмъ въ другомъ діапазонѣ, чѣмъ когда они говорили на совѣтѣ, передали кое-что главнокомандующему.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ палатей, цѣпляясь босыми ножонками за уступы печки и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ облокотившись на столъ и думалъ все о томъ же стран-

номъ вопросѣ: „Когда же, когда же, наконецъ, рѣшилось то, что оставлена Москва. Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?"

— Этого, этого я не ждалъ, — сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру; — этого я не ждалъ. Этого я не думалъ.

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость, — сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ же! Будутъ же они лошадиное мясо жрать, какъ турки! — не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу, — будутъ и они, только бы...

Л. Н. Толстой.

Лагерь.

На четвертый день послѣ Бородина русская армія расположилась на ночлегъ въ полѣ между Можайскомъ и Москвою. Солдаты развели костры, варятъ кашу и грѣются, тѣмъ болѣе что ночи становились все свѣжѣе и свѣжѣе. Тамъ кучка гусаръ, тамъ уланы, тамъ французы, а то и въ перемежку, особенно гдѣ костеръ большой. У одного костра виднѣются уланы. На первомъ планѣ Пилипенко, угрюмо свѣсивъ сѣдые усы, разминаетъ на ладони корешки табаку. Около него сидитъ на заднихъ лапкахъ Жучка и глазъ не сводитъ съ своего любимца: у Жучки — свое маленькое горе; въ собачьемъ привязчивомъ сердцѣ съ нѣкоторыхъ поръ поселился червячокъ ревности — это съ тѣхъ поръ, какъ Пилипенко нечаянно нашелъ своего сына Грицка и обратилъ на него всю свою нѣжность. Тутъ же и Грицко, и другіе гусары — кто куритъ, кто сушитъ онучи противъ огня, кто, снявъ съ себя рубаху и скрутивъ ее жгутомъ, держитъ надъ костромъ, а

рубаха, развертываясь и раздуваясь отъ тепла, производитъ очень знакомыя солдатамъ потрескиванія...

— Ну, братъ, накопилъ ты ихъ,—подсмѣиваются товарищи.

— Накопишь, коли съ самой Вильны не сымалъ рубахи—заѣли, проклятыя; и подъ Бородиной все чесался,—отвѣчаетъ полуголый гусаръ, выпаривающій рубаху.

— А жарко было!

— Гдѣ не жарко!

— Ну, скоро отдохнемъ!

— Знамо отдохнемъ, да не скоро.

— А что?

— А Москва-то?—али такъ имъ отдадимъ матушку? Вотъ она кормитъ насъ: съ конхъ мѣстъ хлѣба не видали, а теперь—на! говядину жремъ.

— Это точно—вонъ и Жучка отъѣлась—(Жучка навостряетъ уши и виляетъ хвостомъ)—вонъ, подлая, какая голодная стала.

Жучка лѣзетъ цѣловаться съ тѣмъ, который назвалъ ее „подлой".

По другую сторону дороги, тоже у костра, сидятъ офицеры, сошедшіеся изъ разныхъ сосѣднихъ полковъ. Давыдовъ, полулежа и полузакрывъ глаза, покуриваетъ изъ своей коротенькой трубочки и иногда встряхиваетъ головой, какъ бы силясь отогнать неотвязчивую мысль; Дурова, необыкновенно блѣдная и какъ бы позеленѣвшая, вытянувъ раненую ногу (подъ Бородинымъ ее контузило ядромъ), не сводила глазъ съ огня... Около нея сидѣлъ, насупившись, Бурцевъ и иногда исподлобья поглядывалъ на нее, не рѣшаясь повидимому заговорить...

Къ костру подошелъ Усаковскій съ чайникомъ въ рукѣ и съ сумкой. Онъ смотрѣлъ весело, казался такимъ красивымъ, чистенькимъ. Подъ Бородинымъ онъ отличился съ своими драгунами у Багратіоновыхъ фле-

шей (укрѣпленіи), и Кутузовъ при всѣхъ поцѣловалъ его въ голову, сказавъ:

— Спасибо, голубчикъ: и дѣло сдѣлалъ, и цѣлою вынесъ изъ огня эту красивую голову — она намъ нужна.

— А я, господа, къ вамъ чай пришелъ пить,—весело проговорилъ онъ, ставя на землю чайникъ.—Кто со мной?

— Вотъ еще какія затѣи!—отвѣчалъ кто-то, лежавшій въ сторонѣ отъ костра. -До чаю ли теперь! Можетъ черезъ часъ будешь корчиться на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ твой чайникъ.

— Тогда то́ и будетъ, а теперь мы все-таки напьемся,—безпечно отвѣтилъ Усаковскій.

— Вѣрно, братуха,—и я хвачу, а то мухи въ голову лѣзутъ,—сказалъ Давыдовъ, встряхивая головой.

— И Алексашу (Дурову) напоимъ, а то вонъ онъ какой,—пробурчалъ Бурцевъ.

Дурова ласково, хотя болѣзненно улыбнулась и пожала Бурцеву руку...

— Какой ты славный,—тихо сказала она.

— Пьяницы всѣ такіе,—отшутился тотъ.

Чайникъ пріятно журчалъ. Трубка Давыдова посопывала. Отъ сосѣдняго, потухающаго костра слышался солдатскій говоръ:

— А *онъ* какъ сыпанетъ картечью, какъ сыпанетъ...

— Ужъ и каша же, братцы!—а-ахъ!..

А какъ придётъ это Иванъ-царевичъ къ желѣзнымъ воротамъ да какъ вдарить мечомъ-кладенцемъ...

— Богородицу-то несутъ, а орелъ какъ махнётъ крыльями...

Вдругъ по направленію цѣпи, гдѣ стояли часовые, послышались выстрѣлы. Забили тревогу. Давыдовъ первый вскочилъ на ноги:

— Мундштучь! садись! стройся!

Не успѣлъ строй сомкнуться и выстроиться въ линію,

какъ передъ фронтомъ и по кострамъ заскакали ядра, никого не задѣвъ однако. Одинъ Усаковскій покончилъ свою молодую жизнь; съ полминуты онъ съ расшибленной, еще такъ недавно красивой головой корчился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ надѣялся напиться чаю, и потомъ вытянулся во всю длину.

Нечаянное нападеніе было отбито тотчасъ же, и непріятель, думавшій напасть на нашихъ врасплохъ, открытый во-время и встрѣченный казаками Платова, немедленно скрылся во мракѣ.

Кружокъ офицеровъ снова собрался у костра, гдѣ лежалъ трупъ Усаковскаго. Бурцевъ сталъ передъ нимъ на колѣни и цѣловалъ его еще теплую руку, не смѣя прикоснуться къ обезображенному лицу, облитому кровью и мозгомъ.

— Прости меня, другъ мой! — шепталъ онъ:—я же, подлецъ, смѣялся надъ твоей прекрасной головой, а теперь—вонъ она.

И онъ горько махнулъ рукой.

Нечаянная тревога и вѣсть о смерти Усаковскаго собрали къ костру массы солдатъ и офицеровъ изъ другихъ ближайшихъ частей арьергарда. Подъѣхалъ и Платовъ, покончившій съ преслѣдованіемъ бѣжавшаго врага. Тутъ виднѣлось и безстрастное, кошачье лицо Фигнера и насупившійся Сеславинъ. Красный свѣтъ огня придавалъ особое выраженіе лицамъ, словно бы на всѣхъ этихъ лицахъ отражалась кровь того, кто лежалъ на землѣ.

Порѣшили тутъ же, гдѣ онъ палъ, выкопать ему могилу. И могила была выкопана быстро. Копали ее сами офицеры не лопатами, а саблями, въ знакъ особаго сочувствія къ покойнику. Завернули его въ плащъ всего—съ раздробленной головы до ногъ. Не его перваго, не его и послѣдняго хоронили такъ въ походѣ. Засыпавъ свѣжую могилку землей, снова попрежнему усѣлись тутъ же вокругъ костра и припомнили все,

что кто помнилъ хорошаго изъ жизни покойника; а потомъ скоро перешли и на другое: не такое было время, чтобы долго вспоминать про убитыхъ товарищей—на это смотрѣли какъ на разлуку, и, быть можетъ, не надолго...

— „Всякій вечеръ—читаемъ мы въ дневникѣ Дуровой изъ этого времени,—мы сходимся къ огню всѣ, кто уцѣлѣетъ въ продолженіе дня. Если кого уже не станетъ въ кругу нашемъ, о томъ поговоримъ, пожалѣемъ съ четверть часа, а тамъ опять разговоръ нашъ веселъ. Теперь не то время, чтобъ долго сожалѣть о потерѣ друзей, потому что всякій имѣетъ надежду или опасеніе послѣдовать за нимъ на другой же день, если еще не въ ту же ночь... Въ теперешней нашей жизни нѣтъ ничего такъ обыкновеннаго и такъ мало обращающаго на себя вниманія, какъ смерть. Здѣсь ея владычество, и здѣсь именно никто объ ней не думаетъ, не боится и въ грошъ ее не ставитъ. „А гдѣ такой то?“—„Убитъ“.—„Ну, такъ позови ко мнѣ того-то“. „И онъ убитъ“.— „Ну, глупецъ: затвердилъ — убитъ, убитъ!.. Пошли, кто тамъ остался въ живыхъ...“ И приказанія, и вопросы, и отвѣты дѣлаются такъ хорошо, такъ покойно, какъ бы дѣло шло о людяхъ куда-нибудь посланныхъ, а не отправившихся на вѣчный покой. Все, что мы видимъ, слышимъ, испытываемъ каждый день, теряетъ въ разумѣ нашемъ: хорошее – все то, что въ немъ было хорошаго, дурное начинаетъ казаться дурнымъ вполовину, а иногда и съ примѣсью хорошаго“.

Такъ было и тутъ, когда закопали Усаковскаго. Отыскали его чайникъ, въ которомъ вся вода давно выкипѣла, налили его вновь, усилили костеръ, приставили чайникъ Усаковскаго вмѣстѣ съ другими, принесенными къ костру, достали вина, въ изобиліи присланнаго изъ Москвы, и стали пить тризну по милымъ товарищамъ, павшимъ въ бою. Разговоръ оживился.

Серебряный кубокъ Давыдова переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ дружескомъ кружкѣ видѣлись новыя лица, въ томъ числѣ и молодое, задумчивое цыгановатое лицо Жуковскаго въ ополченскомъ костюмѣ.

— Господа!—торжественно произнесъ Бурцевъ, который успѣлъ съ горя хватить больше другихъ и былъ въ возбужденномъ состояніи. Господа! сегодня на привалѣ, толкаясь межъ московскими ратниками, я набрелъ на слѣдующую картину: подъ кустомъ, закрытый отъ солнца тѣнью березы, сидитъ нѣкій молодой витязь и, положивъ къ себѣ на колѣни записную книжку, строчитъ. И что же бы вы думали онъ строчитъ? Угадайте!

— Что? стихи,—отозвалось нѣсколько голосовъ, и всѣ обернулись къ Давыдову.

Давыдовъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Бурцева.

— Ты, братъ, пѣрепилъ, кажись.

— Нѣтъ, я не перепелъ,—скаламбурилъ Бурцевъ: — да ты, братъ, и не туда попалъ... Строчили подъ кустомъ такое, я вамъ доложу....

И онъ коварно, подмигивая и щурясь, взглянулъ на Жуковскаго. Жуковскій какъ на иголкахъ.

— Строчили, господа, вотъ что,—продолжалъ Бурцевъ:

— „Нѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“.

— Кто же это?—спросилъ Давыдовъ.

— А вонъ—наша красная дѣвица, — указалъ Бурцевъ на Жуковскаго.

Жуковскій, который совсѣмъ покраснѣлъ, хотѣлъ было уйти; но его стали упрашивать прочесть стихи, говоря имъ, что не хорошо таиться отъ товарищей, что они всѣ теперь одна семья. Жуковскій говорилъ на это, что его стихи не кончены, что это только наброски, задуманныя, но неисполненныя картины, что въ нихъ нѣтъ связи, не вездѣ отдѣланъ стихъ; но ничто

не помогало: его просили прочесть хоть отрывки.— Нечего дѣлать: онъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда небольшую, темно-малиноваго бархата книжечку, вышитую разноцвѣтными бисерами и свѣтло-русыми, словно живыми женскими волосами подарокъ передъ разлукой), подсѣлъ ближе къ костру и несмѣлымъ, дрожащимъ голосомъ началъ:

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами;
Друзья, намъ свѣтитъ здѣсь луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.

Пригунь былъ утаенъ. Всѣ слушали, затаивъ дыханіе. Давыдовъ сидѣлъ глубоко задумчивый: онъ чутьемъ поэта сразу ощутилъ мастерство стиха; онъ чувствовалъ вѣяніе таланта. Бурцевъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на цлгановатое, робкое и скромное лицо поэта, и не шевелился. Дурова сидѣла блѣдная, несмотря на красноватый отблескъ костра. Всѣ жгали—даже въ темнотѣ видѣлись лица солдатиковъ, на которыя падалъ огонь отъ костра — и они слушали. Жуковскій, у котораго дрожали руки, какъ и голосъ, продолжалъ съ большой силой:

Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.

Онъ взглянулъ на то мѣсто у костра, гдѣ недавно зарыли Усаковскаго; у Дуровой вырвался изъ груди глубокій вздохъ, словно стонъ —всѣ взглянули на нее; но Жуковскій съ силой продолжалъ чтеніе:

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро кипетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Онъ остановился. Ропотъ одобренія былъ единодушный. Бурцевъ не усидѣлъ и бросился цѣловать поэта, восторженно повторяя:

- Безподобно! безподобно!—Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно, тотъ бодро ищетъ боя! Божественно!—О, всемогущее вино, веселіе героя! Пребожественно!—Выпьемъ же, Вася, другъ, цыпочка!

И онъ душилъ бѣднаго поэта; тотъ защищался, краснѣя еще болѣе.

— Перестань, Бурцевъ,—ты задушишь его, — вмѣшался Давыдовъ.

Съ трудомъ усадили забіяку и просили Жуковскаго продолжать. Тотъ снова оттоваривался, что далѣе у него не все выправлено; но его просили—и онъ, перевернувъ листокъ, началъ:

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Отъ этихъ послѣднихъ стиховъ, казалось, дѣйствительно всѣ задрожали. Голосъ читавшаго перешелъ въ какой-то молитвенный тонъ, отзывавшійся и плачемъ и восторгомъ. На лицахъ слушавшихъ горѣло, дрожало умиленіе. Дурова, спрятавшись за Бурцева и закрывъ лицо руками, вздрагивала всѣмъ тѣломъ—она глухо рыдала. Всѣ были такъ глубоко потрясены и мелодіею голоса читавшаго, и прелестью, и музыкою

стиха; мысль, положенная въ этотъ стихъ, до того глубоко выражала душевное настроеніе каждаго; всѣмъ, пережившимъ ужасы послѣднихъ дней за эту именно родину, до того она казалась теперь дорогою съ ея полями и родными холмами, политыми кровью ихъ товарищей: этотъ милый свѣтъ роднаго неба, эти знакомые потоки, замутившіеся отъ родной же крови, и „златыя игры первыхъ лѣтъ и первыхъ лѣтъ уроки“ все это теперь, и именно теперь, до того стало дорогимъ и святымъ, до того наполняло душу каждаго, что гармоническія строфы, прочитанныя гармоническимъ, полуплачущимъ голосомъ, вызвали какой-то стонъ восторга. Никто сначала не замѣтилъ за общимъ потрясеніемъ, а когда замѣтили, то не повѣрили, что Бурцевъ, этотъ всесвѣтный повѣса и пьяница — горько плакалъ, сидя на корточкахъ и мотая всклокоченною головою, какъ обыкновенно и невольно это дѣлаютъ люди, когда плачутъ о чемъ-либо безнадежно. Никто не замѣтилъ и того, что изъ-за спинъ и застывшихъ отъ вниманія лицъ солдатиковъ, которые понадвинулись къ костру и, держась нѣсколько въ отдаленіи, въ тѣни, жадно вслушивались въ каждое нѣвучее, знакомое ихъ сердцу, слово читавшаго и какъ-то по-дѣтски моргали глазами, боясь пошевельнуться и громко дохнуть, какъ на смотру, - что изъ-за спинъ солдатиковъ выглядывало худое, морщинистое и загорѣлое старое лицо съ сѣдыми, нависшими на маленькіе, глубоко сидѣвшіе надлобомъ глаза, бровями — лицо Платова, котораго хотя солдатики и узнали и посторонились было отъ него, но онъ знакомъ показалъ имъ, чтобы они не трогались и стояли бы попрежнему смирно, не обращая на него вниманія.

Долго не могли прійти въ себя слушатели; но когда первый нѣмой восторгъ прошелъ, всѣ шумно начали хвалить молодого поэта, благодарили его, жали ему руки, придвигались все тѣснѣе и тѣснѣе. У Давы-

дова лицо подергивало—такъ пораженъ онъ былъ неслыханною задушевностью и неслыханною же мелодіею стиха. Всѣ начали просить—„дальше, ради Бога, дальше!"

Ободренный необыкновеннымъ успѣхомъ, Жуковскій сталъ смѣлѣе перелистывать свою книжку.

— Это еще не кончено—не совсѣмъ гладко — развѣ это? — тихо говорилъ онъ какъ бы самъ съ собою. — Вотъ это, кажется, кончено,—это...

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный аркань
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь.
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы,
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ — пышутъ села.

Солдаты заворошились и оглянулись. Сквозь ихъ кучку протискивался, торопливо и нервно дергая себя за сѣдой усъ, Платовъ; по лицу стараго атамана текли слезы, и онъ громко, какъ-то сердито сморкался, шагая черезъ ноги сидѣвшихъ у костра офицеровъ и пробираясь къ Жуковскому. При видѣ атамана произошло общее смятеніе; многіе съ изумленіемъ вскочили съ мѣстъ.

— Сидите, пожалуйста, сидите, господа,—торопливо успокоивалъ старикъ.— Я къ вамъ тоже... я вотъ къ нимъ... не знаю, какъ имя, отчество...

И старикъ порывисто обнялъ молодого, окончательно смутившагося поэта, который узналъ Платова.

— Не стою этого, мой другъ, не стою,—говорилъ растроганный атаманъ: — я совѣмъ не стою. (На-

снбо — похвалили, хотя и не заслужилъ, ей Богу, не заслужилъ...

Жуковскій безсвязно бормоталъ что-то; Давыдовъ вѣжливо подошелъ къ старику и попросилъ не побрезговать ихъ кружкомъ — выкушать съ господами офицерами стаканъ чаю и чару хорошаго вина. Старикъ благодарилъ, жалъ руки, утирая глаза, сморкался все такъ же громко и быстро, какъ быстро онъ все дѣлалъ. Ему очистили мѣсто около Давыдова, который казался хозяиномъ въ этой импровизированной гостиной у костра.

— Что прикажете, ваше превосходительство, вина?

— Винца, винца, мой другъ, — спасибо... Погрѣюсь у васъ и послушаю вотъ ихъ...

Ему отрекомендовали Жуковскаго. Старикъ кой о чемъ спросилъ его; снова благодарилъ за лестные стихи, которыхъ онъ не заслужилъ... Старикъ сегодня утромъ былъ огорченъ замѣчаніемъ главнокомандующаго, что будто бы онъ, Платовъ, недостаточно распорядительно дѣйствовалъ при удержаніи непріятеля послѣ выступленія изъ Можайска нашихъ главныхъ силъ: старика грызло это замѣчаніе, не давало ему покоя — и вотъ эти стихи росой пали на его огорченную душу.

Когда смятеніе улеглось, и Платовъ высморкался въ послѣдній разъ такъ энергически, какъ будто бы посылалъ свой носъ на штурмъ, Жуковскій снова завелъ своимъ нѣжнымъ голосомъ:

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ,
По долямъ скачутъ, по горамъ
Вослѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
Страшатъ, какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи,
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;

По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы,
Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ, витязь, на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ.
Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатами полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.
Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый,
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы...

Давыдовъ сидѣлъ блѣдный, глубоко потупившійся; рука, въ которой онъ держалъ давно погасшую трубку, дрожала. Старческіе, свѣтлые глаза Платова радостно смотрѣли на него. И вдругъ Бурцевъ, словно сорвавшійся съ петли, забывъ и Платова и все окружающее, бросился на своего друга и сталъ душить его въ своихъ объятіяхъ.

— Деніска—Деніска подлецъ! Денисушка мой—вѣдь это ты, ракалья!—пьяно бормоталъ онъ, теребя озадаченнаго друга.—У! подлецъ, какой ты хорошій..

Офицеры покатились со смѣху. Даже солдаты прыснули. Но въ этотъ моментъ вдали бухнула, какъ изъ пустой бочки, вѣстовая пушка—и всѣ схватились съ мѣстъ. Надо было торопиться въ походъ, поспѣшать къ Москвѣ, которая была уже недалеко.

Мордовцевъ.

Наполеонъ подъ Москвой.

Вступленіе Наполеона въ Москву.

Французская армія входила въ Москву тремя колоннами. Первая колонна переходила Москву-рѣку у Воробьевыхъ горъ, вторая переходила рѣку на Филяхъ и вступила въ городъ черезъ Тверскую заставу; наконецъ, третья, главная во главѣ съ Наполеономъ, вступила въ Москву черезъ Дорогомиловскую заставу.

Въѣхавъ на Поклонную гору, Наполеонъ залюбовался на открывшуюся передъ нимъ чудную панораму Москвы. Смотря въ подзорную трубку, онъ самодовольно улыбнулся и проговорилъ, обращаясь къ окружающимъ:

— Вотъ она — историческая Москва! Мы ее возьмемъ, и Россія будетъ покорена. Я предпишу ей такой миръ, какой захочу. Поздравляю васъ, господа, съ окончаніемъ войны.

— Да здравствуетъ императоръ! громко воскликнула свита.

— Да, да, теперь война окончена, и вы, господа, возвратитесь во Францію съ неувядаемыми лаврами.

Онъ приказалъ послать ординарцевъ въ Москву, къ заставѣ, узнать, гдѣ русское войско. Онъ еще не былъ увѣренъ, что Москву сдаютъ ему безъ сраженія.

Спустя немного времени ординарцы вернулись и доложили Наполеону, что русское войско оставило Москву.

— Ага! они боятся: тѣмъ лучше. Впередъ! Въ Москву! — И, пришпоривъ своего коня, Наполеонъ поскакалъ къ Дорогомиловской заставѣ.

У самой заставы онъ слѣзъ лошади и, окруженный блестящей свитой, ждалъ изъ Москвы депутаціи и городскихъ ключей.

Наполеонъ думалъ, что его, какъ побѣдителя, встрѣтятъ съ колокольнымъ звономъ и съ пушечной стрѣльбой; онъ привыкъ къ оваціямъ, которыя дѣлали ему въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Варшавѣ и въ другихъ городахъ. Ему нужны были лавры и цвѣты — но ни того, ни другого не дала ему Москва.

Долго ждалъ Наполеонъ. Наконецъ ждать ему надоѣло, и онъ сердито отдалъ такое приказаніе:

– Сейчасъ же приведите ко мнѣ бояръ. Эти русскіе варвары не знаютъ, какъ сдаютъ города!

Поскакали исполнять его приказаніе и привели къ Наполеону нѣсколько подозрительныхъ, плохо одѣтыхъ людей, вѣроятно, то были иностранцы-ремесленники, которымъ назначено было выѣхать. Нѣкоторые изъ нихъ говорили по-французски.

— Гдѣ же начальство? — сурово спросилъ Наполеонъ.

— Никого нѣтъ, государь, — отвѣчали ему отрепанные депутаты.

— А Ростопчинъ гдѣ?

— Онъ поѣхалъ провожать армію, ваше величество

— А жителей въ Москвѣ много осталось?

— Очень немного, ваше величество, — кто остался, и тѣ попрятались.

Эти слова разозлили Наполеона. Онъ нервно прикусилъ свою губу и, повернувшись спиною къ депутаціи, крикнулъ:

— Гоните эту дрянь!

Оборванную депутацію убрали.

Наполеонъ послалъ опять своихъ адъютантовъ за „почетной депутаціей". Но посланные не нашли никакой депутаціи.

Наполеонъ выходилъ изъ себя, въ немъ сильно уязвлено было самолюбіе, ожиданія его обманули — гнѣвъ просто душилъ его... Свита безмолвствовала.

— Что же, никакой депутаціи нѣтъ? — не глядя ни на кого, сурово спросилъ Наполеонъ.

— Нѣтъ, государь, — кто-то робко отвѣтилъ ему.

— И не надо. Я научу этихъ сѣверныхъ медвѣдей приличію. Лошадь! — крикнулъ онъ. — Впередъ!

Наполеонъ поскакалъ къ заставѣ.

Французское войско вступило въ опустѣлую Москву черезъ четыре заставы: въ Тверскую, въ Пресненскую, въ Дорогомиловскую и въ Калужскую. Въ это время на Спасской башнѣ пробило четыре часа.

Звонарь, старикъ Ипатычъ, взобрался на Ивановскую колокольню и привычной рукою сталъ было звонить къ вечернѣ.

— Брось, не звони! — печально проговорилъ другой звонарь, входя на колокольню.

— Какъ не звонить? — спросилъ съ удивленіемъ Ипатычъ.

— Вечерни не будетъ: священство все разъѣхалось, и соборъ запертъ: французы въ Москвѣ.

— Въ Москвѣ!.. Царица Небесная! Московскіе святители! Спасите градъ сей отъ враговъ! — Ипатычъ набожно крестился, подошелъ къ большому колоколу

и, цѣлуя со слезами его холодный мѣдный край, проговорилъ:

— Прости, прощай, батюшка мой царь-колоколъ! Напослѣдокъ еще разокъ позвоню въ тебя.

Вдругъ надъ полопенною Москвою раздался серебристый мягкій звукъ большого колокола. Разъ, другой, третій—и замеръ въ воздухѣ.

Это было 2-го сентября 1812 года.

Д. С. Дмитріевъ.

Наполеонъ въ Кремлѣ.

Выйдя во дворъ и видя, что назначенный ему въ провожатые офицеръ сидитъ верхомъ на конѣ, Перовскій освѣдомился о своей лошади. Пошли ее искать въ садъ, потомъ въ штабную и королевскую конюшни. Лошадь исчезла; въ общей суетѣ кто-то ею завладѣлъ и на ней уѣхалъ. Базиль за своимъ провожатымъ долженъ былъ итти въ Кремль пѣшкомъ.

Улицами Солянкою и Варваркою, мимо Воспитательнаго дома и Зарядья, они приблизились къ Гостиному двору. То, что на пути увидѣлъ Базиль, поразило его и взволновало до глубины души.

Несмотря на близость къ главной квартирѣ неаполитанскаго короля, путники уже на Солянкѣ встрѣтили нѣсколько кучекъ безпорядочно шлявшихся, разстегнутыхъ и, повидимому, хмельныхъ солдатъ. Нѣкоторые изъ нихъ несли подъ мышками и на плечахъ узлы и ящики съ награбленными въ домахъ и въ лавкахъ вещами и товарами. Въ раскрытую дверь церкви Варвары Великомученицы Базиль увидѣлъ нѣсколько лошадей, стоявшихъ, подъ попонами, среди храма и въ алтарѣ. На церковныхъ дверяхъ углемъ, большими буквами было написано: „Ecurie du général Guilleminot“ („Конюшня генерала Гильемино“).

Погода измѣнилась. Небо покрылось мрачными облаками. Дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ. На площади Варварскихъ воротъ горѣлъ костеръ изъ мебели, выброшенной изъ сосѣднихъ домовъ; пылали стулья, ободранные мягкіе диваны, позолоченныя рамы и лаковые столы. Искры отъ костра несло на ветхія кровли близъ стоявшихъ домовъ. На это никто не обращалъ вниманія. Перовскій оглянулся къ Новымъ рядамъ. Тамъ поднимался густой столбъ дыма. Горѣла Швивая горка, гдѣ находился только что имъ оставленный Баташовскій домъ. — „Неужели дворецкій поджогъ?— подумалъ Базиль, приближаясь къ Гостиному двору: — чего добраго, старикъ рѣшительный!.. Вѣрно, жгутъ русскіе!"

Лавки Гостинаго двора были покрыты густыми клубами дыма. Изъ догоравшихъ рядовъ французскіе солдаты разнаго оружія, оборванные и грязные, таскали, роняя по дорогѣ и отнимая другъ у друга, ящики съ чаемъ, изюмомъ и орѣхами, кули съ яблоками, бочонки съ сахаромъ, медомъ и виномъ и связки ситцевъ, суконъ и холстовъ.

У Зарядья толпа пьяныхъ мародеровъ окружила двухъ русскихъ плѣнныхъ. Одинъ изъ нихъ, молодой, былъ въ модномъ штатскомъ голубомъ рединготѣ и въ сѣрой шляпѣ; другой, пожилой, худой и высокій, въ чужомъ, очевидно, кафтанѣ и высокихъ сапогахъ. Грабители сняли уже съ молодого сапоги, носки, редингтотъ и шляпу, и тотъ въ испугѣ, блѣдный какъ мѣлъ, растерянно оглядываясь, стоялъ босикомъ на мостовой. Солдаты держали за руки втораго, пожилого, и со смѣхомъ усаживали его на какой-то ящикъ, съ цѣлью снять сапоги и съ него. „Боже мой! Жерамбъ и его тогдашній компаньонъ!— съ удивленіемъ подумалъ, узнавая ихъ, Базиль: — какой пріемъ, и отъ кого же? — отъ побѣдителей-земляковъ!" — Жерамбъ также узналъ Перовскаго и жалобно смотрѣлъ на

него, полагая, что Базиль прислан въ Москву парламентеромъ и не рѣшаясь просить его о защитѣ.

— Какое безобразіе! — громко сказалъ Базиль, съ негодованіемъ указывая проводнику на эту сцену: неужели вы ихъ не остановите? Вѣдь это — насиліе надъ мирными гражданами, дневной грабежъ... Притомъ этотъ въ кафтанѣ, — я его знаю, — вашъ соотечественникъ, французъ.

— А... ба, французъ! Но онъ — здѣшній житель, не все ли равно? — отвѣтилъ, покачиваясь и отъѣзжая отъ солдатъ, проводникъ: — чего же вы хотите? Ну, ихъ допросятъ, — не виноваты, освободятъ; маленькія непріятности каждой войны, вотъ и все... Вы насъ, гостей, безжалостно обрекли на одиночество и скуку; не только ушли ваши граждане, но и гражданки... Это безчеловѣчно! Ou sont vos charmantes barrinnes et vos demoiselles? (Гдѣ ваши очаровательныя барыни и дѣвицы?)

Базиль пристальнѣе взглянулъ на своего проводника: тотъ былъ пьянъ. Раздался грохотъ барабановъ. Вѣтеръ навстрѣчу путниковъ понесъ тучи пыли, изъ которой слышался топотъ и скрипъ большого обоза. Мимо церкви Василія Блаженнаго, черезъ Спасскія ворота на почтительномъ карауле въ Кремль входилъ съ артиллеріей полкъ конной гвардіи. Въ тылу полкового обоза съ вещами начальства везли нѣсколько новенькихъ, еще съ свѣжимъ, не потертымъ лакомъ, колясокъ, каретъ и бричекъ, очевидно, только что взятыхъ изъ лавокъ расхищеннаго Каретнаго ряда. На ихъ козлахъ въ ботфортахъ и мѣдныхъ каскахъ, сидѣли, правя лошадьми, загорѣлые и запыленные кавалерійскіе солдаты. Изъ небольшой крытой коляски, посмѣиваясь и грызя орѣхи, выглядывали веселыя, разряженныя плѣнницы изъ подмосковнаго захолустья.

— Что же вы жалуетесь? — сказалъ Базиль проводнику: — вотъ вамъ, новымъ римлянамъ, и плѣнныя сабинянки.

— Не намъ, другимъ! — съ жалобнымъ вздохомъ отвѣтилъ проводникъ, указывая на Кремль: нашъ императоръ провелъ ночь во дворцѣ царей. Ахъ, какое величіе! Онъ ночью вышелъ на балконъ любуясь при лунѣ этимъ сказочнымъ царствомъ изъ тысячи одной ночи. Утромъ онъ сообщилъ королю, что хочетъ заказать трагедію — „Петръ Великій". Не правда ли, какое совпаденіе? Тотъ шелъ учиться за васъ на Западъ, этотъ самъ идетъ съ Запада васъ учить и обновлять.

Задержанные обозомъ, Перовскій и его провожатый спустились мимо церкви Василія Блаженнаго къ покрытой льдомъ рѣкѣ и проникли въ Кремль черезъ открытыя Тайницкія ворота. Здѣсь, подъ горой Боровицкой, увидѣли рядъ наскоро устроенныхъ, пылавшихъ горновъ и печей. Особые пристава бросали въ печные котлы взятые изъ кремлевскихъ соборовъ и окрестныхъ церквей золотые и серебряные сосуды, оклады съ образовъ, кресты и другія вещи, переплавляя ихъ въ слитки.

— Насъ зовутъ варварами, — сказалъ Перовскій, указавъ проводнику на это святотатство: — неужели васъ не возмущаетъ и это?

— Послушайте, — отвѣтилъ проводникъ: — совѣтую вамъ воздерживаться отъ критики... она здѣсь неумѣстна! Мы думаемъ о войнѣ, а не о церковныхъ дѣлахъ. У насъ, — усмѣхнулся онъ: — знаете ли вы это, на полмилліона войска, которое сюда пришло и теперь господствуетъ здѣсь, нѣтъ ни одного духовника... Лучше вы мнѣ, мой милый, — прибавилъ проводникъ: — отвѣтьте, наконецъ: où sont vos barrinnes et vos demoiselles?.. Да, вотъ, мы и у дворца; пожалуйте къ свѣтильнѣ.

При входѣ во дворецъ, у Краснаго крыльца стояли въ бѣлыхъ шинеляхъ два конныхъ часовыхъ. Почетный карауль изъ гренадеровъ старой гвардіи распола-

гался на паперти и внутри Архангельскаго собора, за угломъ котораго, на кострѣ, кипѣлъ котелъ, очевидно, съ солдатскою пищей. Проводникъ, узнавъ въ начальникѣ караула своего знакомаго, сдалъ ему на время Перовскаго, а самъ поднялся во дворецъ. Караульный офицеръ приказалъ плѣнному войти въ соборъ. Здѣсь товарищи офицера осыпали его вопросами, посмѣиваясь на его увѣреніе, будто онъ — не плѣнный.

Въ Архангельскомъ соборѣ Базиль увидѣлъ полное расхищеніе церковнаго имущества. Кромѣ кордегардіи, здѣсь, повидимому, былъ также устроенъ складъ для караульной провизіи, мясная лавка и даже кухня. Снятыя со стѣнъ и положенныя на ящики съ мукой и крупой иконы служили стульями и скамьями для солдатъ. Въ алтарѣ, у горняго мѣста видѣлась койка, приложенная на снятыхъ боковыхъ дверяхъ; на ея постели, прикрытой лиловою шелковою ризой, сидѣла, чистя морковь, краснощекая и нарядная полковая стряпуха. Престолъ и жертвенникъ были уставлены кухонною посудой. На паникадилѣ висѣли битые гуси и дичина. На гвоздяхъ, вколоченныхъ въ опустошенный иконостасъ, были развѣшены и прикрыты пеленой съ престола куски свѣжей говядины.

Солдаты у перевернутыхъ ведеръ и кадокъ, куря трубки, играли въ карты. Воздухъ отъ табачнаго дыма и отъ испареній мяса и овощей былъ удушливый. Офицеры, окруживъ Перовскаго, спрашивали: „Гдѣ теперь русская армія? Гдѣ Кутузовъ, Растопчинъ?“ — Жаловались, что ушли всѣ русскіе мастеровые, что нѣтъ ни портного, ни сапожника — починить оборванное платье и обувь: что и за деньги, пожалуй, вскорѣ ничего не достанешь, а тутъ и самый городъ съ утра загорѣлся со всѣхъ сторонъ. Базиль отвѣчалъ, что болѣе, чѣмъ они, теряютъ по ихъ винѣ и русскіе. Проводникъ возвратился. Базиль пошелъ за нимъ во дворецъ къ Бертье.

Пройдя нѣсколько пріемныхъ, наполненныхъ императорскою свитою и пажами, въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ и напудренныхъ парикахъ, Перовскій очутился въ какой-то проходной комнатѣ окнами на Москву-рѣку. Изъ маленькой, полуотворенной двери направо слышались голоса. Большая, раззолоченная дверь налѣво была затворена. Близъ нея стояли два рослые мамелюка въ бѣлыхъ тюрбанахъ съ перьями и въ красныхъ курткахъ и маленькій, напудренный, въ мундирномъ фракѣ и чулкахъ, дежурный пажъ съ записною книгою подъ мышкой. Мамелюки и пажъ не спускали глазъ съ запертой двери. Базиль сталъ поодаль. Онъ взглянулъ въ окно. Его сердце замерло. Картина пылающаго Замоскворѣчья развернулась теперь передъ нимъ во всемъ ужасѣ. То было море сплошного огня и дыма, надъ которымъ лишь кое-гдѣ виднѣлись нетронутыя пожаромъ кровли домовъ и церквей. Недалекій пожаръ освѣщалъ краснымъ блескомъ комнату и всѣхъ стоявшихъ въ ней.

— Что, любуетесь плодами вашихъ рукъ?— раздался за спиной Базиля рѣзкій голосъ.

Онъ оглянулся. Передъ нимъ, какъ онъ понялъ, въ красноватомъ отблескѣ стоялъ, окруженный адъютантами, начальникъ главнаго штаба французской арміи, Бертье. Это былъ худощавый, узкогрудый, съ острымъ носомъ и, очевидно, больной простудою старикъ. Его горло было обмотано шарфомъ, щеки покрывалъ лихорадочный румянецъ, глаза сердито сверкали.

— Дѣло возмутительное, во всѣхъ отношеніяхъ преступное,— сказалъ Бертье:— вы... ваши за это поплатятся.

— Не понимаю, генералъ, вашихъ словъ,— вѣжливо отвѣчалъ Базиль:— почему вы укоряете русскихъ?

— О, слышите ли, еще оправданія?!. Ваши соотечественники какъ разбойники жгутъ оставленный прекрасный городъ, жгутъ насъ, — раздражительно

кашляя, продолжалъ Бертье: и васъ не обвинятъ? Мы узнаемъ; назначена комиссія о поджигательствѣ; откроется все...

— Извините, генералъ,— произнесъ Базиль: — я задержанъ во время перемирія. Пожары начались послѣ того, и я не могу объяснить ихъ причины. Настоятельно прошу васъ дать приказъ объ отпускѣ меня къ нашей арміи. Въ этомъ мнѣ поручился словомъ, честнымъ словомъ французскаго офицера, генералъ Себастьяни.

— Не могу, не въ моей волѣ,— кашляя и сердясь на свой кашель, отвѣтилъ Бертье: — мнѣ должено, вы провели двое сутокъ среди французскихъ войскъ; васъ содержали не съ достаточною осторожностью, и вы могли видѣть и узнать то, чего вамъ не слѣдовало видѣть и узнать.

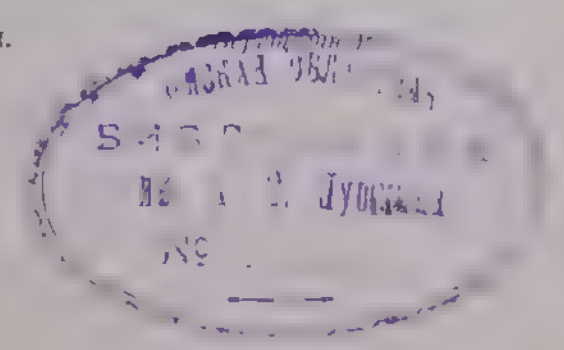
— Меня во время перемирія задержали французскіе аванпосты не по моей винѣ. Спросите тѣхъ, кто это сдѣлалъ. Повторяю вамъ, генералъ, и позволяю себѣ протестовать: это — насиліе, я — не плѣнный... Неужели чувство справедливости и чести, слово генерала вашей арміи?..

— Честь, справедливость! — съ презрительной злобой вскрикнулъ Бертье, указывая въ окно: — чѣмъ русскіе искупятъ этотъ вандализмъ? Все, что могу для васъ сдѣлать — это передать вашу просьбу императору. Подождите... Онъ занятъ,— можетъ быть, лично выслушаетъ васъ, хотя теперь трудно поручиться...

Въ это мгновеніе внизу, у дворца послышался шумъ. Раздались крики: „Огонь, горимъ!“ Всѣ торопливо бросились къ окнамъ, но отсюда не было видно, гдѣ загорѣлось. Поднялась суета. Бертье разослалъ ординарцевъ узнать причину тревоги, а самъ, отдавая приказанія, направился къ двери, охраняемой мамелюками.

Дверь неожиданно отворилась. На ея порогѣ показался невысокій, плотный человѣкъ лѣтъ сорока двухъ-

Пожаръ кремля.



трехъ. Онъ, какъ и прочіе, также освѣтился отблескомъ пожара. Всѣ, кто былъ въ пріемной, передъ нимъ съ поклономъ разступились и замерли какъ истуканы. Онъ никому не поклонился и ни на кого не смотрѣлъ.

Верхняя часть туловища этого человѣка, какъ показалось Перовскому, была длиннѣе его ногъ, затянутыхъ въ бѣлую лосину и обутыхъ въ высокіе съ кисточками сапоги. Рѣдкіе каштановые, напомаженные и тщательно причесанные волосы короткими космами спускались на его сѣро-голубые глаза и недовольное, блѣдное, съ желтымъ отливомъ полное лицо. Короткій подбородокъ этого толстяка переходилъ въ круглый кадыкъ, плотно охваченный бѣлымъ шейнымъ платкомъ. Ни на камзолѣ, ни на сѣро песочномъ длинномъ сюртукѣ, распахнутомъ на груди, не было никакихъ отличій. Въ одной его рукѣ была бумага, въ другой — золотая табакерка. Страдая около недѣли, какъ и Бертье, простудой, онъ въ облегченіе непріятнаго насморка изрѣдка окунался въ табакерку покраснѣвшій носъ и чихалъ.

Перовскій сразу узналъ Наполеона. Кровь бросилась ему въ голову. Въ его глазахъ потемнѣло.

„Такъ вотъ онъ, герой Маренго и пирамидъ!— думалъ онъ, подъ напоромъ далекихъ, опять всплывшихъ впечатлѣній, разглядывая Наполеона: и дѣйствительно ли это онъ, мой былой, всесильный кумиръ, мое божество? Онъ тогда скакалъ къ редуту Раевскаго... Боже мой, теперь я въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него... И неужели же есть что-либо общее въ этомъ геніѣ со всѣми тѣми, кто его окружаетъ и кто его именемъ дѣлаетъ здѣсь и вездѣ столько злого и дурного? Нѣтъ, его ниспослало Провидѣніе, онъ выслушаетъ меня, въ мигъ пойметъ и освободитъ“...

Перовскій сдѣлалъ шагъ въ направленіи къ Наполеону. Двѣ сильныя, костлявыя руки схватили его за локти.

— Коснитесь только его, я васъ убью! (Si vous osez y toucher, je vous tue!) — злобно прошепталъ сзади его голосъ мамелюка, сильно ухватившаго его за руки за спиной прочей свиты.

Раздались рѣзкія, громкія слова.

„То говоритъ онъ! — съ восторженнымъ трепетомъ помыслилъ Базиль: я, наконецъ, слышу рѣчь великаго человѣка"...

— Русскіе насъ жгутъ, это доказано! Вы это передадите герцогу Экмюльскому! произнесъ скороговоркою Наполеонъ, небрежно подавая пакетъ Бертье:— утверждаю! Разстрѣливать десятками, сотнями!.. Но что здѣсь опять за тревога?— спросилъ онъ осматриваясь и при этомъ, какъ показалось Перовскому, взглянулъ и на него.

Базиль восторженно замеръ.

— Я послалъ узнать,—склонившись говорилъ въ это время Бертье: сегодня поймали и привели новыхъ поджигателей, они какъ и прочіе арестованы. Предсѣдатель комиссіи, генералъ Лозъ, надо надѣяться, раскроетъ все... Да вотъ и посланный...

Наполеонъ, потянувъ носомъ изъ табакерки, устремилъ недовольный, слезящійся взглядъ на вошедшаго ординарца.

— Никакой, ваше величество, опасности! - согнувшись передъ императоромъ, произнесъ посланный:— загорѣлись отъ налетѣвшей искры дрова; но ихъ разбросали и погасили. Все вокругъ попрежнему благополучно.

- Смотрителю дворца сказать, что онъ... дуракъ!— произнесъ Наполеонъ: — все благополучно... какое счастье! (quelle chance!..) Скоро благодаря этимъ ротозѣямъ насъ подожгутъ и здѣсь. Удвоить, утроить премію за голову Растопчина, а поджигателей разстрѣливать безъ жалости, безъ суда!..

Сказавъ это, Наполеонъ грубо обернулъ спину къ

Бертье и ушелъ, хлопнувъ дверью. Базиль при этомъ еще болѣе замѣтилъ некрасивую несоразмѣрность его длинной талiи и короткихъ ногъ и крайне былъ изумленъ холоднымъ и злымъ выраженiемъ его глазъ и насупленнаго, желтаго лица. Особенно же Базиля поразило то, что, сердясь и выругавъ дворцоваго смотрителя, Наполеонъ вдругъ, какъ бы противъ воли, заторопясь началъ выговаривать слова съ итальянскимъ акцентомъ и явственно вмѣсто слова „chance“ произнесъ „sance“.

Плотная спина Наполеона въ мѣшковатомъ сюртукѣ сѣро-песочнаго цвѣта давно исчезла за дверью, передъ которою безмолвными истуканами продолжали стоять мамелюки и остальная свита, а Перовскiй все еще не могъ прiйти въ себя отъ того, что видѣлъ и слышалъ; онъ неожиданно какъ бы упалъ съ какой-то недосягаемой высоты.

„Выкупъ за голову Растопчина! Разстрѣливать сотнями! мыслилъ Базиль: но чѣмъ же здѣсь виноватъ вѣрный слуга своего государя? Такъ вотъ онъ каковъ, этотъ коронованный корсиканскiй солдатъ, прошедшiй сюда черезъ полсвѣта съ огнемъ и мечомъ! И онъ былъ моимъ идеаломъ, кумиромъ? Скорѣе къ родному отряду.. Боже, если бъ вырваться! Мы найдемъ средства съ нимъ разсчитаться и ему отплатить“.

— Слѣдуйте за мною! -раздался голосъ ординарца Бертье.

Прiемная наполовину опустѣла. Оставшiеся изъ свиты сурово и враждебно смотрѣли на русскаго плѣннаго.

— Куда?—спросилъ Перовскiй.

— Вамъ велѣно подождать внѣ дворца, пока о васъ доложатъ императору,—отвѣтилъ ординарецъ.

Базиль вышелъ на площадку парадного дворцоваго крыльца. Внизу у ступеней стоялъ подъ стражей приведенный полицейскiй приставъ. Караульный офицеръ дѣлалъ ему допросъ.

— Зачѣмъ вы остались въ Москвѣ?—спросилъ онъ арестанта:—почему не ушли съ прочими полицейскими чинами? Кто и по чьему приказанію поджигаетъ Москву?

Блѣдный, дрожавшій отъ страха приставъ, не понимая ни слова по-французски, растерянно глядѣлъ на допросчика, молча переступая съ ноги на ногу.

— Наконецъ-то мы, кажется, поймали главу поджигателей! – радостно обратился офицеръ къ ординарцу маршала: онъ, очевидно, зналъ все и здѣсь остался, чтобы руководить другими.

Неровскій не стерпѣлъ и вмѣшался въ этотъ разговоръ. Спросивъ арестанта онъ передалъ офицеру, что приставъ неповиненъ въ томъ, въ чемъ его винятъ, что онъ не выѣхалъ изъ Москвы лишь потому, что, отправляя казенныя тяжести, самъ долго не могъ достать подводы для себя и для своей больной жены и былъ застигнутъ ночнымъ дозоромъ у заставы.

— Посмотримъ. Это разберетъ комиссія!—строго сказалъ офицеръ:—запереть его въ подвалѣ, гдѣ и прочіе.

Данилевскій.

Подвигъ московскаго купца.

Вѣтеръ затихъ. Густыя облака дыма не крутились уже въ воздухѣ. Какъ тяжкія свинцовыя глыбы они влегли надъ кровлями догорающихъ домовъ. Смрадный, удушливый воздухъ захватывалъ дыханіе: ничто не одушевляло безжизненныхъ небесъ Москвы. Надъ дымящимися развалинами Охотнаго ряда не кружились рѣзвые голуби, и только въ вышинѣ, подъ самыми облаками, плавали стаи черныхъ коршуновъ.

На краю пологаго ската горы, опоясанной высокой кремлевской стѣною, стоялъ, закинувъ назадъ руки, человѣкъ небольшого роста, въ сѣромъ сюртукѣ и въ

трехугольной низкой площадь. Внизу, у самыхъ ногъ его, текла изгибаясь Москва-рѣка; освѣщенная багровымъ пламенемъ пожара, она, казалось, струилась кровью. Склонивъ угрюмое чело свое, онъ смотрѣлъ задумчиво на ея сверкающія волны... Ахъ! въ нихъ отразилась въ послѣдній разъ и потухла навѣки дивная звѣзда его счастья! Шагахъ въ десяти отъ него, наблюдая почтительное молчаніе, стояли французскіе маршалы, генералы и нѣсколько адъютантовъ. Они съ ужасомъ смотрѣли на пламенный океанъ, который, быстро разливаясь кругомъ всего Кремля, казалось, спѣшилъ поглотить сію священную и древнюю обитель царей русскихъ.

Въ то же самое время, внизу, противъ Тайницкихъ воротъ, прислонясь къ желѣзнымъ периламъ набережной, стоялъ видный собой купецъ въ синемъ поношенномъ кафтанѣ. Онъ посматривалъ съ примѣрнымъ удовольствіемъ: то на Кремль, окруженный со всѣхъ сторонъ пылающими домами, то на противоположный берегъ рѣки, на которомъ догорало обширное Замоскворѣчье.

— А! Это ты, Ваня?— сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу къ молодому и рослому дѣтинѣ, который съ виду походилъ на мастерового.— Ну, что?

— Да слава Богу, Андрей Васьяновичъ! За Москворѣкой все идетъ какъ по маслу! На Заяузѣ и по всему валу хоть рожь молоти—гладехонько! На Пятницкой и Ордынкѣ кой-гдѣ еще остались дома, да зато на Полянкѣ такъ дёрма и деретъ.

— А у Серпуховскихъ воротъ?

— Въ трехъ мѣстахъ зажигали, да злодѣи-то наши все тушатъ. Загорѣлся было порядкомъ домъ Ивана Архиповича Сеземова; да и тотъ мы съ ребятами по твоему приказу отстояли.

— Спасибо вамъ, дѣтушки! Иванъ Архипычъ ста-

рикъ дряхлый, и жена у него плоха. Да это ничего: дотлелись бы какъ-нибудь до Калуги; а вотъ что — у нихъ въ дому лежитъ больной офицеръ.

— Нашъ русскій?

— Ну да! Смотри только не проболтайся! Постой-ка! Никакъ опять вѣтеръ подымается... Давай Господи! И кажется, съ Петербургской стороны?... То-то бы славно!

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ мастеровой, — посмотри-ка, отъ Охотнаго ряда и Моховой какія головни опять полетѣли.... Авось теперь и до Кремля доберется.

— Ага! — сказалъ купецъ, поднявъ кверху голову; — что?.. душно стало?.. выползли, проклятые!

Что это, Андрей Васьяновичъ? — спросилъ мастеровой. — Никакъ это французскіе генералы? Посмотри-ка, такъ и залиты въ золото — словно жаръ горятъ!

— Подожди, братъ... позакоптятся.

— Глядь-ка, хозяинъ! Видишь, этотъ, что всѣхъ золотистѣе и стоитъ впереди... Экій молодчина!... Ужъ не самъ ли это Бонапартій?... Да не туда смотришь: вотъ прямо-то надъ нами.

Купецъ, не отвѣчая ни слова, продолжалъ смотрѣть въ другую сторону.

Ну, Ваня! — сказалъ онъ, схвативъ за руку молодого парня, — такъ и есть! Вонъ стоитъ на самомъ краю въ сѣромъ сюртучишкѣ.... это онъ!

— Кто?... этотъ недотепа-то? Что ты, хозяинъ!

Да, Ваня! развѣ не видишь, что онъ одинъ стоитъ въ шляпѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ! Ахъ, батюшки свѣты! Вотъ диковинка-то! Ну, видно, по пословицѣ: не велика птичка, да коготокъ востеръ! Ахъ, ты, Господи, Боже мой! въ рекруты не годится, а какихъ дѣлъ надѣлалъ!

Посмотри-ка! сказалъ купецъ — какъ онъ стоитъ тамъ: одинъ-одинехонекъ.... въ дыму.... словно коршунъ выглядываетъ изъ-за тучи и виситъ надъ нашими голо-

вами. Да не сносить же и тебѣ своей башки, атаманъ разбойничій!

— Глядь-ка, хозяинъ! Что это они зашевелились? Эге! какой сзади повалилъ дымъ!... Знать огонь-то и до нихъ добирается!

— Въ самомъ дѣлѣ! Видно ихъ путемъ стало пропекать.

Ахти, Андрей Васьяновичъ! вскричалъ мастеровой, никакъ они кинулись внизъ, къ Тайницкимъ воротамъ. Не убраться ли намъ за добра ума?

Зачѣмъ? можетъ статься, они попросятъ насъ показать имъ дорогу. Вѣдь теперь выбраться отсюда на чистое мѣсто не легко. Ну, что жъ ты глаза-то на меня выпучилъ?

Какъ, хозяинъ?—вскричалъ съ удивленіемъ мастеровой. Да что тебѣ за охота подслуживаться нашимъ злодѣямъ?

— А почему-жъ и нѣтъ?—сказалъ съ улыбкой купецъ. Я ужъ имъ и такъ другія сутки служу вѣрой и правдой. Но постой-ка!... вотъ они.... Ну, полѣзли вонъ, какъ тараканы изъ угарной избы!...

Человѣкъ пять французскихъ офицеровъ и одинъ польскій генералъ выбѣжали изъ Тайницкихъ воротъ на набережную.

— Видишь, какъ этотъ генералъ озирается во всѣ стороны? сказалъ шепотомъ купецъ.—Что, мусью? видно, братъ, нѣтъ ни входа, ни выхода?

— Боже мой!—вскричалъ генералъ,—кругомъ, со всѣхъ сторонъ, вездѣ огонь!... Нѣтъ ли другого выхода изъ Кремля?

- Нѣтъ,—отвѣчалъ одинъ изъ офицеровъ.—Здѣсь всего менѣе опасности, чѣмъ съ той стороны.

- Не лучше ли императору остаться въ Кремлѣ? - сказалъ другой офицеръ.

— Но развѣ не видите,—прервалъ генералъ,—что огонь со всѣхъ сторонъ въ него врывается?

— А противъ самаго дворца стоятъ пороховые ящики,—прибавилъ первый офицеръ.

— Проклятые русскіе!..—вскричалъ генералъ.—Варвары!..

— Они варвары?—возразилъ одинъ офицеръ въ огромной медвѣжьей шапкѣ.—Вы слишкомъ милостивы, генералъ! Они не варвары, а дикіе звѣри!.. Мы думали здѣсь отдохнуть, повеселиться... и что жъ? Эти проклятые калмыки.. О! ихъ должно непремѣнно загнать въ Азію, надобно очистить Европу отъ этихъ татаръ!.. Посмотрите! вонъ стоятъ ихъ двое... Съ какимъ скотскимъ равнодушіемъ смотрятъ они на этотъ ужасный пожаръ!.. И этихъ двуногихъ животныхъ называютъ людьми!..

— Постойте!—сказалъ генералъ,—если они такъ спокойны, то вѣрно знаютъ, какъ выйти изъ этого огненнаго лабиринта. Эй, голубчикъ! -продолжалъ онъ довольно чистымъ русскимъ языкомъ, подойдя къ мастеровому,—не можешь ли ты вывести насъ къ Тверской заставѣ?

— Къ Тверской заставѣ?..—повторилъ мастеровой, почесывая голову.—А гдѣ Тверская-то застава, батюшка?..

— Какъ гдѣ? Ну тамъ, гдѣ дорога въ Петербургъ.

— Дорога въ Питеръ?.. А гдѣ это, кормилецъ?

— Дуралей! Да развѣ ты не знаешь?

— Не вѣдаю, батюшка! Я не здѣшній.

— Извольте, ваша милость,—подхватилъ купецъ,—я васъ выведу къ Тверской заставѣ.

— Послушай, братецъ! Если ты проведешь насъ благополучно, то тебѣ хорошо заплатятъ; если же нѣтъ...

— Помилуйте, батюшка! Да я здѣшній старожилъ и всѣ закоулки знаю.

— Вотъ, кажется, самъ императоръ,—вскричалъ одинъ изъ офицеровъ.—Слава Богу! онъ рѣшился, наконецъ, оставить Кремль.

Человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ, окруженный толпою генераловъ, вышелъ изъ Тайницкихъ воротъ. На угрюмомъ, но спокойномъ лицѣ его не замѣтно было никакой тревоги. Онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ всѣ окружности Каменнаго моста и прошепталъ сквозь зубы: „варвары! скифы!“ Потомъ обратился къ польскому генералу и, устремя на него свой орлиный взглядъ, сказалъ отрывисто:

— Ну, что?

— Я нашелъ проводника,—отвѣчалъ почтительно генералъ;—и если вашему величеству угодно...

— Ступайте впередъ!

Польскій генералъ подозвалъ купца и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ впереди толпы, которая, окруживъ со всѣхъ сторонъ Наполеона, пустилась вслѣдъ за проводникомъ къ Каменному мосту. Когда они подошли къ угловой Кремлевской башнѣ, то вся Неглинная, Моховая и нѣсколько поперечныхъ улицъ представились ихъ взорамъ въ видѣ одного необозримаго пожара. Направо пылающій жилѣзный рядъ, какъ огненная стѣна, вытянулся по берегу Неглинной, а съ лѣвой стороны пламя отъ догорающихъ домовъ разстилалось во всю ширину узкой набережной.

— Какъ!—вскричалъ польскій генералъ;—неужели мы должны пройти сквозь этотъ огонь?

— Да,—отвѣчалъ купецъ.

— Боже мой! это настоящій адъ!

Купецъ усмѣхнулся.

— Чему жъ ты смѣешься, дуракъ? — вскричалъ съ досадой генералъ.

— Не погнѣвайтесь, ваша милость, — сказалъ купецъ;—да неужели этотъ огонь страшнѣе для васъ русскихъ ядеръ?

Русскихъ ядеръ!.. Мы не боимся вашего оружія; но быть побѣдителями и сгорѣть живымъ... нѣтъ, чортъ возьми! это вовсе непріятно!.. Куда же ты?

— А вотъ налѣво, въ этотъ переулокъ.

Генералъ отступилъ назадъ и повторилъ съ ужасомъ:

— Въ этотъ переулокъ?..

И въ самомъ дѣлѣ было чего испугаться: узкій переулокъ, которымъ хотѣлъ ихъ вести купецъ, походилъ на отверстіе раскаленной печи; онъ изгибался позади домовъ, выстроенныхъ на набережной, и, казалось, не имѣлъ никакого выхода.

— Послушай! — продолжалъ генералъ, взглянувъ недовѣрчиво на купца, — если это подлое предательство, то, клянусь честію: твоя голова слетитъ прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ насъ погибнетъ.

— И, батюшка! Да что мнѣ за радость сгорѣть вмѣстѣ съ вами? — отвѣчалъ хладнокровно купецъ. А если бъ мнѣ и пришла такая дурь въ голову, такъ неужели вы меня смертью запугаете? Вѣдь умирать-то все равно.

— Но для чего же ты не ведешь по этой широкой улицѣ?

— По Знаменкѣ, батюшка?.. Нельзя! Тамъ теперь около Арбатской площади и птица не пролетитъ.

— Однако жъ, мнѣ кажется, все лучше...

— По мнѣ пожалуй! Только не извольте пенять на меня, если мы на чистое мѣсто не выйдемъ; да и назадъ-то нельзя будетъ вернуться.

Что жъ вы остановились? — сказалъ Наполеонъ, подойдя къ генералу.

— Государь!.. я опасаюсь... дрожу за васъ...

— Вы дрожите, генералъ?.. не вѣрю!

— Намъ должно итти вотъ этимъ переулкомъ.

— Такъ что жъ? другой дороги нѣтъ?

— Проводникъ говоритъ, что нѣтъ.

— А если такъ... господа!.. вы кажется никогда огня не боялись—за мной!

Толпа французовъ кинулась вслѣдъ за Наполеономъ

Пожаръ Москвы. *(Съ нѣмецк. гравюры.)*

Въ полминуты нестерпимый жаръ охватилъ каждаго: всѣ платья задымились. Сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, пожирающее съ ужаснымъ визгомъ дома, посреди которыхъ они шли: то крутилъ его въ воздухѣ, то загибалъ раскаленнымъ сводомъ надъ ихъ головами. Вокругъ, съ оглушающимъ трескомъ, ломались кровли, падали желѣзные листы и полуобгорѣвшія доски, на каждомъ шагу пылающія бревна и кучи кирпичей преграждали имъ дорогу: они шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, среди огненныхъ стѣнъ [1].

— Впередъ, господа! — вскричалъ Наполеонъ,—впередъ! Одна быстрота можетъ спасти насъ!

Они добѣжали уже до средины переулка, который круто поворачивалъ налѣво. Вдругъ польскій генералъ остановился: переулокъ упирался въ пылающій домъ—выхода не было.

— Злодѣй, измѣнникъ! — вскричалъ онъ, схвативъ за руку своего проводника.

Купецъ рванулся, повалилъ наземь генерала и кинулся въ одинъ догорающій домъ.

— За проводникомъ! — закричали нѣсколько голосовъ.—Этотъ домъ долженъ быть сквозной!

Но въ ту самую минуту передняя стѣна съ ужаснымъ громомъ рухнулась, и среди двухъ столбовъ пламени, которые быстро поднялись къ небесамъ, открылась широкая каменная лѣстница. На одной изъ верхнихъ ея ступеней, окруженной огнемъ и дымомъ, какъ злой духъ, стерегущій преисподнія, стоялъ купецъ. Онъ кинулъ торжествующій взглядъ на отчаянную толпу французовъ и съ громкимъ хохотомъ исчезъ снова среди развалинъ.

— Мы погибли!—вскричалъ польскій генералъ.

Наполеонъ побѣдилъ... Но десница Всевышняго хранила еще главу сію для новыхъ бѣдствій; еще не

---

[1]) Выраженіе очевидца, генерала Сегюра.

настала минута возмездія! Въ то время, когда не оставалось уже никакой надежды къ спасенію, въ дверяхъ дома, который загораживалъ имъ выходъ, показалось человѣкъ пять французскихъ гренадеровъ.

— Солдаты! — вскричалъ одинъ изъ маршаловъ, — спасайте императора!

Гренадеры побросали награбленныя ими вещи и провели Наполеона сквозь огонь на обширный дворъ, покрытый остатками догорѣвшихъ службъ. Тутъ встрѣтили его еще нѣсколько егерей итальянской гвардіи, и при помощи ихъ вся толпа, переходя съ одного пепелища на другое, добралась, наконецъ, до Арбата. Для Наполеона отыскали какую-то лошадёнку; онъ сѣлъ на нее, и въ семъ-то торжественномъ шествіи, наблюдая глубокое молчаніе, сей завоеватель Россіи доѣхалъ, наконецъ, до Дорогомиловскаго моста. Здѣсь въ первый разъ прояснились лица его свиты; вся опасность миновалась: они уже были почти за городомъ.

— Мнѣ кажется, — сказалъ одинъ изъ адъютантовъ Наполеона, — что мы вчера этой же самой дорогою въѣзжали въ Москву.

— Да, отвѣчалъ одинъ пожилой кавалерійскій полковникъ, — вонъ на той сторонѣ рѣки и деревянный домъ, въ которомъ третьяго дня ночевалъ императоръ.

— И хорошо бы сдѣлалъ, если бы въ немъ остался. Ces sacrés barbares! Какъ они насъ угостили въ своемъ Кремлѣ! Ну можно ли было ожидать такой встрѣчи? Помните, за день до нашего вступленія въ эту проклятую Москву къ намъ приводили для разспросовъ какого-то купца.. Ахъ, Боже мой!.. Да кажется, это тотъ самый измѣнникъ, который былъ сейчасъ нашимъ проводникомъ... точно такъ!.. Ну, теперь я понимаю!..

— Что такое?

— Да развѣ вы забыли, что этотъ татаринъ на мой вопросъ, какъ примутъ насъ московскіе жители, отвѣ-

чалъ, что врядъ ли сдѣлаютъ намъ встрѣчу; но что освѣщеніе въ городѣ непремѣнно будетъ.

— Ну что жъ, развѣ онъ солгалъ?.. Развѣ насъ угощали гдѣ-нибудь иллюминаціей лучше этой?

Чортъ бы ее побралъ! — сказалъ Наполеоновъ мамелюкъ Рустанъ, поглаживая свои опаленные усы.

- Надобно признаться, -продолжалъ первый адъютантъ, -писатели наши говорятъ совершенную истину объ этой варварской землѣ. Что за народъ!.. Ну, можно ли называть европейцами этихъ скифовъ?

— Однакожъ, я думаю, — отвѣчалъ хладнокровно полковникъ, вы видали много русскихъ плѣнныхъ офицеровъ, которые вовсе на скифовъ не походятъ?

— О, вы вѣчный защитникъ русскихъ!—вскричалъ адъютантъ. – И оттого, что вы имѣли терпѣніе прожить когда-то цѣлый годъ въ этомъ царствѣ зимы!..

— Да оттого-то именно я знаю его лучше, чѣмъ вы, и не хочу, по примѣру многихъ соотечественниковъ моихъ, повторять нелѣпые разсказы о русскихъ и платить клеветой за всегдашнюю ихъ ласку и гостепріимство.

— Но позвольте спросить васъ, господинъ защитникъ россіянъ, чѣмъ оправдаете вы пожаръ Москвы, этотъ неслыханный примѣръ закоснѣлаго невѣжества, варварства...

— И любви къ отечеству, -прервалъ полковникъ.— Конечно, въ этомъ вовсе не европейскомъ поступкѣ россіянъ есть что-то непросвѣщенное, дикое; но когда я вспомню, какъ принимали насъ въ другихъ столицахъ, и въ то же время посмотрю на пылающую Москву... то, признаюсь, дивлюсь и завидую этимъ скифамъ.

— Согласитесь однакожъ, полковникъ, прервалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ въ генеральскомъ мундирѣ, что въ нѣкоторомъ отношеніи этотъ поступокъ оправдать ничѣмъ не можно и что тѣ, кои жгли своими руками Москву, безъ всякаго сомнѣнія преступники.

— Передъ кѣмъ, господинъ Сегюръ? Если передъ нами, то я совершенно согласенъ: по ихъ милости мы сейчасъ было всѣ сгорѣли; но я думаю, что за это преступленіе ихъ судить не станутъ.

— Перестаньте, полковникъ! — вскричалъ адъютантъ. Зажигатель всегда преступникъ. И что можно сказать о гражданинѣ, который для того, чтобъ избавиться отъ непріятеля, зажигаетъ свой собственный домъ?

— Что можно сказать? Мнѣ кажется, на вашъ вопросъ отвѣчать очень легко: вѣроятно, этотъ гражданинъ болѣе ненавидитъ враговъ своего отечества, чѣмъ любитъ свой собственный домъ. Вотъ если бъ московскіе жители выбѣжали навстрѣчу къ нашимъ войскамъ, осыпали ихъ рукоплесканіями, приняли съ отверстыми объятіями, и вы спросили бы русскихъ: какое имя можно дать подобнымъ гражданамъ?.. то, безъ сомнѣнія, имъ отвѣчать было бы гораздо затруднительнѣе.

— Однакожъ, полковникъ, — сказалъ съ примѣтной досадой адъютантъ,—позвольте вамъ замѣтить: вы съ такимъ жаромъ защищаете нашихъ непріятелей... прилично ли французскому офицеру...

— Вы еще очень молоды, господинъ адъютантъ,— прервалъ хладнокровно полковникъ, — и врядъ ли можете знать лучше меня, что прилично офицеру. Я ужъ дрался за честь моей родины въ то время, какъ вы были еще въ пеленкахъ, и смѣло могу сказать: горжусь именемъ француза. Но оттого-то именно и уважаю благородную русскую націю. Это самоотверженіе, эта безпредѣльная любовь къ отечеству—понятны душѣ моей: я французъ. И неужели вы думаете, что, унижая враговъ нашихъ, мы не умаляемъ этимъ собственную нашу славу? Побѣда надъ презрѣннымъ непріятелемъ можетъ ли, должна ли радовать сердца воиновъ Наполеона?

— Конечно, конечно,—прервалъ Сегюръ. A vaincre sans péril, on triomphe sans gloire. Но вотъ ужъ мы и за городомъ.

Наполеонъ, поворотя направо вверхъ по теченію Москвы рѣки, переправился близъ села Хорошова чрезъ плавучій мостъ и, проѣхавъ нѣсколько верстъ полемъ, дотащился наконецъ до петербургской дороги. Тутъ кончилось сіе достопамятное путешествіе императора французовъ отъ Кремля до Петровскаго замка, изъ котораго онъ переѣхалъ опять въ Кремль не прежде, какъ прекратились пожары: то-есть, когда уже почти вся Москва превратилась въ пепелъ.

М. Н. Загоскинъ.

Ворона и Курица.

Когда Смоленскій князь,
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ,
Тогда всѣ жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собрался
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
„А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?—
Ей съ воза Курица кричитъ.—
Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ".
— Мнѣ что до этого за дѣло?—
Вѣщунья ей въ отвѣтъ. Я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ;
А вѣдь воронъ не жарятъ, не варятъ;
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.

Прощай, хохлаточка, счастливый путь!—
Ворона, подлинно, осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,—
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

——

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ:
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься,
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься—
Попался какъ ворона въ супъ!

На допросѣ у маршала Даву.

Квартира грознаго герцога Экмюльскаго, маршала Даву, была на Девичьемъ полѣ, у монастыря, въ домѣ фабриканта купца Милюкова. Идя за жандармомъ по обгорѣлымъ и во многихъ мѣстахъ еще сильно пылавшимъ улицамъ, Перовскій не узналъ Москвы. Они шли Волхонкой и Пречистенкой.

Грабежъ продолжался въ безобразныхъ размѣрахъ. Солдаты сквозь дымъ и пламя тащили на себѣ ящики съ винами и разною бакалеей, церковную утварь и тюки съ красными товарами. У воротъ и входовъ немногихъ еще не загорѣвшихся домовъ толпились испачканные пепломъ и сажей, голодные и оборванные чины разныхъ оружій, вырывая другъ у друга награбленныя вещи. На площадяхъ въ то же время, вслѣдствіе наступившаго сильнаго холода, горѣли костры изъ выломанныхъ оконныхъ рамъ, дверей и разнаго хлама. Здѣсь толпился всякій сбродъ. У церкви Троицы, въ Зубовѣ, жандармъ-проводникъ, встрѣтивъ знакомаго артиллериста-солдата, остановился, спрашивая его о дальнѣйшемъ пути къ квартирѣ Даву.

Внутри церкви, служившей для помѣщенія коман-

дира расположенной здѣсь батареи, виднѣлась красивая гнѣдая лошадь, прикрытая священническою ризой. Она ѣла изъ жестяной церковной купели овесъ, умными глазами бодро посматривая на крыльцо. Отвѣтивъ на вопросъ жандарма, солдатъ-артиллеристъ потрепалъ лошадь по спинѣ и, добродушно чмокая губами, сказалъ:

— Каковъ конь! Не правда ли, не животное—человѣкъ? Смѣтливъ, даже хитеръ, все понимаетъ. И хорошо ему тутъ, тепло, овса вдоволь... Онъ взятъ у одного графа. Въ Парижѣ дадутъ за него тысячи.

На Зубовской площади, невдалекѣ отъ сгорѣвшаго каменнаго дома, въ которомъ еще виднѣлась уцѣлѣвшая отъ огня давно знакомая Перовскому вывѣска: „Гремиславъ, портной изъ Парижа“,—у обугленной каменной колокольни, стояла толпа полковыхъ маркитантовъ и поваровъ. Внутри этой колокольни была устроена бойня скота, и усатый рослый гренадеръ, въ лиловой камилавкѣ и въ дьяконскомъ стихарѣ, окровавленными руками весело раздавалъ по очереди куски нарубленнаго свѣжаго мяса.

Распознавая направленіе сплошь выжженныхъ улицъ по торчавшимъ печамъ, трубамъ и церквамъ, плѣнникъ и его проводникъ около полудня дошли, наконецъ, до Дѣвичьяго поля.

Каменный одноярусный домъ фабриканта Милюкова былъ уже нѣсколько дней занятъ подъ штабъ-квартиру маршала Даву. Этотъ домъ стоялъ у берега Москвы-рѣки, вправо отъ Дѣвичьяго монастыря. Упираясь въ большой, еще покрытый листьями, садъ, онъ занималъ лѣвую сторону обширнаго двора, застроеннаго рабочимъ корпусомъ, жилыми флигелями и сараями милюковской ситцевой фабрики. Хозяинъ фабрики бѣжалъ съ рабочими и мастерами за день до вступленія французовъ въ Москву. У воротъ фабрики стоялъ карауль. На площади былъ раскинутъ лагерь, помѣщались по-

роховые ящики, нѣсколько пушекъ и лошадей у коновязей, а среди двора служившая маршалу въ дорогѣ большая темнозеленая четырехмѣстная карета.

Перовскаго ввели въ пріемную каменнаго дома, гдѣ толпились ординарцы и штабные маршала. Дежурный адъютантъ прошелъ въ кабинетъ Даву. Выйдя оттуда, онъ взялъ у Перовскаго шпагу и предложилъ ему войти къ маршалу.

Кабинетъ Даву былъ окнами на главную аллею сада, въ концѣ которой виднѣлся заливъ Москвы-рѣки. Среднее окно, у котораго стоялъ рабочій столъ маршала, было растворено. Свѣжій воздухъ свободно проникалъ изъ сада въ комнату, осыпая бумаги на столѣ листьями, изрѣдка падавшими сюда съ пожелтѣлыхъ липъ и кленовъ, росшихъ у окна.

При входѣ плѣнника, Даву, спиной къ двери, продолжалъ молча писать у окна. Онъ не обернулся и въ то время, когда Базиль, пройдя нѣсколько шаговъ отъ порога, остановился среди комнаты.

„Неужели это именно тотъ грозный и самый жестокій изъ всѣхъ маршаловъ Бонапарта?“ — подумалъ Перовскій, разглядывая сгорбленную, въ полиняломъ синемъ мундирѣ, спину и совершенно лысую, глянцевитую голову сидѣвшаго передъ нимъ тощаго и на видъ хилаго старика. Перо у окна продолжало скрипѣть. Даву молчалъ. Прошло еще нѣсколько мгновеній.

— Кто здѣсь? — раздался отъ окна странный, нѣсколько глуховатый голосъ.

Перовскому показалось, будто бы кто-то, совершенно посторонній, заглянулъ въ эту минуту изъ сада въ окно и, подъ шелестъ деревьевъ, сдѣлалъ этотъ вопросъ. Перовскій молчалъ. Раздалось недовольное ворчаніе.

— Кто вы? — повторилъ болѣе грубо тотъ же голосъ — васъ спрашиваютъ, что же вы, какъ чурбанъ, молчите?

— Русскій офицеръ,—отвѣтилъ Базиль.

— Парламентеръ?

— Нѣтъ.

— Такъ плѣнный?

— Нѣтъ.

Даву обернулся къ вошедшему.

— Кто же вы, наконецъ? — спросилъ онъ, уже совсѣмъ сердито глядя на Перовскаго.

Базиль спокойно и съ достоинствомъ разсказалъ все по порядку, какъ онъ во время перемирія былъ посланъ генераломъ Милорадовичемъ на аванпосты и какъ и при какихъ обстоятельствахъ его задержали сперва Себастьяни и Мюратъ, потомъ Бертье и, вопреки данному слову и обычаямъ войны, донынѣ ему не возвращаютъ свободы.

— Перемиріе,—проворчалъ Даву:—да что вы тутъ толкуете мнѣ? Какое же это перемиріе, если здѣсь, въ уступленной намъ Москвѣ, по насъ предательски стрѣляли? Вы плѣнникъ, слышите ли, плѣнникъ, и останетесь здѣсь до тѣхъ поръ... ну, пока намъ это будетъ нужно!

— Извините! — произнесъ Перовскій: — я не отвѣтчикъ за другихъ; здѣсь роковая ошибка.

— Пойте это другимъ! (A d'autres, à d'autres), — перебилъ его Даву:—меня не проведете!

— Свобода мнѣ обѣщана честнымъ словомъ французскаго генерала...

Даву поднялся съ кресель.

— Молчать! — запальчиво крикнулъ онъ, сжимая кулаки. — Ни ваши сочтены; да я васъ, наконецъ, знаю, узналъ...

Маршалъ, какъ бы внезапно о чемъ-то вспомнивъ, замолчалъ. Перовскій съ мучительнымъ ожиданіемъ вглядывался въ его тонкія, блѣдныя губы, огромный лысый лобъ и подозрительно сѣдѣвшіе за нимъ изъ-подъ насупленныхъ бровей маленькіе и злые глаза.

— Да, я васъ знаю!—повторилъ Даву, съ усиліемъ высвобождая морщинистыя щеки изъ высокаго и узкаго воротника и садясь опять къ столу:—теперь не уйдете... Ваше имя.

Перовскій назвалъ себя. Маршалъ нагнулся къ лежавшему передъ нимъ списку и внесъ въ него сказанное ему имя.

— Простите, генералъ,—сказалъ, стараясь быть покойнымъ, Базиль:—вы совершенно ошибаетесь: я имѣю честь видѣть васъ впервые въ жизни.

Глаза Даву шевельнулись и опять скрылись подъ насупленными бровями.

— Не проведете, не обманете!—объявилъ онъ. –Вы были взяты въ плѣнъ подъ Смоленскомъ, освобождены въ этомъ городѣ на честное слово и, все разузнавъ у насъ, бѣжали...

— Клянусь вамъ,—отвѣтилъ Перовскій:—я впервые задержанъ при входѣ вашей арміи въ Москву... Снеситесь съ генералами Милорадовичемъ и Себастьяни.

Даву вскочилъ. Его лицо было искажено гнѣвомъ.

— Бездѣльникъ, лжецъ! — бѣшено крикнулъ онъ, тряся кулаками. — Такому негодяю, чортъ бы васъ побралъ, говорю это прямо, исходъ одинъ—повязка на глаза и полдюжины пуль!

Маршалъ позвонилъ.

— Позовите фельдфебеля и солдатъ! — обратился онъ къ вошедшему ординарцу, откладывая на столѣ какую-то бумагу.

— Но это будетъ вопіющее къ небу насиліе! — проговорилъ Перовскій, видя съ содроганіемъ, какъ рѣшительно и твердо герцогъ Экмюльскій отдавалъ о немъ роковой и, повидимому, безповоротный приказъ.—Вы, простите, оскорбляете безоружнаго плѣннаго и къ этому присоединяете убійство безъ слѣдствія, безъ суда... Вѣдь это, герцогъ, насиліе...

— А, вамъ желается суда?—произнесъ Даву. — Бе-

регитесь, судъ будетъ коротокъ. Васъ отлично помнитъ мой старшій адъютантъ, бравшій васъ въ плѣнъ... О, вы его не собьете!

— Позовите вашего адъютанта, пусть онъ меня уличитъ!—сказалъ Перовскій, съ ужасомъ думая въ то же время: „А что, если низкій клевретъ этого палача все перезабылъ и спуталъ въ пережитой имъ сумятицѣ и вдругъ, признавъ меня за этого бѣглеца, скажетъ: да, это онъ! И какъ на него сѣтовать? Ему такъ можетъ показаться"...

Глаза маршала странно улыбнулись, брови разгладились.

— Такъ вы хотите очной ставки? — спросилъ онъ, стараясь говорить ласковѣе. — Извольте, я вамъ ее дамъ... Но помните заранѣе, если мои слова подтвердятся, пощады не будетъ... Позвать Оливье! — сказалъ онъ ординарцу.

Ординарецъ вышелъ. Даву сталъ разбирать и перекладывать лежавшія передъ нимъ бумаги. Базиль, замирая отъ волненія, едва стоялъ на ногахъ. — „Броситься на него сзади, удушить тощаго старика и выскочить въ окно...—вдругъ подумалъ онъ.—Здѣсь положительно можно... садомъ добѣжать до рѣки, кинуться вплавь и уйти на противоположный берегъ, въ огороды и пустыри. Пока найдутъ адъютанта, явятся сюда, все увидятъ и начнутъ погоню, все можно успѣть". Руки Перовскаго судорожно сжимались; ознобъ охватывалъ его съ головы до пятъ, зубы постукивали отъ нервной дрожи.

— Вамъ сколько лѣтъ?—спросилъ, не оглядываясь, Даву. Перовскій вздрогнулъ.

— Двадцатый годъ,—отвѣчалъ онъ.

— Молоды... Москву знаете?

— Здѣсь учился въ университетѣ.

Даву обернулся и указалъ Перовскому на стѣнь возлѣ стола карту Москвы и ея окрестностей.

— Вотъ эти мѣста подожжены русскими, сказалъ онъ, тыкая сухимъ, крючковатымъ пальцемъ по картѣ.— Горятъ сотни, тысячи домовъ... Вы, вѣроятно, также явились сюда поджигать?

Перовскій молчалъ.

— Зачѣмъ вы насъ поджигаете?

— Ваши солдаты, по неосторожности и хмельные, сами жгутъ.

— Вздоръ, клевета! А почему русскіе крестьяне, несмотря на щедрую плату, не подвозятъ припасовъ?— спросилъ Даву.—Сколько вокругъ селъ—и не является ни одинъ.

— Боятся насилій.

— Вздоръ. Какія насилія у цивилизованной арміи? Говорятъ вамъ, мы щедро платимъ. Это все выдумки людей, подобныхъ вамъ. Гдѣ Кутузовъ? Почему онъ такъ предательски, безъ полиціи и пожарныхъ инструментовъ, оставилъ такой обширный городъ? Гдѣ онъ?

— Я задержанъ вторыя сутки и дальнѣйшихъ распоряженій нашего главнокомандующаго не знаю.

— Вы отъявленный лжецъ,—сказалъ, выпрямясь въ креслѣ, Даву: вѣроломный партизанъ, дезертиръ!.. О, вы увидите, какъ мы наказываемъ людей, которые къ измѣнѣ присоединяютъ еще наглую, безстыдную ложь.

Даву опять позвонилъ. Вошелъ ординарецъ.

— Что же Оливье?

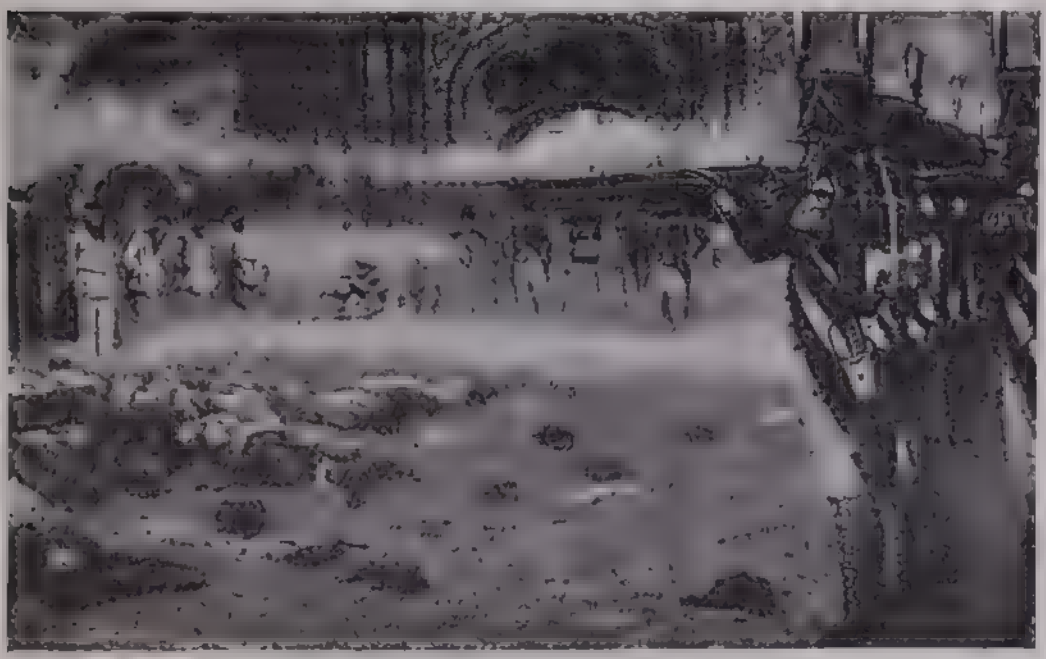
— За нимъ пошли.

Даву подумалъ: „Что съ ними возиться! надоѣлъ!"— и противъ имени Перовскаго, занесеннаго имъ въ списокъ, написалъ резолюцію.

— Вотъ,—сказалъ онъ, подавая ординарцу со стола пачку бумагъ: - это въ главный штабъ, а этого господина съ этимъ спискомъ отведи къ Моллина.

„Моллина, Моллина!—повторилъ въ умѣ Перовскій, идя за ординарцемъ и не понимая, въ чемъ дѣло:—

вѣроятно, предсѣдатель какого-нибудь трибунала". Его привели на площадь, гдѣ былъ расположенъ лагерь пѣхоты, и сдали у крайней палатки толстому, съ короткой шеей и краснымъ лицомъ, сѣдому офицеру.— „Вотъ онъ, Моллина", — подумалъ Перовскій, глядя въ подслѣповатые и сердитые глаза Моллина. Офицеръ, выслушавъ то, что ему сказалъ герцогскій ординарецъ, кивкомъ головы отпустилъ послѣдняго и, едва взглянувъ въ поданный ему списокъ, сдалъ арестанта ка-



Поджигатели. (*Верещагинъ.*)

рулу, стоявшему невдалекѣ отъ палатки. На караулѣ зашевелились. Отъ него отдѣлилось нѣсколько солдатъ съ унтеръ-офицеромъ. — „Слѣдуйте за мною... Вы понимаете ли меня?" — гнѣвно крикнулъ унтеръ-офицеръ, толкнувъ растерявшагося, едва владѣвшаго собой Перовскаго. Три человѣка спокойно и безучастно пошли впереди его, три позади. Унтеръ-офицеръ шелъ сбоку. Всѣ спокойно поглядывали на Перовскаго, но онъ начиналъ, наконецъ, понимать, въ чемъ дѣло.

Арестанта повели къ огородамъ, бывшимъ у берега

Москвы-рѣки, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ лагеря. Здѣсь на просторной сыроватой площадкѣ между опустѣлыхъ грядъ капусты и бураковъ виднѣлся столбъ и невдалекѣ отъ него нѣсколько свѣже-засыпанныхъ ямъ. „Могилы разстрѣлянныхъ! — пробѣжало въ умѣ Базиля: — да неужели же эти изверги... неужели конецъ?“ — Онъ безсознательно шагалъ за солдатами, увязая въ рыхлой, сырой землѣ. Его мучило безобразіе и безсиліе своего положенія. Онъ видѣлъ надъ собою свѣтлое осеннее небо, кругомъ пустынные, тихіе огороды, за ними колокольню Дѣвичьяго монастыря, галокъ, съ веселымъ карканьемъ перелетавшихъ съ этой колокольни въ монастырскій садъ, мучительно сознавалъ, что ни онъ, ни окружавшіе его исполнители чужихъ велѣній ничего не могли сдѣлать для его спасенія. Ему вспомнилось Бородино, возгласъ доктора Миртова о свиданіи съ нимъ черезъ двадцать лѣтъ въ клубѣ. Голова его кружилась. Тысячи мыслей неслись въ умѣ Перовскаго съ поражающею, мучительною быстротой.

Назади послышался крикъ. Шедшіе оглянулись. Отъ лагеря кто-то бѣжалъ, маша руками.

Что еще? — проворчалъ, остановясь, унтеръ-офицеръ.

Прибѣжавшій, въ курткѣ и въ шапочкѣ конскрипта молодой солдатъ что-то наскоро объяснилъ ему.

— Отсрочка! — сказалъ унтеръ-офицеръ, обращаясь къ Перовскому: — съ нашимъ герцогомъ это бываетъ; видно, завтракомъ забыли предварительно угостить... До свиданія.

Арестанта опять повели къ маршалу.

Даву показался Перовскому еще мрачнѣе и грознѣе.

— Удивляетесь?.. Я пріостановилъ раздѣлку съ вами, — сказалъ Даву, увидѣвъ Перовскаго: — требую отъ васъ окончательно чистосердечнаго и полнаго рас-

каянія; указаніемъ на своихъ сообщниковъ вы облегчите наши затрудненія и тѣмъ спасете себя.

— Мнѣ каяться не въ чемъ.

— А если васъ уличатъ?

— Я уже просилъ вашу свѣтлость о слѣдствіи и судѣ,— отвѣтилъ Перовскій.

Даву снова порывисто позвонилъ.

— Гдѣ же, наконецъ, Оливье?— спросилъ онъ вошедшаго ординарца: — дождусь ли я его?

— Онъ здѣсь, только что возвратился отъ герцога Виченцскаго.

— Позвать его!

Дверь сзади Перовскаго затворилась и снова отворилась.

— А, подойтите сюда поближе! - сказалъ кому-то маршалъ: станьте вотъ здѣсь и уличите этого господина.

Перовскій увидѣлъ смуглаго востроносаго человѣка, съ чернымъ хохолкомъ, франтовски причесаннымъ на лбу, въ узкомъ поношенномъ мундирѣ и въ совершенно истоптанныхъ суконныхъ ботинкахъ. Его маленькое обвѣтренное лицо выражало безмѣрную почтительность къ грозному начальству. Черные глаза смотрѣли внимательно и строго. „Пропалъ!“ — подумалъ, взглянувъ на него, Базиль.

— Ну, Оливье,— обратился Даву къ адъютанту: приглядитесь получше къ этому человѣку и скажите мнѣ,— вы, какъ никто, должны хорошо все помнить,— не этотъ ли именно господинъ былъ нами взятъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ? Подумайте хорошенько... Что скажете? Не онъ ли провелъ тамъ у насъ въ городѣ на свободѣ цѣлыя сутки и ночью, все разузнавъ и несмотря на данное слово, измѣнически бѣжалъ? Вы должны это въ точности помнить. Ваша память — записная книжка... Ихъ, какъ помните, бѣжало двое: одного мы вскорѣ поймали и тогда же на пути раз-

стрѣляли, а другой скрылся... Не этотъ ли дезертиръ теперь стоитъ передъ вами?'

„О, приговоръ мой подписанъ! — въ ужасѣ замирая подумалъ Базиль: — этотъ раболѣпный офицеришка непремѣнно подкинетъ своему начальнику. Иначе не можетъ и быть! Боже, хоть бы мое лицо исказилось судорогой, покрылось язвами проказы, если во мнѣ дѣйствительно есть хоть малѣйшее роковое сходство съ тѣмъ бѣглецомъ".

— Ну, глядите же, Оливье, внимательно, — подсказалъ Даву адъютанту: — я васъ слушаю.

Адъютантъ, переминаясь остатками ботинокъ, едва державшихся на его ногахъ, неслышно подошелъ ближе къ плѣннику и пристально взглянулъ на него.

— Да, помню, — негромко отвѣтилъ онъ: — обстоятельство, о которомъ вы говорите, ваша свѣтлость, дѣйствительно было...

— Вы, Оливье, глупецъ или выпили лишнее! — не стерпѣвъ, раздражительно крикнулъ Даву: — васъ спрашиваютъ не о томъ, былъ ли такой случай, или его не было; это я знаю лучше васъ. Отвѣчайте, приказываю вамъ, на другой вопросъ: этотъ ли именно господинъ бѣжалъ у васъ изъ плѣна въ ту ночь, когда мы заняли Смоленскъ? Поняли?

Перовскій видѣлъ, какъ за секунду угодливые и, повидимому, совершенно покойные глаза адъютанта вдругъ померкли, точно куда-то пропали. Адъютантъ тронулъ себя за хохолокъ, прижалъ руку къ груди и вполголоса, побѣлѣвшими губами, произнесъ что-то, казалось, полное неожиданности и ужаса. Базиль въ точности не слышалъ всѣхъ его словъ, хотя они ударами колокола звонко отдавались въ его ушахъ. Онъ явственно только сознавалъ, какъ въ наступившей затѣмъ страшной тишинѣ вдругъ жалостно и громко забилось его сердце, и онъ помертвѣлъ. Отъ него что-то уходило, что-то съ нимъ навѣки прощалось, и ему

болѣзненно, отъ души, было чего-то жаль. И то, о чемъ онъ такъ жалѣлъ, была его молодая жизнь, которую у него брали съ такимъ суровымъ, безжалостнымъ хладнокровіемъ. „Гдѣ же истина, гдѣ божеская справедливость?“ думалъ Перовскій.

— Я васъ не слышу, ближе! крикнулъ Даву адъютанту: — говорите громче и толковѣе.

- Этотъ господинъ, ваша свѣтлость...— произнесъ Оливье: — я хорошо и отчетливо все помню...

Перовскій, держась за спинку близъ находившагося стула, едва стоялъ на ногахъ, усиливаясь слушать и понять, что̀ именно произносили блѣдныя и, какъ ему казалось, беззвучныя губы адъютанта.

— Этотъ господинъ, почтительно сказалъ Оливье: — моложе и ниже ростомъ того плѣннаго, о которомъ ваша свѣтлость спрашиваете.

Точно снопъ солнечныхъ лучей блеснулъ въ глаза Перовскому; полное ужаса, гнетущее бремя скатилось съ его груди. Онъ съ усиліемъ перевелъ дыханіе, стараясь не проронить ни слова изъ того, что̀ далѣе говорилъ передъ нимъ его нежданный защитникъ.

Лицо маршала, къ удивленію Базиля, прояснилось. Въ немъ явилось нѣчто, менѣе угрюмое и жесткое.

— Но вы опять мямлите, — сказалъ адъютанту герцогъ, будто не желая поддаться осѣнившему его доброму впечатлѣнію: — у васъ вѣчно, чортъ возьми, точно недоѣденная каша во рту...

— Тотъ плѣнный, ваша свѣтлость, — такъ же почтительно и мягко проговорилъ Оливьѐ: — былъ головою выше этого господина... я какъ теперь его вижу... Онъ былъ въ морщинахъ и съ родимымъ пятномъ на щекѣ... ходилъ переваливаясь. И если бы вамъ, — продолжалъ дрогнувшимъ голосомъ и поблѣдиѣвъ Оливьѐ: — не угодно было мнѣ повѣрить, я готовъ раздѣлить съ этимъ плѣннымъ ожидающую его судьбу.

— Довольно!.. рѣзко перебилъ Давý: — въ вашемъ великодушіи не нуждаются; а вы, — обратился онъ къ Перовскому: — какъ видите, спасены по милости этого моего подчиненнаго... Можете теперь итти къ прочимъ вашимъ товарищамъ.

Данилевскій.

Въ московскомъ ополченіи.

— Кто ѣдетъ? - повторилъ мужикъ, вылетая изъ шалаша.

— Да развѣ не видишь, что офицеръ? — сказалъ вахмистръ. — Экій мужланъ!

— Анъ врешь! Я не мужикъ.

— Да кто же ты?

— Ополченный! — отвѣчалъ воинъ, поправивъ гордо свою шапку.

— Зачѣмъ же ты здѣсь? — спросилъ Зарѣцкій.

— Стою на часахъ, ваше благоуродіе.

— Такъ что же ты зѣваешь, дурачина! — закричалъ вихмистръ. — Отворяй ворота!

— Безъ приказа не могу. Эй! выходи вонъ!

Человѣкъ шесть мужиковъ выскочили изъ сарая, схватили пики и стали по ранжиру вдоль стѣны; вслѣдъ за ними вышелъ молодой малый въ казачьемъ сѣромъ полукафтаньи, такой же фуражкѣ и съ тесакомъ, повѣшеннымъ черезъ плечо на широкомъ черномъ ремнѣ. Подойдя къ Зарѣцкому, онъ спросилъ очень вѣжливо, кто онъ и откуда ѣдетъ?

— А на что тебѣ, голубчикъ? - сказалъ Зарѣцкій. И кто ты самъ такой?

— Урядникъ, ваше благородіе!

— Какое тебѣ дѣло, господинъ урядникъ, кто я, и куда ѣду?

— Здѣсь стоитъ полкъ московскаго ополченія, ваше

благородіе, и полковникъ приказалъ, чтобъ всѣхъ проѣзжихъ изъ Москвы, а особливо военныхъ, провожать прямо къ нему.

— Вотъ еще какія затѣи! Да развѣ здѣсь крѣпость и вашъ полковникъ комендантъ?

— Не могу знать, ваше благородіе, а такъ велѣно. Полковникъ сейчасъ изволилъ приказывать...

— Большая мнѣ нужда до его приказанія! Ополченный полковникъ!.. Отворяй ворота!

— Да вѣдь онъ проситъ ваше благородіе заѣхать къ нему въ гости.

— А если я не хочу быть его гостемъ?.. Да кто такой вашъ полковникъ?

— Николай Степановичъ Ижорскій.

— Ижорскій?.. Мнѣ что-то знакома эта фамилія... Кажется, я слышалъ отъ Владимира... Не родня ли онъ Лидиной?..

— Прасковьѣ Степановнѣ?.. — родной братецъ.

— Вотъ это другое дѣло... Такъ я могу отъ него узнать, далеко ли отсюда деревня Владимира Сергѣевича Рославлева.

— Да не близко, ваше благородіе! Вѣдь она по Калужской дорогѣ.

— Ну, такъ и есть: я зналъ впередъ, что ошибусь!.. Отворяй ворота и проводи меня къ своему полковнику.

— Я, сударь, на караулѣ и отлучиться не могу; я пошлю съ вами ефрейтора. Эй, ребята! — слушай команду!.. Въ сашки!..

Воины положили въ сашки свои пики и повернулись, чтобъ итти въ сарай.

— Гаврило! — продолжалъ урядникъ, — проводи господина офицера къ полковнику.

— Къ барину? — спросилъ молодой крестьянскій парень.

— Ну да! то-есть къ его высокоблагородію, дурачина!

— Слушаю-ста! — А пику-то оставить что ль, иль нѣтъ?

Урядникъ призадумался.

— Ефрейторы всегда ходятъ съ ружьями, — сказалъ улыбаясь Зарѣцкій.

— Ну, что сталъ? возьми пику съ собой! — закричалъ урядникъ; — да смотри, не дразни по улицамъ собакъ. Ступай!

Воинъ, положивъ пику на плечо, отправился впереди нашихъ путешественниковъ по длинной и широкой улицѣ, въ концѣ которой, передъ одной избой, сверкали копья и толпилось много народа.

Въ бѣлой и просторной избѣ сельскаго старосты, за широкимъ столомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ и стояло нѣсколько бутылокъ съ ромомъ, сидѣли: Николай Степановичъ Пжорскій, Ильменевъ и Ладушкинъ. Первый въ обще-армейскомъ сюртукѣ съ штабъ-офицерскими эполетами, а оба другіе въ сѣрыхъ ополченныхъ полукафтаньяхъ. Ильменевъ, туго подтянутый шарфомъ, въ черномъ галстукѣ, съ нафабренными усами и вытянутый, какъ струнка, казалось помолодѣлъ десятью годами; но несчастный Ладушкинъ, привыкшій ходить въ плисовыхъ сапогахъ и просторномъ фризовомъ сюртукѣ, изнемогалъ подъ тяжестью своего воинскаго наряда: онъ едва смѣлъ пошевелиться и посматривалъ то на огромную саблю, къ которой былъ прицѣпленъ, то на длинныя шпоры, которыя своимъ безпрерывнымъ звономъ напоминали ему, что онъ выбранъ въ полковые адъютанты и долженъ ѣздить верхомъ.

— Что это Терёшка не ѣдетъ? — сказалъ Пжорскій, — Волгинъ обѣщался прислать его непремѣнно сегодня.

— Да куда, сударь, — спросилъ Ильменевъ, — поѣхалъ нашъ бывшій предводитель, Михайло Ѳедоровичъ Волгинъ?..

— А теперь мой пятисотенный начальникъ? — под-

хватилъ съ гордостью Пжорскій. — Я послалъ его въ Москву поразвѣдать, что тамъ дѣлается, и отправилъ съ нимъ моего Терёшку съ тѣмъ, что если онъ пробудетъ въ Москвѣ до завтра, то прислалъ бы его сегодня ко мнѣ съ какими-нибудь извѣстіями. Но поговоримте теперь о дѣлахъ службы, господа! продолжалъ полковникъ, перемѣнивъ совершенно тонъ. — Господинъ полковой казначей, прибавляется ли наша казна?

— Слава Богу, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ Ильменевъ, вскочивъ проворно со скамьи. — Сегодня по-утру прислали къ намъ изъ города, взамѣнъ недоставленной амуниціи, пятьсотъ тридцать три рубля двадцать двѣ копейки.

— А что жъ сегодняшній приказъ, господинъ полковой адъютантъ?

— Готовъ, Николай Степановичъ, — сказалъ Ладушкинъ, вставая.

— Смотри, смотри, братецъ! . опять зацѣпилъ шпорами... Ну! вотъ тебѣ и разъ!.. Да подними его, Ильменевъ! Видишь, онъ справиться не можетъ.

— О, Господи Боже мой!.. — сказалъ Ладушкинъ, вставая при помощи Ильменева, - въ пятый разъ сегодня! Да позвольте мнѣ, Николай Степановичъ, не носить этихъ проклятыхъ зацѣпъ.

— Что ты, братецъ! гдѣ видано? Адъютантъ безъ шпоръ! Да это курамъ будетъ на смѣхъ. Привыкнешь!

— Такъ нельзя ли меня совсѣмъ изъ адъютантовъ-то прочь, батюшка!

— Оно, конечно какой ты адъютантъ! Тутъ надобенъ проворъ. Вотъ дѣло другое Ильменевъ: онъ человѣкъ военный; да грамотѣ-то мы съ нимъ плохо знаемъ. Ну, что жъ приказъ?

— Вотъ, сударь, готовъ; извольте прочесть.

— Давай!.. Пароль... лазунгъ... отзывъ... Хорошо! Что это?.. Воина третьей сотни Ивана Лосева за

злостное похищеніе одного индѣйскаго пѣтуха и двухъ поросятъ выколотить завтрашняго числа передъ фрунтомъ палками. Дѣло! господинъ полковой командиръ изъявляетъ свою совершенную признательность господину пятисотенному начальнику Буркину.

— За что?

- За найденный вами порядокъ и примѣрное устройство находящихся подъ командой его пяти сотенъ.

— Да, да! совсѣмъ забылъ: вѣдь я назначилъ сегодня смотръ; но надобно прежде взглянуть, а тамъ ужъ сказать спасибо.

— Онъ съ полчаса дожидается, — сказалъ Ильменевъ. — Извольте-ка взглянуть въ окно; посмотрите, какъ онъ на своемъ Султанѣ гарцуетъ передъ фронтомъ.

— Пойдемте же, господа! Гей, Заливной! саблю, фуражку!

Пжорскій, бранѣвшій саблю, вышелъ въ сопровожденіи адъютанта и казначея за ворота. Человѣкъ до пятисотъ воиновъ съ копьями, выстроенные въ три шеренги, стояли вдоль улицы; всѣ офицеры находились при своихъ мѣстахъ; а Буркинъ на лихомъ перецкомъ жеребцѣ рисовался передъ фронтомъ.

— Смирно! — закричалъ онъ, увидя выходящаго изъ воротъ полковника.

— Хорошо! — сказалъ Пжорскій важнымъ голосомъ. — Фронтъ выровненъ, стоятъ по ранжиру... хорошо!

Слушай! — заревѣлъ Буркинъ. — Шапки долой!

- Хорошо! — повторилъ Пжорскій; — всѣ въ одинъ темпъ, по командѣ... очень хорошо!

— Господинъ полковникъ! — продолжалъ Буркинъ, подскакавъ къ Пжорскому и опустивъ свою саблю.

— Тише, братецъ, тише! Что ты? задавишь!

— Господинъ полковникъ!..

— Да чортъ тебя возьми! Что же на меня лѣзешь?

— Честь имѣю рапортовать, что при командѣ состоитъ все благополучно: двое рядовыхъ занемогли, одинъ урядникъ умеръ...

— Хорошо, очень хорошо!.. Да осади свою лошадь, братецъ!.. Э! постой! кто это ѣдетъ на парѣ? Никакъ Терёшка? Такъ и есть! Ну что, братъ, гдѣ Волгинъ?

— Изволилъ остаться въ Москвѣ, — отвѣчалъ слуга, спрыгнувъ съ телѣги, которая остановилась противъ избы.

— А скоро ли будетъ назадъ?

— Не могу доложить. Онъ послалъ меня еще вчера вечеромъ; да помѣха сдѣлалась.

— Что такое?

У самаго Растопина выпрягли у меня лошадей, говорятъ, будто подъ казенные обозы — не могу сказать. Кой-какъ сегодня, и то уже послѣ обѣда, нанялъ эту пару; да что за клячи, сударь! насилу дотащился.

— Ну, что слышно новаго?

Николай Степановичъ! - сказалъ Ладушкинъ, — позвольте доложить: здѣсь не мѣсто...

— Да, да, въ самомъ дѣлѣ! Господинъ пятисотенный начальникъ! извольте распустить вашу команду, да милости прошу ко мнѣ на чашку чая; а ты ступай за нами въ избу.

— Слушай! — заревѣлъ опять Буркинъ. — Шапки надѣвай! Господа офицеры! разводите ваши сотни по домамъ. Тише, ребята, тише! не шумѣть! смирно!

Черезъ нѣсколько минутъ изба, занимаемая Пжорскимъ, наполнилась ополченными офицерами; вмѣстѣ съ Буркинымъ пришли почти всѣ сотенные начальники, засѣли вокругъ стола, и господинъ полковникъ, подозвавъ Терёшку, повторилъ свой вопросъ:

— Ну что, братецъ, что слышно новаго?

— Да что, сударь! говорятъ, французы идутъ прямо на Москву.

— А гдѣ наши войска?

— Не могу доложить.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ, — закричалъ Буркинъ, — Москвы отстаивать не будутъ и сдадутъ безъ боя?.. Безъ боя!.. Ну, какъ это можетъ быть?

— Эхъ, батюшка Григорій Павловичъ! прервалъ Ладушкинъ, — было бы чѣмъ отстаивать, и когда ужъ всѣ говорятъ...

— Анъ вздоръ, не всѣ! Вчера какой-то бѣдный прохожій меня порадовалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что велѣно всему нашему войску сбираться къ Тремъ Горамъ.

— И вы, сударь, ему повѣрили? — спросилъ насмѣшливо Ладушкинъ.

— И повѣрилъ, и на водку далъ.

— Чай, двугривенный или четвертакъ? Вѣдь вы человѣкъ тароватый.

— Нѣтъ, на ту пору у меня мелочи не случилось.

— Что жъ вы ему дали? ужъ не цѣлковый ли?

— Нѣтъ, братецъ! я далъ ему синенькую — да еще какую? съ иголочки, такъ въ рукѣ и хруститъ! Эхъ, подумалъ я, была не была! На, братъ, выпей за здоровье московскаго ополченія да помолись Богу, чтобъ мы безъ работы не остались.

— Пять рублей! — повторилъ про себя Ладушкинъ. Ну, подлинно: глупому сыну не въ помощь богатство!

— И въ Москвѣ объ этомъ народъ толкуетъ, — сказалъ слуга. — Да вотъ я привезъ съ собой афишку, которую вчера по городу разносили.

— Что жъ ты, братецъ! — закричалъ Пжорскій; — давай сюда!.. Постой-ка! подписано: графъ Растопчинъ. Г. адъютантъ! — продолжалъ онъ, — извольте прочесть ее во услышаніе всѣмъ!

Ладушкинъ взялъ афишу, напечатанную на небольшой четверкѣ, и началъ читать слѣдующее:

„Братцы, сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество.. Не пустимъ злодѣя

въ Москву; но должно пособить и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать! Москва — наша мать; она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ — и конные и пѣшіе; возьмите только на три дня хлѣба, пшите со крестомъ. Возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменемъ сбирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами, и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ Вышнихъ — кто не отстанетъ! Вѣчная память — кто мертвый ляжетъ! Горе на страшномъ судѣ — кто отговариваться станетъ!“

— Ну, вотъ! — вскричалъ Буркинъ, — вѣдь прохожій-то правду говорилъ. Эхъ, жаль, что я не далъ ему красненькой.

— Однакожъ, — замѣтилъ Пльменевъ, — въ этомъ листкѣ о московскомъ ополченіи ни слова не сказано.

— Да неужто ты думаешь, — возразилъ Буркинъ, что когда другіе полки нашего ополченія присоединены къ арміи, мы станемъ здѣсь сидѣть, поджавши руки?

— Прикажутъ, такъ и мы пойдемъ, — сказалъ Пжорскій.

— А безъ приказа соваться не надобно, — промолвилъ Ладушкинъ.

— Дай-то Господи, чтобъ приказали, — продолжалъ Буркинъ. — Что, господа офицеры, неужели и васъ охота не забираетъ подраться съ этими супостатами? Да нѣтъ! по глазамъ вижу, вы всѣ готовы умереть за матушку-Москву, и ужъ вѣрно изъ васъ никто назадъ не попятится?

— Назадъ? Что вы, Григорій Павловичъ? — сказалъ одинъ, вершковъ двѣнадцати, широкоплечій сотенный начальникъ. Нѣтъ, батюшка! не за тѣмъ пошли. Да я своей рукой зарѣжу того, кто шагъ назадъ сдѣлаетъ.

— Слышишь, братъ Ладушкинъ? — сказалъ Бур-

кинъ; — а съ нимъ шутки-то плохія: вѣдь онъ одинъ на медвѣдя ходитъ.

- Оно такъ, сударь! — возразилъ Ладушкинъ, — да если бъ у насъ хоть ружья-то были!

— А слыхалъ ли ты, братъ, — прервалъ Буркинъ, — поговорку нашего славнаго Суворова: пуля дура, а штыкъ молодецъ.

— Да гдѣ у насъ штыки-то?

— Вотъ еще что? А чѣмъ рогатина хуже штыка?

— И, конечно, не хуже, — подхватилъ сотенный начальникъ. — Бывало хватишь медвѣдя подъ лопатку, такъ и онъ долго не навертится, а какой-нибудь поджарый французъ...

— Постойте-ка, господа! — сказалъ Пжорскій, — никакъ гость къ намъ ѣдетъ. Такъ и есть — гусарскій офицеръ! Ильменевъ! — ступай и проси его.

— Охъ мнѣ эти кавалеристы! — сказалъ вполголоса Ладушкинъ. — Въ грошъ не ставятъ нашего брата.

— Да, есть тотъ грѣхъ, — промолвилъ сотенный начальникъ. — Они насъ и за военныхъ-то не считаютъ.

— А вы бы, господа, по-моему, — сказалъ Буркинъ. — Если отъ меня кто рыло воротитъ, такъ и я на него не смотрю. Велика фигура — гусарскій офицеръ!.. Послушай-ка, Ладушкинъ, — продолжалъ Буркинъ, поправляя свой галстукъ, — подтяни, братъ, портупею-то: видишь, у тебя сабля совсѣмъ по землѣ волочится.

— Милости просимъ, батюшка! — сказалъ Пжорскій, встрѣчая Зарѣцкаго, который, войдя въ избу, поклонился вѣжливо всему обществу: — милости просимъ! Не прикажете ли водки? Не угодно ли чаю или стаканчикъ пуншу? Да прошу покорно садиться. Подвинься-ка, Григорій Павловичъ.

— Покорно васъ благодарю — сказалъ Зарѣцкій, садясь въ передній уголъ между Пжорскимъ и Буркинымъ, — я выпью охотно стаканъ пуншу.

— Вотъ это по-нашему, по-военному, господинъ

офицеръ! — сказалъ Буркинъ. — Что за питье — чай безъ рома? А ромъ знатный — рекомендую, настоящій ямайскій!

— Мнѣ, право, совѣстно, — сказалъ Зарѣцкій, замѣтивъ, что одному офицеру не осталось мѣста на скамьѣ, — не стѣснилъ ли я васъ, господа?

— Помилуйте! — подхватилъ Буркинъ, — кому есть мѣсто, тотъ посидитъ; кому нѣтъ постоитъ. Вѣдь мы всѣ народъ военный, а межъ военными что за счеты! Не такъ ли, товарищъ? — продолжалъ онъ, обращаясь къ колоссальному сотенному начальнику, который молча закручивалъ свои густые усы.

Разумѣется, Григорій Павловичъ, мы люди военные. Дѣло походное, а въ походѣ и съ незнакомымъ человѣкомъ живешь подчасъ, какъ съ однокорытникомъ; что тутъ за вычуры? Не такъ ли, господинъ адъютантъ?

— Конечно, конечно, господинъ капитанъ!

— Позвольте мнѣ рекомендовать вамъ, — сказалъ Нжорскій. Это все офицеры моего полка; а это господинъ Буркинъ, мой пятисотенный... то-есть мой баталіонный командиръ.

— Очень радъ, что имѣю удовольствіе познакомиться. А ромъ у васъ въ самомъ дѣлѣ славный!

— Какъ не быть порядочнаго рома, — сказалъ Нжорскій, — у нашего брата — не бѣднаго помѣщика...

— И полкового командира, прибавилъ Буркинъ.

Позвольте спросить, продолжалъ Нжорскій, я вижу, вы ранены:—гдѣ это васъ прихватило?

— Подъ Бородинымъ.

— А теперь откуда изволите ѣхать?

— Изъ Москвы.

— Ну что, батюшка, — сбирается ли тамъ войско на Воробьевыхъ горахъ?

— Что слышно? — сказалъ Буркинъ, — на какомъ флангѣ будетъ стоять московское ополченіе?

— Поближе бы только къ французамъ,- промолвилъ сотенный начальникъ.

— Не оставятъ ли его въ резервѣ? спросилъ Ладушкинъ.

Я этого ничего не знаю, господа; напротивъ, кажется подъ Москвою вовсе не будетъ сраженія.

— Что вы! — закричалъ Буркинъ, — такъ вы поэтому не видѣли московской афиши? Вотъ она, прочитте-ка!

— Странно! - сказалъ Зарѣцкій, прочтя прокламацію московскаго генералъ-губернатора. Судя по этому, должно думать, что подъ Москвою будетъ генеральное сраженіе; и если бъ я зналъ это навѣрное, то непремѣнно бы воротился; но, кажется, движенія нашихъ войскъ доказываютъ совершенно противное.

— Это какая-нибудь военная хитрость, — сказалъ Пжорскій.

— Вѣрно! - заревѣлъ Буркинъ. Знаете ли что? Москва-то приманка. Свѣтлѣйшій хочетъ заманить въ нее Наполеона, какъ волка въ западню. Лишь онъ подойдетъ къ Москвѣ, такъ народъ выступитъ къ нему навстрѣчу, армія нахлынетъ сзади, мы нагрянемъ съ поперeку, да какъ начнемъ его со щеки на щеку...

- Sapristie quelle omelette! вскричалъ, захохотавъ во все горло, Зарѣцкій.

— Что это, братъ? - шепнулъ Буркинъ сотенному начальнику,—по-каковски онъ это заговорилъ?

— Ужъ не французъ ли онъ? сказалъ великанъ, взглянувъ исподлобья на Зарѣцкаго. Чего добраго: у него и ухватки-то всѣ не русскія.

— Нѣтъ, братецъ! вѣрно какой-нибудь матушкинъ сынокъ и выросъ на французскомъ языкѣ; вѣдь эти кавалеристы народъ все модный — съ вычурами.

М. Н. Загоскинъ.

Волкъ на псарнѣ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.
Псари кричатъ: „Ахти, ребята, воръ!“
И вмигъ — ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
„Огня! — кричатъ, — огня!“ Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть.
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я — вашъ старинный сватъ и кумъ.
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ,
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...“ — Послушай-ка, сосѣдъ, —
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ. —
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой. —
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Петербургское ополченіе.

Выступивъ изъ Петербурга 5-го сентября, мы на другой день только узнали о взятіи Москвы. Печаль наша была невыразима. Въ Александровъ день знакомцы, поздравляя насъ съ одержанною побѣдою, говорили, что ополченіе совсѣмъ сдѣлалось ненужнымъ. Теперь же мы чувствовали, что идемъ просто на убой, потому что вели на подкрѣпленіе Витгенштейна всего 15.000 человѣкъ и 48 пушекъ. Весь отрядъ нашъ для спасенія столицы состоялъ изъ 14 дружинъ (по 800 человѣкъ) петербургскаго ополченія и 7 дружинъ новгородскаго; да, сверхъ того, два регулярныхъ полка (Воронежскій и Калужскій) и показанное число орудій, тогда какъ о силахъ Наполеона имѣли самыя преувеличенныя понятія. Намъ казалось тогда, что помощь наша будетъ слишкомъ незначительна, что мы только обязаны будемъ «лечь костьми». Будущаго никто не предвидѣлъ.

Путь нашъ продолжался ровно мѣсяцъ: 5-го сентября выступили мы, а 6-го октября попали въ огонь. Походная жизнь была очень однообразна. Вставали по барабану около 6-ти часовъ утра. Дѣлали первый привалъ черезъ десять верстъ, и я помню, что въ продолженіе этого перваго перехода я на ходьбѣ спалъ и видѣлъ сны. Это была физіологическая рѣдкость, но я узналъ, что и другіе имѣли ту же способность. На первомъ привалѣ мы завтракали гречневой кашицей и, отдохнувъ, снова пускались въ путь. Второй переходъ тоже былъ около 10 верстъ, и тутъ мы уже полдничали, ужинъ былъ уже послѣ третьяго перехода. Случалось намъ дѣлать и больше 30-ти верстъ въ день.

Маршрутъ нашъ былъ черезъ Великіе Луки, и намъ

Бибиковъ, нач. С.-ПБ. ополченія.

БИБЛІОТЕКА

позволено было отдохнуть два дня въ этомъ городѣ. Жители приняли насъ лучшимъ образомъ, такъ что на рынкѣ и въ лавкахъ не хотѣли съ насъ ничего брать.

«– Вы идете за насъ сражаться, – говорили намъ,— такъ ужъ мы, конечно, обязаны жертвовать вамъ своимъ товаромъ».

Совѣстно было, конечно, и брать что-нибудь, но артельный нашъ поваръ не чувствовалъ этой совѣстливости и кормилъ насъ отлично на счетъ города.

Зато, когда мы перешли старинную границу Польши, то увидѣли чрезвычайную разницу въ жителяхъ. Часть помѣщиковъ состояла изъ поляковъ, которые ожидали, что Наполеонъ возстановитъ Польшу. Они всѣ обнаруживали къ намъ самое враждебное расположеніе, и со мною произошелъ печальный случай. Почти всѣ поляки говорили по-французски, а въ рядахъ ополченія было очень мало офицеровъ, которые знали этотъ языкъ. Городъ Невель далъ намъ, однако, праздникъ, но за обѣдомъ всѣ поляки говорили по-французски и, разумѣется, ругали русскихъ. Я вслушался въ разговоры и вспылилъ противъ этихъ выходокъ; мой полковникъ тоже обругалъ съ своей стороны Наполеона, и изъ этого вышла печальная исторія. Полковникъ донесъ бригадному генералу, тотъ корпусному, и болтуновъ, ругавшихъ Россію, забрали и засадили. Впослѣдствіи мы узнали, что ихъ судили военнымъ судомъ и, говорятъ, нѣкоторыхъ разстрѣляли. А такъ какъ мое знаніе французскаго языка надѣлало все это, то я далъ себѣ слово впередъ быть осторожнѣе.

Слѣдующіе дни послѣ Великополья были чрезвычайно дождливые, и на насъ не было сухой нитки. Но намъ не велѣно было разводить огней, и только подъ вечеръ мы выступили дальше. Пройдя не болѣе 10 верстъ, открылась намъ великолѣпная картина. Весь горизонтъ былъ въ огнѣ. Мы пришли въ главный лагерь графа Витгенштейна. Шумъ, говоръ, бѣготня по-

разили насъ. Всѣ занимались приготовленіями на завтра, то-есть къ сраженію, и мы впервые увидѣли русскаго солдата, съ какимъ равнодушіемъ и оживленіемъ онъ готовится къ битвѣ. Мы слышали, что въ главной арміи носили икону Божіей Матери по рядамъ, но здѣсь, у Витгенштейна, ничего подобнаго не было. Насъ встрѣтили очень ласково и совѣтовали лечь и уснуть, чтобы со свѣжими силами начать завтра битву.

Какъ ни тревожны должны быть думы у каждаго наканунѣ подобнаго дня, но мы всѣ очень хорошо спали, грѣясь у разложенныхъ костровъ. Только барабанный бой на зарѣ разбудилъ насъ. Утро было ясное, солнечное, съ небольшимъ морозцемъ. День 6-го октября слишкомъ памятенъ для всего ополченія. Витгенштейнъ только насъ и поджидалъ, чтобы дать сраженіе, и, несмотря на превосходство непріятельскихъ силъ и на неопытность ополченія, чувствовать необходимость начать наступательныя дѣйствія.

Я не буду входить въ стратегическіе планы Витгенштейна. Онъ стоялъ на правомъ берегу Двины. Надобно было перейти черезъ нее, а это была очень мудреная задача. Корпусъ барона Штейнгеля могъ, конечно, помочь намъ, но онъ стоялъ по ту сторону рѣки, и французскій маршалъ (Сенъ-Сиръ) могъ подавить его. Мы съ своей стороны были удерживаемы рѣкою Полотою, которой подступы всѣ были сильно укрѣплены. Но все это не касалось до насъ: мы должны были драться и надѣялись на русскій штыкъ, какъ наше главное оружіе.

Наша колонна двинулась отъ деревни Юревичъ черезъ лѣсъ и должна была тащить на себѣ 48 пушекъ; по осеннимъ дорогамъ тяжесть была не маловажная, и мы не раньше, какъ къ полудню, успѣли выбраться изъ лѣса.

Сраженіе давно уже началось. Мы видѣли, какъ мимо насъ неслись кавалерійскія атаки, и съ побольше-

свомъ смотрѣли на это новое для насъ зрѣлище. Первая убитая лошадь произвела на насъ довольно непріятное чувство. Она зализывала свою рану и, кажется, осуждена была умереть.

Наконецъ мы вышли изъ лѣса, и появленіе наше на поле битвы было привѣтствовано нѣсколькими ядрами. Первое ядро, пролетѣвшее черезъ наши головы, заставило насъ невольно присѣсть и посмотрѣть другъ на друга. Подскакавшій адъютантъ приказалъ намъ итти впередъ, и мы двинулись развернутымъ фронтомъ. Второе, третье ядро заставило насъ остановиться. Инстинктъ самосохраненія говорилъ, что жизнь наша въ опасности, но полковникъ кричалъ намъ: «впередъ!» и мы повиновались автоматически.

Другой подскакавшій адъютантъ велѣлъ намъ выслать стрѣлковъ, и такъ какъ у насъ заранѣе уже было распредѣлено, кому итти, то я и мой товарищъ Гротенъ собрали вокругъ себя 96 человѣкъ, съ которыми пошли впередъ. Я слышалъ отъ знающихъ людей, что быть въ стрѣлкахъ гораздо лучше, нежели во фронтѣ, потому что раны отъ пули не такъ опасны, какъ отъ ядеръ и картечи.

Но прежде, нежели мы успѣли сдѣлать движеніе, насъ уже атаковали французы, прорвали нашъ фронтъ и перекололи многихъ. Адъютантъ нашъ Разумовъ былъ раненъ въ животъ, а старшій подполковникъ Стрекачевъ, раненый въ ногу, лежалъ и защищался шпагою отъ ударовъ прикладомъ, ругаясь за то, что съ него стащили серебряный шарфъ. Но эта минутная стычка была намъ какъ бы урокомъ. Прорвавшихся непріятелей убили, и полковникъ снова закричалъ мнѣ: «стрѣлки! впередъ!»

Мы двинулись. Передъ нами были кирпичные шанцы, изъ которыхъ французы уже были прогнаны дѣйствіемъ нашей артиллеріи. Мы прошли эти шанцы и вступили на поле, съ котораго спѣшная французская

батарея обстрѣливала окрестность. Полковникъ, отправляя меня съ Гротеномъ, не далъ намъ никакихъ наставленій, что дѣлать и куда итти. Но съ нами былъ одинъ старый унтеръ-офицеръ, и онъ совѣтовалъ обойти батарею, чтобы взять ее съ тыла. Мы послушались, но когда обошли, то увидѣли, что она подъ прикрытіемъ цѣлаго батальона, и мы тотчасъ же отступили.

Впрочемъ насъ не преслѣдовали, и мы спокойно воротились въ свои кирпичные шанцы.

Огромная кавалерійская колонна летѣла на насъ. Это была знаменитая атака того дня, которая, прорвавъ нашу линію, едва не захватила въ плѣнъ самого графа Витгенштейна. Оставшись одинъ командиромъ своего отряда, я велѣлъ ему производить безпрестанный огонь по этой безчисленной колоннѣ враговъ, въ которой многіе пали отъ выстрѣловъ моихъ стрѣлковъ, но которая не подъѣзжала ко мнѣ, потому что кирпичные шанцы защищали меня. Но когда вся колонна проскакала, задній эскадронъ скомандовалъ въ атаку на мою группу стрѣлковъ, и, видя нашу малочисленность, начальникъ эскадрона подъѣхалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ сдаться.

Я ему отвѣчалъ чистымъ французскимъ ругательствомъ на это предложеніе, говоря, что русскіе не сдаются, а умираютъ.

Начался самый неравный бой. Противники наши были латники, и наши пули могли ихъ ранить только въ не защищенныя мѣста.

Sabrez-moi cette canaille (изрубите мнѣ эту сволочь), сказалъ командиръ латниковъ, — et rejoignez moi au plus vite (и поспѣшите меня догнать), и ускакалъ.

Началась ожесточенная драка, но только не въ нашу пользу. Всѣ мои ратники были зарублены. Я остался послѣдній, и со мною дѣло очень скоро кончилось. Четырехъ ударовъ въ голову достаточно было, чтобы свалить меня, и тогда посыпались на меня дополнитель-

ные удары безъ числа. На мнѣ былъ весь мой гардеробъ, то-есть мундиръ, сюртукъ, а подъ низомъ еще шубка, надѣвавшаяся въ рукава. Сверхъ того, на мнѣ былъ ранецъ съ моимъ бѣльемъ. Все это было искрошено сабельными ударами. Помню послѣдній ударъ. Я уже лежалъ на землѣ, спиною кверху, и одинъ всадникъ ткнулъ меня съ лошади палашомъ въ спину. Это былъ самый болѣзненный ударъ, потому что пришелся въ спинную кость. По впослѣдствіи при дѣтскомъ моемъ самолюбіи я всегда тщательно скрывалъ эту послѣднюю рану. Какъ было сказать, что я раненъ въ спину? Это было стыдно. По формуляру моему значатся десять ранъ, изъ которыхъ четыре въ голову, а другія по разнымъ частямъ тѣла.

Нѣсколько времени пролежалъ я на землѣ, но, взглянувъ около себя, увидѣлъ, что всѣ латники уже ускакали. Тогда я приподнялся и, чувствуя, что по лицу моему течетъ кровь изъ головы, развязалъ свой шарфъ (а онъ былъ нитяный) и обвертѣлъ имъ свою голову. Почувствовавъ же головокруженіе, прилегъ на кирпичъ и уснулъ.

Сонъ мой, конечно, былъ бы вѣчный, если бъ наша дружина вся не двинулась впередъ и не нашла нашихъ тѣла на мѣстѣ пораженія. Меня узнали товарищи, разбудили, я очнулся, и полковникъ велѣлъ отнести меня на перевязочный пунктъ. Два латника понесли меня, но и тутъ произошелъ несчастный случай. Тотъ, который несъ меня, былъ убитъ ядромъ и опустилъ меня на землю. Я вскрикнулъ отъ боли, но товарищъ его объяснилъ мнѣ, отчего тотъ уронилъ меня. Надобно было подозвать еще другого, и меня, наконецъ, принесли. Пришелъ докторъ, осмотрѣлъ мои раны, наложилъ на нихъ груду корпи и пошелъ дальше, но я остановилъ его и просилъ осмотрѣть мою ногу. Она была рашена навѣснымъ пистолетнымъ выстрѣломъ всадника, хотѣвшаго покончить со мною. Исторія сапога была самая болѣзненная.

— Я сейчасъ принесу инструменты и отниму у васъ ногу, — сказалъ докторъ и ушелъ.

Мысль остаться безъ ноги мучила меня. Остаться калѣкою было очень непріятно, и потому, когда явился другой врачъ и спросилъ: осматривали ли васъ? — я отвѣтилъ, что осматривали, но просилъ осмотрѣть мою ногу, нужно ли ее отпиливать. Тотъ осмотрѣлъ и сказалъ, что совсѣмъ не нужно.

Воротился и прежній врачъ, и между ними произошелъ нѣмецкій разговоръ, въ который вмѣшался и я, умоляя оставить мнѣ ногу.

— Пожалуй, мнѣ все равно, — сказалъ первый врачъ.

И такимъ образомъ я остался съ ногою.

День клонился уже къ вечеру. Около насъ лежали сотни раненыхъ и развели костры. Видя мое страдальческое положеніе, одинъ кашеваръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, не хочу ли я поужинать.

— Спасибо, братецъ, — отвѣчалъ я. — А что у тебя есть?

— Да, кромѣ каши, чему у насъ быть, ваше благородіе?—И онъ мнѣ подноситъ свою манерку съ жидкою кашицею.

Видъ ея былъ вовсе не привлекателенъ. Посрединѣ торчалъ огарокъ сальной свѣчки.

— Что это, братецъ? Зачѣмъ? — спросилъ я.

— Да такъ, для скуса, — отвѣчалъ онъ.

И я, несмотря на все благовоніе, принялся за эту кашицу, потому что со вчерашняго вечера ничего не ѣлъ.

— Спасибо, что накормилъ, — сказалъ я. — Что же тебѣ за это надобно?

— Какъ можно, ваше благородіе, что-нибудь брать за это, — отвѣчалъ кашеваръ, и я, поблагодаривъ его, спокойно уснулъ и проспалъ до утра.

Сильная пальба разбудила меня. Сраженіе 6-го октября возобновилось и на другой день, и къ вечеру мы узнали, что Полоцкъ былъ взятъ.

Насъ же отправили опять въ Юревичи, гдѣ уже на другой только день вновь осмотрѣли всѣхъ раненыхъ. Операція со мною была самая болѣзненная. Надобно было подбрить всѣ окраины ранъ, и, разумѣется, бритва безпрестанно задѣвала за нихъ. Но я вытерпѣлъ, и докторъ объявилъ мнѣ, что раны мои не опасны и черезъ мѣсяцъ я опять могу итти на службу.

Въ этотъ же день пріѣхалъ къ намъ исправляющій должность адъютанта и разспросилъ всѣхъ о подробностяхъ сраженія. Я разсказалъ все, что со мною было и что потомъ внесено въ формуляръ.

Черезъ четыре мѣсяца вышли намъ награды за это сраженіе. Онѣ были валовыя. Офицеры, не имѣвшіе орденовъ, получили орденъ Анны 3-й степени; штабъ-офицеры получили владиміре кіе кресты, а дружинные начальники георгіевскіе. Были нѣкоторыя исключенія, но гдѣ же ихъ не бываетъ? Протекція вездѣ существуетъ. Такъ, напримѣръ, титулярный совѣтникъ Мордвиновъ получилъ Владиміра за то, что перенесъ своего роднаго дядю генералъ-майора съ поля сраженія на перевязочный пунктъ. Зато другой товарищъ нашъ, Литвиновскій, получилъ тотъ же крестъ за то, что первый перешелъ черезъ мостъ на Полотѣ подъ градомъ пуль и картечей.

Обо мнѣ было потомъ много писано, и моя цыфра десяти ранъ прославила меня, но ясно, что я ровно ничего не сдѣлалъ, а только далъ себя изрубить и не сдался.

Любопытно, что изъ шестнадцати офицеровъ въ дружинѣ только одинъ полковникъ Черновъ не получилъ ни одной раны. Всѣ прочіе были ранены, а ужъ, конечно, онъ не берегъ себя. Убитъ былъ одинъ адъютантъ Разумовъ и безъ вѣсти пропалъ одинъ.

Не могу безъ особеннаго чувства благодарности вспомнить, что когда насъ всѣхъ отвезли въ Полоцкъ и помѣстили на временную квартиру, въ которой была

всего одна кровать, то вся дружина раненыхъ объявила, что уступаетъ мнѣ это почетное мѣсто, тогда какъ всѣ были старше меня по чину. Это было для меня самое лестное доказательство добраго расположенія ко мнѣ моихъ сотоварищей.

Недѣли черезъ три закрылись всѣ мои раны, и товарищи уговорили меня сходить съ ними въ русскую баню. Я былъ страстный охотникъ до этого удовольствія, но на этотъ разъ поплатился за него. Я еще не снималъ всѣхъ своихъ головныхъ перевязокъ, и едва вздумалъ попариться, какъ почувствовалъ, что кровь течетъ по лицу моему. Товарищи перепугались и увезли меня домой, а явившійся докторъ прижегъ мнѣ лапписомъ всѣ мои раны и заставилъ полѣчиться еще недѣли двѣ, такъ что я не прежде ноября отправился опять въ армію.

Въ продолженіе нашего странствованія совершилось много важныхъ дѣлъ: сраженіе подъ Чашниками, подъ Смолянами и наконецъ Березинская переправа, послѣ которой со стороны русскихъ надобно было только догонять враговъ. И когда мы стали подходить къ Вильнѣ, то могли видѣть весь ужасъ этого преслѣдованія. Каждый почлегъ французовъ обозначался замерзшими трупами, и преслѣдователи не заботились даже, живъ ли кто изъ этихъ несчастныхъ. Помню, что подъ самою Вильною догнали мы какъ-то французскаго офицера, который шатался отъ безсилія и наконецъ упалъ. Мы его подняли, привели въ чувство и спросили, куда онъ идетъ.

— Въ Вильну, — отвѣчалъ онъ. — Тамъ наша главная квартира, и тамъ окончатся наши страданія.

Эти несчастные все еще воображали, что армія ихъ существуетъ. Мы его накормили и сдали въ Вильнѣ въ госпиталь.

Записки Р. М. Зотова.

Обозъ.

Съ горшками шелъ обозъ.
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая,
А Лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите, лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! Криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору,
А то и подъ гору и днемъ!
Смотрѣть — такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Небойсь, минуты не потратимъ
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!“
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась;
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ,
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки;
Лѣвѣй, лѣвѣй и съ возомъ — бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ,
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

Битва партизановъ съ фуражирами.

— Французы, французы! — загремѣли сотни голосовъ на улицѣ. Всѣ бросились опрометью изъ избъ, и въ одну минуту густая толпа окружила колокольню.

— Эй, Андрюша! гдѣ французы? — спросилъ сотникъ.

— Вонъ тамъ у дальней засѣки, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Много ли ихъ?

— Много, Парамонычъ! и конныхъ и пѣшихъ видимо-невидимо.

— Ну, ребята! — сказалъ сержантъ, — смотрите, стоять грудью за нашу матушку святую Русь и вѣру православную.

— Стоять-то мы рады, — прервалъ сотникъ, — да слышишь, Кондратій Пахомычъ — ихъ идетъ несмѣтная сила?

— Такъ что жъ?

— Не одолѣешь, кормилецъ! много ли насъ?

— Да и французовъ-то вѣрно не больше, — сказалъ Рославлевъ; — они растянулись по дорогѣ, такъ издали кажется, что ихъ много.

— Охъ, батюшка, — подхватилъ Терентій, — хитры они, злодѣи! не попьютъ мало. Вѣдь они, басурманы, ужъ давно до насъ добираются.

— Ну, православные!.— сказалъ Пахомычъ, — говорите, что дѣлать?

Ни одинъ голосъ не отозвался на вопросъ сотника.

Партизанъ Фигнеръ.

(Рис. каранд. В. А. Тропинина.)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Всѣ крестьяне поглядывали молча другъ на друга, и на многихъ лицахъ ясно изображались недоумѣніе и робость...

— Эхъ, худо дѣло! — шепнулъ сержантъ. — Ваше благородіе! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Рославлеву, — не принять ли вамъ команды? Вы человѣкъ военный, такъ авось это нашихъ ребятъ поокуражитъ. Эй, братцы, сюда! слушайте его благородія!

— Друзья, — сказалъ Рославлевъ, — чего хотите вы? Покориться ли злодѣямъ нашимъ или биться съ ними до послѣдней капли крови?.. Ну, что жъ вы молчите?

— Да вотъ что, — сказалъ одинъ крестьянинъ, — Андрюха-то говоритъ, что ихъ больно много.

— Такъ что жъ, ребята, — подхватилъ семинаристъ, — хоть покоримся, хоть нѣтъ, а все намъ отъ ихъ милости никакой не будетъ: мало ли мы ихъ передушили!

— Вѣстимо, — сказалъ отставной солдатъ, — мы имъ пардону не давали, такъ и они намъ не дадутъ.

— А если бъ и дали, — возразилъ Рославлевъ, — такъ не грѣшно ли вамъ будетъ выдать руками женъ и дѣтей вашихъ? Эхъ, братцы! ужъ если вы начали служить вѣрой и правдой царю православному, такъ и дослуживайте! Что намъ считать, много ли ихъ? Наше дѣло правое — съ нами Богъ!

— А съ ними чортъ! — заревѣлъ Ерема. — Что въ самомъ дѣлѣ, драться такъ драться.

— Такъ за мной, православные! — воскликнулъ отставной солдатъ. — Ура! за батюшку царя и святую Русь!

— Ура! — подхватила вся толпа.

— Весь въ покойника! — шепталъ потихоньку сержантъ, глядя на Рославлева; — какъ двѣ капли воды!

— Теперь слушайте, ребята! — продолжалъ Рославлевъ. — Ты, я вижу, господинъ церковникъ, молодецъ!

Возьми-ка съ собой человѣкъ пятьдесятъ съ ружьями да засядь вонъ тамъ въ кустахъ, за болотомъ, около дороги, и лишь только непріятель васъ минуетъ...

— Такъ мы вдогонку и откроемъ по немъ огонь? Понимаю, господинъ офицеръ. Это въ родѣ тѣхъ засадъ, о коихъ говоритъ Цезарь въ комментаріяхъ своихъ de bello Galliko...

— Да полно, Александръ Дмитричъ! — закричалъ сержантъ. — Экъ тебѣ неймется!

- Ты, служивый, и ты, молодецъ, — продолжалъ Рославлевъ, обращаясь къ отставному солдату и Еремѣ, — возьмите съ собой человѣкъ сто также съ ружьями, ступайте къ рѣкѣ, разломайте мостъ, и когда французы станутъ переправляться въ бродъ...

— То мы изъ-за деревьевъ пустимъ по нимъ такую дробь, — прервалъ солдатъ, — что имъ и небо съ овчинку покажется.

— А мы съ тобой, сослуживецъ моего батюшки,— промолвилъ Рославлевъ, взявъ за руку сержанта, — съ остальными встрѣтимъ непріятеля у самой деревни. и если я отступлю хоть на шагъ, такъ назови мнѣ по имени прежняго твоего командира, и ты увидишь — сынъ ли я его! Ну, ребята, съ Богомъ!

Крестьяне, зарядивъ свои ружья, отправились въ назначенныя для нихъ мѣста, и на лугу осталось не болѣе восьмидесяти человѣкъ, вооруженныхъ по большей части дубинами, топорами и рогатинами. Къ нимъ вскорѣ присоединилось сотни три женщинъ съ ухватами и вилами. Ребятишки, старики, больные, однимъ словомъ, всякій, кто могъ только двигаться и поднимать руку, вооруженную чѣмъ ни попало, вышелъ на лугъ.

Въ глубокой тишинѣ, изрѣдка прерываемой рыданіями и молитвою, стояла вся толпа вокругъ церкви.

— Что, Андрюша? — закричалъ, наконецъ, сержантъ, — близко ли наши злодѣи?

— Близехонько, крестный! — отвѣчалъ съ колокольни мальчикъ; — на самомъ выгонѣ — вонъ уже поравнялись съ нашими, что засѣли на болотѣ; да они ихъ не видятъ... Впереди ѣдутъ конные... въ желѣзныхъ шапкахъ съ хвостами... Крестный! крестный! да на нихъ и одежа-то желѣзная!.. такъ отъ солнышка и свѣтитъ!.. Эва! сколько ихъ!.. Вотъ пошли пѣшіе... Эге! да народъ-то все мелкій, крестный! Наши съ ними справятся...

— То-то ребячья простота! — сказалъ сержантъ, покачивая головой. — Эхъ, дитятко! вѣдь они не въ кулачки пришли драться; съ пулей да штыкомъ бороться не станешь; да Богъ милостивъ!

— Кондратій Пахомычъ! — закричалъ мальчикъ, — они подъѣхали къ рѣчкѣ... остановились... вотъ человѣкъ пять выѣхало впередъ... стали въ кучку... Эхъ, какой верзила! Ну, этотъ всѣхъ выше!.. а лошадь-то подъ нимъ такъ и пляшетъ!.. Видно это ихъ набольшій...

Вдругъ вдали раздался залпъ изъ ружей, и вслѣдъ за нимъ загремѣли частые выстрѣлы по сю сторону рѣчки, на берегу которой стояли французы.

— Помогай, Господи! — сказалъ сержантъ, перекрестясь.

Крестный! — закричалъ мальчикъ, — наша взяла! Длинный-то упалъ съ лошади; вонъ и другіе стали падать... Да что это? Они не бѣгутъ!.. Вотъ и они принялись стрѣлять... Ну, все застлало дымомъ: ничего не видно.

Минутъ двадцать продолжалась жаркая перестрѣлка; потомъ выстрѣлы стали рѣже, раздался конскій топотъ, и мальчикъ закричалъ:

— Крестный, крестный! Никакъ нашихъ гонятъ назадъ!

— Впередъ, друзья! — воскликнулъ Рославлевъ; но въ ту же самую минуту показались на улицѣ бѣгущіе

безъ порядка крестьяне, преслѣдуемые французскими латниками.

— За мной, ребята, на паперть! — закричалъ Рославлевъ.

Сержантъ и человѣкъ тридцать крестьянъ, вооруженныхъ ружьями, кинулись вслѣдъ за нимъ, а остальные разсыпались во всѣ стороны. Непріятельская конница выскакала на площадь.

— Ну, братцы! — сказалъ Рославлевъ, — если злодѣи насъ одолѣютъ, то по крайней мѣрѣ не дадимся живые въ руки. Стрѣляйте по конямъ, да мѣтьте хорошенько!

Въ полминуты человѣкъ десять латниковъ слетѣло съ лошадей.

— Славно, дѣтушки! — вскричалъ сержантъ; — знатно! вотъ такъ!.. Саржируй! то-есть, заряжай проворнѣй, ребята! Ай да Герасимъ!.. другого-то еще!.. Смотри, вонъ этого-то, что юлитъ впереди!.. Свалилъ!.. Ну, молодецъ!.. Эхъ, братъ! въ фанаторійны бы тебя!..

Старикъ, — сказалъ вполголоса Рославлевъ, — думалъ ли ты на штурмѣ Измаила, что умрешь подлѣ сына твоего капитана?

— Авось не умремъ, — отвѣтилъ сержантъ; — Богъ милостивъ, ваше благородіе!

— Да, мой другъ! Онъ точно милостивъ! Страданія наши не будутъ продолжительны. Смотри!

Старикъ устремилъ свой взоръ въ ту сторону, въ которую показывалъ Рославлевъ: густая колонна непріятельской пѣхоты приближалась скорымъ шагомъ къ площади.

— Ребята, — сказалъ старый сержантъ, — стыдно и грѣшно старому солдату умереть съ пустыми руками: дайте и мнѣ ружье!

Вдругъ дикій, пронзительный крикъ пронесся отъ другого конца селенія, и человѣкъ двѣсти казаковъ, наклоня свои дротики, съ визгомъ промчались мимо

церкви. Въ одну минуту латники были смяты, пѣхота опрокинута, и въ то же время русское ура! загремѣло ьъ тылу французовъ; человѣкъ триста крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень и семинаристъ съ своимъ отрядомъ ударили въ разстроенаго непріятеля. Съ четверть часа, окруженные со всѣхъ сторонъ, французы упорно защищались; наконецъ болѣе половины непріятельской пѣхоты и почти вся конница легли на мѣстѣ, остальные положили оружіе.

Въ продолженіе сего короткаго, но жаркаго дѣла Рославлевъ замѣтилъ одного русскаго офицера, который, повидимому, командовалъ всѣмъ отрядомъ; онъ леталъ и кружился какъ вихрь впереди своихъ наѣздниковъ; лихой горскій конь его перепрыгивалъ черезъ кучи убитыхъ, топталъ въ ногахъ французовъ и съ быстротою молніи переносилъ его съ одного мѣста на другое. Когда сраженье кончилось и всѣхъ плѣнныхъ окружили цѣпью казаковъ, едва успѣвавшихъ отгонять крестьянъ, которые, какъ дикіе звѣри, рыскали вокругъ побѣжденныхъ, начальникъ отряда, окруженный офицерами, подъѣхалъ къ церкви. При первомъ взглядѣ на его вздернутый кверху носъ, черные густые усы и живые, исполненные ума и веселости глаза, Рославлевъ узналъ въ немъ, несмотря на странный полуказачій и полукрестьянскій нарядъ, стариннаго своего знакомца, который въ мирное время — вѣнецъ любви, вина и славы — обворожалъ друзей своей любезностью и добродушіемъ; а въ военное, какъ ангелъ-истребитель, являлся съ своими крылатыми полками, какъ молнія губилъ и исчезалъ среди враговъ, изумленныхъ его отвагой.

— Ты какъ попалъ сюда, Александръ? — спросилъ Рославлевъ.

— Это ты, — раздался знакомый голосъ на церковной паперти. — Ты живъ, мой другъ? Слава Богу! Рославлевъ обернулся — передъ нимъ стоялъ Зарѣцкій.

— Нечаянным, но самым натуральным образом! Проѣзжая недалеко отъ здѣшняго селенія, мы услышали перестрѣлку; нетрудно было догадаться, что это палятъ французскіе фуражиры. Мы пустились во всю рысь и, какъ видишь, подоспѣли въ самую пору. Жаль мнѣ ихъ, сердечные! Дрались, дрались, а не поживятся ни однимъ теленкомъ.

— Да неужели это въ самомъ дѣлѣ фуражиры? Ихъ что-то очень много.

— Цѣлый батальонъ пѣхоты и эскадронъ конницы.

— Кто жъ посылаетъ фуражировать такіе сильные отряды?

— Кто? Да французы. Ты живъ затворникомъ у своего Сезёмова и ничего не знаешь: имъ скоро придется давать генеральныя сраженія для того только, чтобъ отбить у насъ кулей десять муки.

М. Н. Загоскинъ.

Старостиха Василиса.

Путникамъ нѣсколько разъ попадались французскіе солдаты, но на русскаго офицера и на его денщика, одѣтыхъ во французскіе мундиры, никто не обращалъ вниманія: ихъ принимали за французовъ. Вблизи города Сычевска Смоленской губ. съ ними произошелъ очень курьезный случай: усталые, голодные, шли они по проселочной дорогѣ. Дорога шла лѣсомъ; направо и налѣво стояли высокія сосны; дѣло шло къ вечеру. Вдругъ на нихъ накочило десятка три бабъ, вооруженныхъ кольями и дубинами, которыя накинулись на нашихъ ни въ чемъ неповинныхъ путешественниковъ: ихъ по мундирамъ приняли за французовъ.

— Что вы, бабья команда, бѣлены что ли объѣлись, что вы присѣли?! — отбиваясь отъ бабъ, кричитъ Сидоръ.

Услыша русскую рѣчь, бабы присмирѣли.

— Да развѣ вы русскіе? — спросила у нихъ одна бабенка, съ недовѣріемъ посмотрѣвшая на молодого офицера и его денщика.

— А то кто? Знамо русскіе! Это ты, ворона, своихъ не признала, — огрызнулся Сидоръ.

— А одежина-то на васъ, кажись бы, не русская.

— Одежина не русская, зато душа россійская, — проговорилъ Сидоръ.

— Не вѣрьте, бабы, они «хранцузы»! — задорно крикнула одна бабенка.

— Они морочатъ насъ! — добавила другая.

— Лупи ихъ палками! — крикнула третья.

И нашимъ путешественникамъ не поздоровилось бы, если бы на ихъ счастье не выѣхала изъ лѣсу, верхомъ на сытой лошади, полная, красивая баба, лѣтъ 50-ти; въ одной рукѣ у нея была большая коса, а другой, вмѣстѣ съ возжами, она придерживала конецъ веревки, которой были связаны по рукамъ двое отрепанныхъ французовъ; это была извѣстная старостиха Василиса.

— Вотъ старостиха, пусть она разберетъ, — крикнули бабы и стали всѣ вмѣстѣ разсказывать ей, какъ онѣ поймали двухъ французовъ, говорящихъ по-русски.

— Говорите врозь, что вы глотку-то дерете, я ничего не разберу! — крикнула она на бабъ.

— Вы что за люди? — грубо обратилась она къ Полянову.

Я русскій офицеръ; прикажи своимъ бабамъ насъ не трогать.

— Ты, братъ, врешь! Русскій офицеръ не будетъ носить «хранцузскую мунипію», усмѣхаясь, проговорила Василиса.

— Говорю тебѣ, мы русскіе, и французскій мундиръ надѣли, спасая себя изъ плѣна.

— А коли ты русскій — перекрестись и покажи крестъ.

Поляновъ принужденъ былъ исполнить и то, и другое.

— Ну, теперь увѣрилась, глупая баба! — крикнулъ на старостиху разсерженный Сидоръ.

— А ты, старый песъ, не ругайся, а не то какъ разъ косою голову снесу! — крикнула на Сидора Василиса и для удостовѣренія заставила молодого офицера и его денщика разсказать подробно, зачѣмъ они нарядились въ басурманскую одежу. Когда Поляновъ объяснилъ ей все, то Василиса приказала ихъ отпустить.

— Прости, ваше благородіе, что мы маленько васъ задержали, ничего не сдѣлаешь, вонъ такое уже тяжелое время, — кланяясь Полянову, проговорила старостиха.

— Что ты будешь дѣлать съ этими несчастными? — проговорилъ Поляновъ, показывая на дрожавшихъ отъ страха связанныхъ французовъ.

— Въ городъ ихъ отправлю съ бабами, я всѣхъ плѣнныхъ въ городъ Сычевскъ сдаю.

То-то... Не убивай ихъ, — съ жалостью поглядывая на двухъ голодныхъ, общипанныхъ французовъ, сказалъ Поляновъ.

— Зачѣмъ убивать, мы не душегубы. Они не виноваты: изъ-подъ палки можетъ на войну шли... Вотъ, ее ли бы мнѣ словить ихняго Наполеона-антихриста, ужъ въ ту пору не сдобровать бы ему, злодѣю, снесла бы я ему башку моею острою косою.

— Они ѣсть хотятъ... Ты прикажи дать имъ поѣсть.

— Въ городѣ покормятъ. Эй, Дарья! — крикнула она. Выступила впередъ красивая молодая бабенка.

— Веди «хранцузовъ» въ городъ.

— Слушаю, — отвѣтила та.

Ну, мирить! — крикнула Василиса. — Прощай, баринъ, храни тебя Богъ! — И старостиха, окруженная своимъ отрядомъ, отправилась въ чащу лѣса выжидать враговъ.

Наши путники отправились далѣе, и едва прошли

верстъ десять, какъ на нихъ напали снова, только на этотъ разъ уже не бабы, а мужики, подъ командою отставного безрукаго унтера, который помахивалъ заржавленнымъ тесакомъ; большихъ трудовъ стоило Полянову увѣрить ихъ, что онъ и его денщикъ не французы, а русскіе, бѣжавшіе изъ французскаго плѣна. Поляновъ подробно объяснилъ имъ, почему на нихъ французскій мундиръ.

— А коли такъ, ваше благородіе, будь ты нашимъ командиромъ, — проговорилъ безрукій солдатъ.

— Я съ радостью готовъ быть вашимъ командиромъ, но я не могу этого сдѣлать: мнѣ надобно догнать мой полкъ, — возразилъ Поляновъ.

— Нѣтъ, баринъ, свой полкъ ты не догонишь, а къ французамъ въ лапы попадешь. Лучше будь нашимъ командиромъ, подъ моимъ начальствомъ есть сотни двѣ, да еще наберемъ сотни три. Съ такою дружиною мы смѣло на врага пойдемъ.

Поляновъ принужденъ былъ согласиться быть предводителемъ крестьянъ; вмѣсто французскаго мундира онъ надѣлъ на себя мужицкій суконный кафтанъ и высокую поярковую шляпу, подпоясался краснымъ кушакомъ, придѣлилъ французскую шпагу, за плечи навѣсилъ винтовку. Сидоръ тоже перерядился. Въ такомъ нарядѣ Поляновъ, окруженный толпой крестьянъ, направился въ большое село, откуда были мужики. На полянѣ около церкви безрукій унтеръ и Поляновъ стали разставлять мужиковъ въ шеренги, раздѣлили ихъ повзводно; однимъ взводомъ командовалъ Поляновъ, другой находился подъ командою безрукаго унтера.

Вотъ зазвонили въ колокола; широко растворились церковныя двери; священникъ и діаконъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи иконъ и хоругвей, вышли изъ церкви и направились къ крестьянамъ. Священникъ на приготовленномъ мѣстѣ совершилъ молебенъ съ водосвятіемъ, окропилъ идущихъ на брань мужи-

ковъ святой водой, осѣнилъ ихъ Животворящимъ Крестомъ и со слезами напутствовалъ ихъ краткимъ наставленіемъ. Толпа молодыхъ бабъ, старухъ и ребятишекъ стали прощаться, кто со своими мужьями, кто съ отцами, а кто съ сыновьями и братьями; послышались вопли и причитанія, по грубымъ, загорѣлымъ лицамъ мужиковъ текли крупныя слезы; нѣкоторыя молодыя бабы просили своихъ мужей взять ихъ съ собой бить «супостатовъ».

— Ну, прочь вы, бабья команда! Пора въ походъ, маршъ, маршъ! — командуетъ безрукій вошь.

Мужики глядятъ на церковь, на свое родное село, крестятся, пыле становятся на колѣни, цѣлуютъ землю, прощаются съ ней кормилицей и тихо, стройно идутъ умирать за родину, не щадя живота своего.

Д. С. Дмитріевъ.

Партизанскій набѣгъ.

Дурова проснулась, когда уже было совсѣмъ темно. Она оглядѣлась кругомъ, и ее поразили какія-то багровыя полосы на горизонтѣ. Она смотрѣла и не могла понять, что это такое. Заря, конечно, не можетъ быть такою багровою. Это не заря — это что-то зловѣщее, невиданное: это зарево огня, зарево пожаровъ... Это далеко гдѣ-то горитъ, и горитъ не въ одномъ мѣстѣ, а на далекомъ разстояніи. Огни то дальше, то ближе...

«Боже! — она догадалась, — это горятъ села, это горитъ покинутый нами край»... Что-то въ родѣ тупого испуга охватило ее: то бьетъ испугъ передъ стихіею, предъ неизбѣжнымъ... Пылаетъ Россія.. вотъ до чего мы дожили»...

Вѣдь за минутнымъ испугомъ — испугомъ не лично за себя, а передъ какимъ-то страшнымъ, слѣпымъ

и невидимымъ рокомъ — въ ней шевельнулось нехорошее чувство, чувство злобы къ кому-то, но къ кому она этого сама ясно не сознавала. Одно сознавала она съ болью, со стыдомъ, что во всемъ этомъ есть кто-то виноватый, виноваты многіе, и ей казалось, что и она тутъ виновата. Она чувствовала, что этого, чего-то страшнаго, непоправимаго, могло бы и не быть; мало того — оно не должно бы быть совсѣмъ, а оно есть — вотъ оно, вотъ какъ пылаетъ! А что же тамъ, что они, эти, у которыхъ все это дѣлается, что они чувствуютъ?.. «Ахъ, зачѣмъ же! зачѣмъ это! чѣмъ они тутъ виноваты!» гвоздило и ныло у нея въ душѣ. Нытье это было невыносимо. Это было далеко не то чувство, которое она испытывала въ битвахъ при Гутштадтѣ и подъ Фридландомъ: то было также скверное чувство, и горькое, и обидное, но тамъ все это какъ бы скрашивалось шумомъ, грохотомъ, свистомъ, стонами, криками — криками кругомъ и въ глубинѣ души; тамъ было какое-то движеніе, страстное чувство борьбы, ожиданіе, что вотъ-вотъ все это кончится, исчезнетъ, замолчитъ. А тутъ это-то молчаніе тамъ, гдѣ-то далеко, эта мертвая повидимому тишина тамъ и это, такое же тихое, молчаливое, мертвое зарево — вотъ гдѣ ужасъ! Господи! да за что же? зачѣмъ же!»

Она вскочила и наткнулась на Бурцева, который шелъ, пошатываясь и бормоча что-то. Она даже ньюму Бурцеву обрадовалась. Онъ узналъ ее и остановился.

— Ахъ, Алексаша, — видишь, видишь, голубчикъ? — взявъ дѣвушку за руку, тихо, какъ бы шопотомъ, словно бы боясь, чтобы не услыхали его, заговорилъ онъ. — Видишь, Алексаша? (онъ указывалъ на зарево). Это они... Зачѣмъ? за что же? зачѣмъ же ихъ-то?

Холодомъ обдало ее отъ этихъ словъ. И онъ тоже думаетъ!.. «Зачѣмъ же! за что же!»...

— А гдѣ Давыдовъ?

Онъ тамъ распоряжается — отдаетъ приказанія... Вѣдь мы, Александра, знаешь (и Бурцевъ съ таинственностью пьянаго нагнулся къ самому уху дѣвушки), мы сегодня ночью... тово... въ гости къ этимъ подлецамъ... Ухъ, и зудятъ же руки!

Дурова вспомнила, что въ эту ночь предполагалось сдѣлать печальное нападеніе на непріятельскій обозъ, и въ ней зашевелилось чувство какъ бы ожидаемой какой-то удовлетворенности, успокоенія отъ глухой, ноющей боли. Она тотчасъ же пошла къ эскадронному начальнику.

Одни изъ ея уланъ возились около коновязей, другіе у сѣделъ, лежавшихъ на землѣ. Тутъ же слышенъ былъ и голосъ стараго Пилипенка: Ни-ни, подлая, ни Боже мой! тебя нельзя брать — мы въ секретъ ѣдемъ... А ты, дура, не утерпишь, — залаешь».

Дурова догадалась, что это Пилипенко разговариваетъ съ Жучкой.

«Каждый о своемъ!» подумала Дурова, и ей стало еще грустнѣе.

Эскадронный командиръ, которому она заявила о своемъ намѣреніи принять участіе въ ночной экспедиціи, сначала уговаривать ее не сталъ, представляя ей всѣ опасности такого рискованнаго предпріятія; но когда перечисленіе опасностей на нее не подѣйствовало, онъ сталъ было доказывать незаконность, съ научно-военной точки зрѣнія, такого казацкаго, хищническаго способа веденія войны, говоря, что регулярнымъ войскамъ заниматься этимъ непристично, что «военная наука, въ чистомъ ея значеніи, не одобряетъ этого», и другія «ученыя» тонкости...

Непристично, господинъ ротмистръ? — съ дрожью въ голосѣ возразила дѣвушка. — А что прилично? (она указала на зарево). Это ваша наука одобряетъ?

Но это, господинъ Александровъ, злоупотребленіе законами войны...

— Законы войны! Война имѣетъ законы! Да развѣ сама война не есть нарушеніе всякихъ законовъ — и божескихъ и человѣческихъ?

Ротмистръ насмѣшливо, съ видомъ глубокомыслія посматривалъ на нее... О, нѣмецкая тупица! — чуть было не сорвалось съ языка дѣвушки — и она бросилась отыскивать Давыдова.

Черезъ часъ послѣ этого отрядъ охотниковъ перебрался въ бродъ черезъ рѣчку и направился на западъ, слѣдуя на огни пожаровъ. Впереди ѣхалъ Давыдовъ, сгорбившись какимъ-то круглымъ комомъ на сѣдлѣ. Лицо его было серьезно и задумчиво. Дуровой казалось, что она видитъ другого Давыдова, — не того живого Дениску, который такъ часто «пылилъ» и накидывался на своего Бурцева. Его лицо, казалось ей, напоминало теперь выраженія тѣхъ лицъ, которыя, стоя въ церкви у амвона, передъ сосудомъ съ дарами, полушопотомъ и со страхомъ повторяютъ за священникомъ: «Ни съ, Сыне Божій, причастника мя прими — не яко Іуду, но яко разбойника...» Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Давыдовъ молился теперь какъ передъ страшными дарами... Въ темнотѣ фигура Усаковскаго казалась еще массивнѣе. Голова его была высоко поднята; онъ, казалось, хотѣлъ заглянуть теперь своими глазами дальше и глубже, чѣмъ куда можетъ проникнуть глазъ человѣческій — проникнуть въ невидимое и невѣдомое. На лицѣ Бурцева и слѣда не оставалось того, что онъ недавно былъ шибко пьянъ. Сейчасъ только, когда уже сѣдлали лошадей, Рахметка вылилъ ему на голову съ полдюжины манерокъ воды — и онъ былъ теперь причесанный, чистенькій, съ добрымъ, дѣтскимъ выраженіемъ на лицѣ, которое съ любопытствомъ заглядывало туда, въ глубь ночи.

Дурова оглянулась на солдатъ. Они были все тѣ же, какими она видѣла ихъ, когда они ничѣмъ не были заняты и повидимому ни о чемъ не думали: «работы никакой, ѣдешь себѣ смирно, дѣло свое знаешь,

начальство тебя не бранитъ — что жъ тебѣ еще! казалось, говорили эти лица. Только Пилипенко, какъ старый солдатъ, котораго всѣ называли «дѣдонькой», осматривалъ иногда своихъ племянничковъ: то вдоль по фронту поглядитъ, ровно ли идутъ кони, не зарывается ли который, то зорко глянетъ впередъ. Лицо у него болѣе строгое, чѣмъ обыкновенно, словно бы онъ въ церкви стоитъ, и какъ ни старается уловить смыслъ того, что читаетъ дьячокъ въ пареміи, все никакъ не можетъ уловить, хотя чувствуетъ, что что-то глубокое, непостижимое, но душѣ понятное читается тамъ.

Вотъ уже они много проѣхали. То ровнымъ полемъ и вытоптанными пашнями проѣдутъ, то лѣскомъ проѣдутъ, то балкой потянутся нѣсколько времени и снова выѣдутъ на открытое мѣсто. Пожарное зарево все ближе виднѣется, а кругомъ мракъ болѣе и болѣе сгущается. Всѣ ѣдутъ молча.

Давыдовъ на минуту поворачиваетъ коня и останавливается.

— Ребята, не дремать, — говоритъ онъ тихо, но внятно. Подобрать поводья, сабли прижать колѣнкой къ сѣдлу, чтобы звуку не было, другъ съ дружкой не сближаться, чтобы стремя о чужое не заговорило... Глядѣть зорко въ оба — промаху чтобы не было!

Кто-то глубоко, во всю грудь вздохнулъ.

Давыдовъ раздѣлилъ отрядъ на три части: одну онъ оставилъ при себѣ, другую поручилъ Усаковскому, остальную —Бурцеву. Пилипенко и Дурова остались при Давыдовѣ.

Солдаты стали размѣщаться по партіямъ. Они это дѣлали такъ же спокойно, какъ на стоянкѣ, словно бы собирались на водопой.

— А ты осади — что сталъ! Эй ты — который!

— Что! не на твоей землѣ сталъ — али мало мѣста?

Такъ-то, братцы, лучше въ аккуратѣ, потихоньку да полегоньку.

— А то на? — луковица! — эхъ — человѣкъ тоже!

— А вы полно, — успокаивалъ Пилипенко, — на всѣхъ хватитъ...

— А ты стремемъ не звони, чортъ!

— Не лайся — грѣхъ... Не приказано...

— А все жъ и бисивъ комаръ! — укусивъ у саме око...

Размѣстились. Поводья подобраны. Все въ струнку. Смирно! командуетъ Давыдовъ. Чего жъ еще смириѣе! Теперь и комаръ укуситъ, такъ не пикнутъ: потому — смирно!

По распоряженію Давыдова Бурцевъ съ своей горстью долженъ былъ итти прямо. Самъ Давыдовъ и Усаковскій съ своими людьми — зайти съ боковъ.

Раздѣлившись такимъ образомъ, партизаны тихо подвигались еще съ полчаса подъ прикрытіемъ небольшого лѣска, изъ-за котораго виднѣлось небольшое пламя: это догорала деревенька. Затѣмъ Давыдовъ велѣлъ снова остановиться. Сойдя съ коня и отдавъ его флангового гусару, онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ жидка — такъ звали бойкаго, рябого гусара, выкреста изъ евреевъ — и стараго Пилипенка. Тѣ тоже сошли съ лошадей, и всѣ трое тихо пошли лѣсной прогалиной на огонь.

Ночь была тихая. Въ травѣ и въ лѣсу трещали кузнечики, да по временамъ откуда-то издали доносился не то вой собаки, не то плачъ какой-то странный... Ночные звуки всегда такъ таинственны...

Дурова посмотрѣла на небо. Знакомыя звѣзды — давно когда-то, еще тамъ на родинѣ, она знала ихъ. Теперь онѣ едва мигаютъ, блѣднѣютъ — время идетъ къ утру. Вонъ и уланы нѣтъ-нѣтъ да и перекрестятъ ротъ — зѣваютъ, хоть и выспались за день.

Какъ-будто колокольчикъ — тонкій, тонкій — слышится вдали. Нѣтъ, это не колокольчикъ. Это все тѣ же таинственные звуки ночи — не то они на землѣ, не то въ небѣ, на воздухѣ, зарождаются и безслѣдно

исчезаютъ... Хлопцы насторожили уши — что-то сопитъ впереди, шуршитъ; это ежъ нюхаетъ воздухъ — вонъ черный клубокъ прокатился въ лѣсъ...

Изъ лѣсу вышелъ Давыдовъ съ своими спутниками и быстро подошелъ къ своимъ товарищамъ.

— Все хорошо... Спятъ, что убитые... Мы ихъ какъ мокрымъ рядномъ накроемъ, — говорилъ онъ горячливо. — За мной, ребята — справа забѣгай тихо, не звени... Уланы, вики на перевѣсъ... ты, Бурцевъ, ударь прямо на обозъ, а мы съ боковъ примемъ...

Дурова подобралась, укрѣпилась на сѣдлѣ и оглянула всѣхъ. Пилипенко, сѣвъ на лошадь, широко перекрестился. За нимъ перекрестились всѣ. Даже Бурцевъ сдѣлалъ крестное знаменіе.

«На спящихъ!» шевельнулось что-то въ душѣ Дуровой, и она вздрогнула. Но въ то же время на далекомъ спящемъ горизонтѣ она увидѣла тѣ же багровыя полосы, что и прежде, съ вечера видѣла, и она изо всей силы стиснула обнаженную саблю холодною какъ ледъ рукою... «Не отъ меня это — такъ тому и быть»... И въ этотъ же самый моментъ ей такъ захотѣлось быть дома, тамъ, около отца, что у ней невольно въ глубинѣ души выкрикнулось: «папа! папа мой!»

Дальше — она ничего уже не помнитъ въ послѣдовательномъ порядкѣ; это какая-то страшная путаница; лошадиный топотъ, звяканье стремянъ, испуганные крики, стоны, какой-то ревъ; ея сабля ударилась о что-то какъ-будто упругое и застряла тамъ — она съ трудомъ ее вывернула... Это былъ раздробленный съ черепъ... да, черепъ! кто-то ничкомъ упалъ, раскинувъ руки... О! это въ тысячу разъ казалось ей страшнѣе, омерзительнѣе, чѣмъ подъ Фридландомъ... Тамъ что-то величественное, грандіозное, шумное; а тутъ... Только крики какіе-то неясные да стоны, да выкрики ужаса, да удары смѣшанные — желѣзо на желѣзо — вотъ что стояло въ этой суматохѣ. Надъ всѣми кри-

ками и выкриками этой адской почти преобладалъ одинъ: «les cosaques? cosaques! oh!»

Свалка шла въ ея растерявшихся глазахъ то какого-то нестройной кучей, то въ одиночку, что-то тамъ дѣлали, то ея Алкидъ — ей казалось, что это не она, Алкидъ — бѣшено кидался между какими-то фурами, а она машинально махала саблей и за что-то задѣвала... Разъ только она сознательно слышала, какъ надъ ея ухомъ внезапно раздался голосъ Бурцева: «ай-да, Алексаша! только рубанулъ! Да послѣ, когда уже почти совсѣмъ стало свѣтло, она увидѣла, какъ мимо нея проѣхалъ Пилипенко, перекинувъ что-то впереди себя черезъ сѣдло — кажется, чья-то голова свѣсилась у него съ сѣдла и чьи-то руки хватались за гриву его лошади — и Пилипенко торопливо сказалъ ей: «назадъ, ваше благородіе, кончили, наша взяла... Назадъ пора...»

Окончательно она опомнилась, когда уже было совсѣмъ свѣтло и всѣ они рысью скакали по жнитву, и тутъ же ѣхали съ ними какія-то фуры, обвязанныя кожей, а сверхъ фуръ привязанные веревками люди въ синихъ и зеленыхъ съ краснымъ мундирахъ. Это были плѣнные французы и отбитыя у непріятеля фуры. Бурцевъ весело смѣялся, показывая своему Денискѣ на нее, Дурову, пальцемъ.

— Алексаша чортомъ дрался, а теперь раскисъ,— говорилъ онъ, оскаливая бѣлые зубы и подмигивая лѣвымъ глазомъ.

И Дениска весело улыбался, и всѣ уланы, и гусары, и драгуны смотрѣли весело, словно бы они съ ученья, только у нихъ были подвязаны руки, у кого голова повязана.

— Вотъ тѣ и луковица, чортъ! Говорилъ—грѣхъ попрекать вдовій; вотъ тебя и попарапали маленько,— говорилъ одинъ уланъ своему сосѣду, который вчера не далъ ему кирпичику почистить бляхи.

А Пилипенко ѣхалъ рядомъ съ одной фурой, на

которой лежалъ, раскинувъ руки, длинный, красивый, загорѣлый французъ въ рейтузахъ съ желтыми лампасами и съ такою же желтой грудью и тихо стоналъ.

Когда счастливые партизаны пріѣхали къ мѣсту привала своихъ полковъ, со всѣхъ сторонъ окружили ихъ солдаты — кричали, не слушая другъ дружку, разспрашивали, смѣялись, лѣзли къ фурамъ съ плѣнными, дивовались на нихъ, словно бы это были съ того свѣта, развязывали ихъ, ласково спрашивали, какъ кого зовутъ... «Эй, мусью! не бойся!» — «Иди, иди смѣло, голубчикъ, — на насъ кресты». «Не пужай ихъ, братцы!» — «Сала-мала, сала-пала — эхъ-ма!» французилъ какой-то веселый уланикъ. — «Эй, Рахметка, поговори съ ними по-собачьи!» — «Что пустое мелешь!»

Дико, испуганно смотрѣли плѣнные. Ихъ было человѣкъ пятнадцать, повидимому люди разнаго оружія и разныхъ полковъ. Были и старые, и молоденькіе.

Пилипенко вмѣстѣ съ своимъ фланговымъ снималъ съ фуры раненаго высокаго француза съ желтой грудью, постоянно цыкая на Жучку, которая, казалось, съ ума сошла отъ радости.

— Да цыцъ ты, окаянная!—Тише, тише, братику— полегоньку сымай, говорилъ онъ фланговому, снимая съ фуры раненаго, котораго онъ самъ, добрый Пилипенко, въ горячности перваго натиска просадилъ въ грудь пикой.

— Ой-ой! слабо вскрикнулъ раненый французъ. Ой болитъ! О-о — не рушьте мене...

У Пилипенко и руки опустились. Солдаты ахнули, услыхавъ отъ француза такую рѣчь.

— Братцы, да это хохолъ - не французъ... Вотъ исторія!

- А може бѣглый, изъ нашихъ...

Всѣ обступили страннаго француза-хохла, подошли и Бурцевъ, и Дурова.

— Да онъ, бѣдный, кажется, въ грудь раненъ, — жалостливо сказала послѣдняя.

— Въ груди, въ правую, ваше благородіе, — тихо сказалъ Пилипенко, силясь поддержать несчастнаго.

— Доктора! доктора скорѣй! — кричалъ Бурцевъ. Грудь ему разстегнуть надо,— воитъ кровь.

Дрожащими руками Пилипенко сталъ разстегивать раненаго. Бурцевъ помогалъ ему. Несчастнаго положили на землю. Разорвали рубаху на груди. Рана красиѣлась справа, почти у подмышки, и изъ нея текла кровь. Пилипенко припалъ на колѣни, блѣдный, безмолвный, дрожащій. На груди у раненаго, мускулистой, широкой, на черномъ гайтанѣ блестѣлъ большой крестъ, такой именно, какіе продаются въ кіевскихъ пещерахъ.

Увидавъ этотъ крестъ, взглянувъ на грудь и на лицо раненаго, Пилипенко ударился головой объ землю и зарыдалъ какъ женщина.

— Ой-ой-ой!-О-о-о-о! Я убилъ своего сына!.. О-о-о! сынку мій! Грицю! О-о! сына убилъ, проклятый! О-о! Грицю-Грицю!

Всѣ были поражены. Никто ничего не понималъ. Собака, подпявъ морду къ небу, жалобно выла.

Тату, тату, простоналъ раненый: вы не вбили мене... я... я не вмеръ ще...

Мордовцевъ.

Партизанъ.

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ:
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою

Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.
И мчится тайною тропой,
Воспрянувшій съ долины битвы,
Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ:
То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.
Начальникъ въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревоги,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что будетъ... вольны боги.
Давно не знаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжный;
Его любовь — кровавый бой,
Родня — донцы, другъ — конь надежный:
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника проноситъ,
То чутко шевелитъ ушми,
То фыркаетъ, то удилъ проситъ.
Еще ихъ скокъ примѣтенъ былъ
На высяхъ, за преградной Нарой,
Златимыхъ отблескомъ пожара —
Но скоро буйный рой за высь перекатилъ,
И скоро слѣдъ его простылъ...

Д. В. Давыдовъ.

Тарутинское сраженіе.

Прежде всего потянулись изъ Москвы, по Смоленской дорогѣ, повозки съ больными и съ ранеными и двинулся обозъ съ серебромъ и золотомъ, содраннымъ съ иконъ въ разныхъ московскихъ церквахъ, съ польскими и турецкими знаменами изъ Оружейной палаты, съ бубенчиками, съ булавами, гербомъ, снятымъ съ крыши сената, и съ прочими вещами, названными ими *трофеями*. Наполеонъ старался возбудить присутствіе духа въ своихъ войскахъ; имъ выдали запасный холстъ, вино, сухари, кожу на обувь (только некогда уже было шить ее), имъ объявлены были награды чинами и орденами; тогда онъ обращался со всѣми очень ласково. Между тѣмъ въ Тарутинѣ была тишина предъ бурей; тамъ произошло важное происшествіе съ Мюратомъ; Кутузовъ, съ свойственною ему медленностію и нерѣшительностію, не взирая на безпечность Мюрата, оставлять его въ покоѣ: чѣмъ долѣе пробудетъ Наполеонъ въ Москвѣ, говорилъ онъ, тѣмъ лучше для насъ, зачѣмъ будить его [1]); но Бенингсенъ [2]), узнавъ отъ авангардскаго начальника, графа Орлова-Денисова, о критическомъ положеніи неаполитанскаго короля и видя растянутость войскъ его, выпросилъ у Кутузова позволеніе взять его живьемъ. Наконецъ Кутузовъ рѣшился дать ему на то свое соизволеніе. Если бы русскіе генералы стали дѣйствовать быстрѣе и дружнѣе, то это предпріятіе увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ; но вмѣсто 4-го на 5-е октября нашъ отрядъ двинулся на Мюрата ночью съ

---

[1]) Сѣверная Почта 1812 г., журналъ военныхъ дѣйствій Кутузова

[2]) Который нѣкогда самъ предводительствовалъ русскими войсками противъ Наполеона и такъ храбро отразилъ его подъ Прейсишъ-Эйлау, что Наполеонъ, послѣ увидѣвшись съ нимъ въ Тильзитѣ, сказалъ: vous étiez méchant Eulau (вы были злы подъ Эйлау).

5-го на 6-е; проходя лѣсомъ, они сбились съ дороги и сдѣлали нападеніе на непріятельскій лагерь не въ одно и то же время и не съ разныхъ сторонъ, какъ было условлено (егеря наши во время перестрѣлки нѣли нѣсни) [1]. Мюратъ отбивался отчаянно; первое ядро, пущенное съ батареи его, убило нашего храбраго генерала Бигговута. Въ это время десять казачьихъ полковъ съ орлиною быстротою налетѣли на враговъ и довершили надъ ними побѣду. Мюратъ отступилъ къ Воронову, потерявъ множество орудій, обозовъ и взятыхъ въ плѣнъ [2]. Непріятельскій лагерь представилъ побѣдителямъ разнообразную картину: тамъ, въ небрежности, валялась церковная утварь, обнаженныя отъ окладовъ иконы, скелеты лошадей, зарѣзанныхъ для пищи, тамъ представлялись предметы пышной роскоши и крайней нищеты: разбросанныя головы сахару, бутылки съ винами, великолѣпная мебель, бронза, обрызганныя кровью, раздробленныя картечью головы людей и лошадей, крестьянскіе дапти, опучи, деревянныя ложки, чашки и проч.

Торжество побѣды огласилось пушечными залпами; быстро долетѣла въ Тарутино радостная вѣсть объ этой побѣдѣ, но Кутузовъ не велѣлъ преслѣдовать Мюрата: «намъ нельзя отдѣлиться отъ позиціи», говорилъ онъ съ неудовольствіемъ, досадуя на то, что упустили Мюрата; между тѣмъ, онъ тотчасъ послалъ донесеніе объ этой побѣдѣ къ государю, чрезъ полковника Мишо, котораго государь приказалъ прислать къ себѣ съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ.

С. М. Любецкій.

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій Кутузова, 1812 г.

[2]) Между убитыми французами находились генералы. Фишеръ и Дери (о немъ было уже упомянуто), котораго Мюратъ очень любилъ, онъ присылалъ въ русскій лагерь просить о возвращеніи тѣла его или хоть сердца. Въ этотъ же день Витгенштейнъ одержалъ надъ французами славную побѣду при Полоцкѣ.

Сраженіе подъ Малоярославцемъ 12 окт. 1812 г.

Сраженіе подъ Малоярославцемъ.

Въ Тарутинскомъ лагерѣ давно уже скучали бездѣйствіемъ; всѣ чего-то ждали, ждали — и наконецъ дождались... Лишь только что летунъ-курьеръ извѣстилъ Кутузова о вступленіи французовъ въ Москву и о намѣреніи ихъ тайкомъ пробраться въ хлѣбородныя наши губерніи, какъ вдругъ Кутузовъ явился посреди лагеря съ одушевленнымъ лицомъ и громко, торжественно поздравилъ терпѣливыхъ ратоборцевъ своихъ съ давно ожидаемой, наступающей битвой... О, что тогда произошло! Встрепенулся весь лагерь, всѣ ожили, всѣ начали поздравлять другъ друга; явились невѣщи молодые, голоса залихватые, грянули веселыя пѣсни, и пошла круговая!..

Надо было спѣшить, предупредить, остановить, отбросить непріятеля отъ юга Россіи. Ударили сборъ, быстро снялся лагерь, и 11-го октября двинулись всѣ въ полномъ маршѣ въ походъ къ Боровску. Наполеонъ обходилъ лѣвый флангъ нашей арміи; Дохтуровъ вмѣстѣ съ Дороховымъ, только съ 10 тыс. войска, спѣшили по кратчайшему пути къ Малоярославцу, и 12 октября нашли уже предъ нимъ Платова съ отрядомъ казаковъ; но городъ былъ уже занятъ францу-

зами. Рано утромъ завязалось сраженіе, въ которомъ не могла участвовать конница, потому что бой происходилъ на улицахъ. Среди грома артиллеріи городъ переходилъ изъ рукъ въ руки 5 разъ. Въ полдень прибылъ туда Наполеонъ со всею своею арміею и тотчасъ велѣлъ поставить нѣсколько батарей на берегу р. Лужи. Корпусъ Даву громилъ русскихъ; положеніе ихъ было критическое: отовсюду французская артиллерія мчалась по грудамъ тѣлъ; наши раненые отползывали въ сторону; но вдругъ блеснули вдали штыки русской арміи и тогда началась рѣшительная, роковая битва. Ужъ наступила ночь; весь городъ объятъ былъ пламенемъ; оттуда, какъ тѣни, выскакивали то французы, то русскіе; сквозь оглушительную пальбу прорывались звуки барабановъ. Ночью французы утвердились въ городѣ. Наполеонъ въ Маломъ Ярославцѣ, съ высоты уцѣлѣвшей колокольни, видѣлъ ужасные слѣды упорной битвы и 13 окт., рано утромъ, разсмотрѣлъ русскую армію, стоявшую немного далѣе ружейнаго выстрѣла отъ города, въ боевомъ порядкѣ, слитую въ сплошную массу. Прорваться къ Калугѣ ему надобно было сквозь наше войско; дать генеральное сраженіе онъ опасался; онъ видѣлъ ожесточенную упорность русскихъ: не сторониться отъ него съ дороги, но наброситься на него всею массою силъ своихъ; онъ боялся расшибиться объ эту живую стѣну. На военномъ совѣтѣ французскихъ генераловъ положено было *отступать*, чтобъ сохранить свою разстроенную армію, и вотъ, ветераны Наполеона, привыкшіе къ безпрерывнымъ побѣдамъ, съ поникшими головами, опять поворотили на прежнюю свою Смоленскую дорогу, на Можайскъ, чрезъ Боровскъ, Верею, Гжатскъ и т. д.

Въ продолженіе этого времени Наполеонъ чуть не попался въ пѣны казакамъ; его выручилъ маршалъ Бессьеръ.

Между тѣмъ и русскіе начали совершать отступленіе по Калужской дорогѣ къ Дѣтчину, чтобы предупредить непріятелей на пути ихъ къ Юхнову. Казалось, оба полководца, Наполеонъ и Кутузовъ, были въ нерѣшимости: они не совсѣмъ довѣряли своимъ силамъ. Наполеонъ потянулся къ Боровску, оставивъ въ Малоярославцѣ корпусъ Даву для замаскированія своего отступленія, Кутузовъ же оставилъ тамъ Милорадовича съ его авангардомъ, а самъ, со всею арміею, тронулся къ Гончарову. Войска наши отступая роптали...

Изумительно было видѣть, что въ одну и ту же ночь (съ 13-го на 14-го октября) обѣ арміи отступали другъ отъ друга. И вотъ начинаются доселѣ неслыханныя бѣдствія для бывшей нѣкогда стройной, громадной французской арміи.

С. М. Любецкій.

Отступленіе французовъ.

Въ день отступленія непріятелей отъ Малоярославца доставленъ былъ курскими гражданами въ нашу армію списокъ съ иконы чудотворной Курской Божіей Матери изъ Казанскаго Богородицкаго монастыря; тамошняя игуменья Назарета также прислала Кутузову образъ Казанской Божіей Матери.

До половины октября русская армія продолжала еще отступать; всѣ удивились, что нигдѣ не слышно и не видно непріятелей, какъ вдругъ получено было увѣдомленіе, что и они отступаютъ на старую Смоленскую дорогу; наше войско заняло Малоярославецъ, отсюда Кутузовъ сдѣлалъ распоряженіе: полнымъ параллельнымъ маршемъ преслѣдовать враговъ.

И вотъ опять усугубилась, разгорѣлась народная

война, на походѣ русскихъ войскъ опять стали встрѣчаться воины мужчины, явившіеся на проводы незваныхъ гостей, верхами, вооруженные чѣмъ попало, иной косою, утвержденною на длинномъ древкѣ, другой штыкомъ, прикрученнымъ къ дубинѣ, третій большимъ гвоздемъ, прикрѣпленнымъ къ толстой палкѣ, наподобіе пики. Сперва, говорили они, мы боялись бить француза, чтобъ насъ за то не потянули въ судъ,

Отступленіе Наполеона. *(Верещагинъ.)*

а если случалось иногда непослушника загубить нехристя, то мы прятали его въ колодецъ или подъ солому; но какъ пришелъ приказъ изъ губернскаго и какъ сказали намъ исправники: ребята, бей француза напропалую! — тогда-то мы развернулись, тогда такая пришла намъ охота бить поганаго звѣря, что иные для того покупали плѣнныхъ у казаковъ».

Кутузовъ съ главною арміею, двинувшись за непріятелемъ, сказалъ Платову и Милорадовичу: «Ну, господа, провожайте гостей нога въ ногу, а мы про-

селкомъ, лѣвою сторонкою, впередъ забѣжимъ». Пылкій Милорадовичъ съ своимъ авангардомъ порывался ударить на непріятеля съ тыла и просилъ у Кутузова вспоможенія, но старый полководецъ хладнокровно отвѣчалъ ему: «и, полно, мой герой, погоди, я жду еще вспомогательныхъ войскъ, русскихъ морозовъ; ты лучше побереги нашихъ солдатъ, а гдѣ нужно будетъ, дѣйствуй». Платовъ скомандовалъ своимъ донцамъ: «шире шагъ!» и началъ трепать непріятелей, не давая имъ ни покоя, ни отдыха; французскіе маршалы хотѣли наказать его за это, но заплатили ему за безчестіе убитыми и плѣнными. Русскій штыкъ и казацкая пика сильно напирали на непріятелей; отрядъ русскихъ вдругъ нагрянетъ на нихъ, сомнетъ и исчезнетъ какъ молніеносно-громовой ударъ. По старой тактикѣ, со временъ Суворова, который говорилъ: «пуля-дура, штыкъ молодецъ», въ него вѣрили болѣе, нежели въ пушки.

Въ особенности московская и калужская губерніи ополчились противъ непріятелей; отъ народнаго нападенія и погони казаковъ французы боялись далеко отстраняться отъ большой дороги за провіантомъ; лѣса и болота для русскихъ обращались въ крѣпости: «Ну, французы потянули, какъ журавли осенью, къ теплымъ мѣстамъ», говорили тогда русскіе поселяне.

При выходѣ изъ Москвы Наполеонъ сказалъ своимъ солдатамъ: «я поведу васъ на зимніе постои, и если встрѣчу на дорогѣ русскихъ, то разобью ихъ». Но то ли оказалось на дѣлѣ! Невыносимо тяжело было для ветерановъ-французовъ, привыкшихъ къ непрерывнымъ побѣдамъ, отступать по разоренной дорогѣ, отъ сильнаго напора русскихъ войскъ. Несмотря на то, что погода стояла еще сносная, дни свѣтлые и непріятели терпѣли только недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, но ночамъ началъ уже прохватывать ихъ холодъ отъ легкихъ заморозковъ. Панорама отступленія ихъ была суетлива и поспѣшна: мѣшающіяся

команды, артиллерійскіе парки, повозки, обгоняющія одна другую, тянущіяся въ нѣсколько рядовъ и запружающія дорогу, звуки скрипучихъ и дребезжащихъ колесъ, громыханье кузововъ, телѣгъ и лафетовъ, крики понуканій, ругательства, по краямъ дороги палыя лошади, сломанныя повозки, на спускахъ и подъемахъ сгущенныя толпы солдатъ и возничихъ, гдѣ раздавался пронзительный гулъ криковъ и смѣсь осиплыхъ голосовъ, гдѣ непріятели утопали въ грязи, подхватывая орудія и фуры на руки. Въ иномъ мѣстѣ скользили копыта, лопались постромки, надрывались груди...

Наполеонъ, оставивъ въ сторонѣ Можайскъ, 16-го октября ночевалъ близъ Бородина и на другой день проѣхалъ чрезъ это роковое историческое поле; онъ былъ пасмуренъ, ему какъ-будто не хотѣлось и взглянуть на тамошніе холмы и равнины; печальные слѣды смерти и разгрома были тамъ еще явственны: полуистлѣвшіе и обезображенные хищными птицами трупы людей и лошадей, обломки оружій, клочки мундировъ, а тамъ, вдали, кое-гдѣ, мелькали деревянные кресты могилъ, поставленные родною или дружескою рукою надъ отысканными и погребенными тѣлами павшихъ героевъ—все это производило грустное впечатлѣніе на отступающую армію. Наполеонъ шелъ въ авангардѣ съ своею гвардіею; арріергардомъ командовалъ Даву; онъ довершалъ опустошеніе во всѣхъ проходимыхъ имъ городахъ и деревняхъ. Опять появились столбы дыма и алыя знамена огня на этой дорогѣ. Чтобы нѣсколько ободрить себя, гвардейская музыка заиграла извѣстную во французскомъ войскѣ пѣснь: On peut on être mieux qu' au sein de sa famille (что можетъ быть лучше, какъ находиться въ своемъ семействѣ). Это почелъ Наполеонъ какъ бы укоромъ себѣ и велѣлъ музыкантамъ заиграть: veillons au salut de l'empire! — Эта пѣснь была ему привѣтствіемъ.

19-го октября Наполеонъ прибылъ въ Вязьму; отдох-

Ген. Невѣровскій.

ВИБЛ

пувъ тамъ два дня, въ ожиданіи своихъ корпусовъ, онъ отправился далѣе; но слѣдовавшіе за нимъ отряды были остановлены при Вязьмѣ Милорадовичемъ, который, будучи подкрѣпленъ Платовымъ, сталъ поперекъ дороги и рвнулся на французовъ. Послѣ упорнаго сраженія Даву пробился стороной дороги къ Вязьмѣ, но потерялъ свой обозъ, орудія, знамена и множество убитыхъ и плѣнныхъ. Отсюда уже, вмѣсто отступленія, началось безпорядочное бѣгство французской арміи; замѣтимъ, что это произошло еще до большихъ холодовъ.

Но что стало съ Вязьмой! Весь городъ превращенъ былъ въ развалины и кладбище, по улицамъ валялись обломки разнаго оружія, опрокинутыя фуры, погорѣлые остатки взорванныхъ ящиковъ; развалины зданій, преграждавшія дорогу, курились еще...

Въ самой срединѣ города собрано было до 2 тыс. плѣнныхъ французовъ; оборванные, загорѣлые, съ самыми плачевными физіономіями, занимались они добываніемъ мяса палыхъ лошадей; одни торопливо рѣзали себѣ большіе куски изъ окороковъ, другіе съ жадностію хватали печенку и легкое, а иные, вложивъ на шомполы свои порціи, жарили ихъ надъ огнемъ развалинъ зданій, посыпая мясо, вмѣсто соли, порохомъ. Вокругъ ихъ стояли конвойные русскіе солдаты, съ отвращеніемъ смотря на эту картину.

22-го октября (день Казанской Божіей Матери и день сраженія подъ Вязьмою) выпалъ большой снѣгъ на оледенѣлую землю, закрутились вьюги и мятели, забушевалъ рѣзкій вѣтеръ; непріятели стояли на бивакахъ по колѣна въ снѣгу, и вотъ солдаты ихъ, не запасшись зимнимъ платьемъ и не бывъ достаточно обезпечены продовольствіемъ, начали бросать оружіе свое по дорогѣ; порядокъ и подчиненность исчезли, всякій заботился только о себѣ: никто не повелѣвалъ, никто и не подчинялся, полки мѣшались

безъ разбору, корпуса распознавались только по тянувшимся за ними обозамъ, которые отхватывали казаки. Еще не доходя до Смоленска, многіе изъ непріятелей погибли; иные изъ нихъ, обезсиленные, ползали по дорогѣ, другіе искали себѣ пріюта подъ опрокинутыми фурами, иные, едва двигая окоченѣлыми челюстями, скорченные, сгорбленные, въ какой-то апатіи, глодали кости дохлыхъ лошадей, которыя также падали голодныя и, не бывъ подкованы шипами, выбившись изъ силъ, ступая по скользкой дорогѣ, валялись, едва шевелясь, полуживыя. Сохранившія сколько-нибудь силъ лошади, запряженныя по 12 и болѣе, едва тащили одну пушку; бывшіе конные солдаты шли толпою пѣшкомъ. Впрочемъ на иныхъ бивакахъ сверкали еще огоньки; тамъ французы жарили конину и утоляли жажду снѣгомъ, распускаемымъ въ манеркахъ. Иные изъ срубленныхъ еловыхъ вѣтвей устраивали себѣ шалаши. Это были какія-то темныя пятна на бѣлизнѣ снѣга.

Нельзя сказать, чтобъ и наша армія имѣла во всемъ изобиліе; «хлѣбъ да вода-солдатская ѣда», въ придачу сухари да жиденькая кашица — въ походѣ и то слава Богу. Одеждой солдаты наши были обезпечены; еще въ Тарутинѣ розданы имъ были тулупы и валенки; днемъ, въ движеніи (при 10-градусномъ морозѣ) они не чувствовали холода, а ночью, на бивакахъ, офицеры разбивали себѣ палатки, а солдаты грѣлись около артельныхъ огней; иные спали подъ лафетами пушекъ. Лошади болѣе терпѣли: фуражировки, по опустошенной дорогѣ, доставляли не много продовольствія. Были больные и отсталые изъ нашей арміи, но большая часть, особенно главная армія, шла бодро и весело, нравственно успокоенная мыслью, что они гонятъ непріятелей съ родной земли. Такъ достигли они до Дорогобужа; и этотъ городъ весь былъ выженъ; тамъ у французовъ находились магазины, но они уже

были разграблены ими въ поспѣшномъ отступленіи, и водка текла по улицамъ. Здѣсь одинъ французскій корпусъ оставилъ всю свою артиллерію. Смоленскъ почитали французы своимъ обѣтованнымъ пристанищемъ, но и тамъ уже было все расхищено проходившими ихъ войсками; тамъ пробыли французы два дня; проголодавшіеся солдаты съѣдали вдругъ припасъ, назначенный на нѣсколько дней, хотя онъ состоялъ не въ хлѣбѣ, а только въ мукѣ, да и ее солдаты вырывали изъ рукъ другъ у друга. Ужъ это была не раздача, а тотъ же грабежъ. Тамъ объявлено было еще о раздачѣ амуниціи, но солдаты, бывъ уже нѣсколько разъ обмануты подобными приглашеніями, не являлись для полученія ея. Дойдя до Смоленска, Наполеонъ потерялъ уже убитыми, плѣнными и умершими отъ холода и голода до 60.000 человѣкъ и до 400 пушекъ. Въ окрестностяхъ Смоленска были у французовъ также устроены магазины и приготовлены, для продовольствія арміи, большія стада рогатаго скота, но наши казаки и партизаны прежде передовыхъ непріятельскихъ войскъ пробрались туда, разбили конвой, охранявшій эти живые запасы, и весь рогатый скотъ погнали къ своей арміи. Согласимся съ французскими историками, что войско ихъ много потерпѣло отъ голода, но при хорошей, предусмотрительной распорядительности этого бы не было; что же касается до холода, то французы, еще до большихъ морозовъ, отъ самой Москвы до Смоленска и далѣе, неоднократно разбитые, бѣжали уже въ безпорядкѣ; если бы Наполеонъ не извѣдалъ стойкости и храбрости нашей арміи, то, вѣроятно, далъ бы ей генеральное сраженіе. Отдѣльные корпуса его, безпрерывно тревожимые нашимъ войскомъ, часто вступали съ нимъ въ бой, но постоянно были разбиваемы; это неопровержимые факты. Нерѣшительность и медленность въ дѣйствіяхъ Кутузова выкупается приведеніемъ въ исполненіе удачно раз-

считанныхъ стратегическихъ начертаній его. Въ то время въ Наполеонѣ нельзя уже было узнать генія; онъ потерялся и думалъ болѣе о личной своей безопасности и о сохраненіи своихъ любимцевъ, нежели о сохраненіи арміи; видя маршала Нея, шедшаго позади его и окруженнаго нашими отрядами, онъ истерическіи воскликналъ: «я бы охотно далъ два милліона, чтобы спасти Нея». Но онъ самъ спасся, бѣжавъ, подобно предводителю своему, который съ самымъ безчеловѣчнымъ расчетомъ выставлялъ подъ русскія пули сперва

Подвигъ генер. Невѣровскаго подъ Краснымъ 2 авг. 1812 г.

нѣмцевъ, потомъ уже поляковъ, итальянцевъ, швейцарцевъ, голландцевъ и наконецъ французовъ.

Захвативъ наскоро, что было заготовлено въ запасныхъ магазинахъ въ Смоленскѣ, Наполеонъ велѣлъ остальное сжечь, въ томъ числѣ и часть большого обоза, сопровождавшаго его; орудія же велѣлъ онъ потопить въ рѣкѣ и зарыть въ землю, а самъ поспѣшно продолжалъ отступленіе свое; но Платовъ съ казаками своими накрылъ суматоху этого уничтоженія и отбилъ у непріятелей обозъ со 120 пушками. Подъ Краснымъ (5 ноября), гдѣ самъ Кутузовъ настигъ непріятелей, произошло трехдневъ-

ное сраженіе; Наполеонъ сдалъ начальство маршалу Даву, который, потерявъ жезлъ свой, бѣжалъ, оставивъ пришедшаго къ нему на подкрѣпленіе Нея на произволъ судьбы. Французы защищались упорно, отчаянно, имъ хотѣлось пробиться чрезъ корпусъ Милорадовича, который заступилъ имъ дорогу, но они были опрокинуты во всѣхъ пунктахъ и понесли ужасную потерю убитыми, плѣнными, разными орудіями и вещами, награбленными въ Москвѣ. Ужъ тутъ дѣйствовалъ не морозъ русскій, а жаркій русскій огонь и холодный штыкъ. Между тѣмъ въ Монитерѣ писали, что русскіе дѣйствовали въ этомъ сраженіи на лыжахъ. Современники-очевидцы говорили, что подъ Краснымъ всѣ поля были *красныя*, отъ множества пролитой крови, а про Нея говорили, что онъ дѣйствовалъ, какъ храбрый солдатъ, но какъ плохой военачальникъ. Здѣсь также отличился съ своими казаками и Платовъ. Кутузовъ, по случаю этой новой побѣды, далъ большое празднество; между трофеями его находилось много великолѣпныхъ почетныхъ непріятельскихъ знаменъ; онъ велѣлъ ихъ доставить въ гвардейскій русскій станъ и тамъ, предъ каждымъ полкомъ, низко преклонять ихъ. Многіе французы цѣлыми толпами, приходя въ нашъ лагерь, сами напрашивались въ плѣнъ. Добыча русскихъ, состоявшая изъ разныхъ драгоцѣнностей, была неисчислима; казаки нѣсколько возовъ съ нею послали къ себѣ на Донъ; Платовъ препроводилъ къ фельдмаршалу 60 пуд. серебра, а Кутузовъ отправилъ его къ пр. Амвросію въ Петербургъ; даже мужички наши, башкиры, калмыки и ополченскія дружины (которые такъ французамъ *удружили*) горстями черпали золото. Тогда за русскую ассигнацію давали тамъ мѣшокъ серебра, каждая дорогая вещь шла за безцѣнокъ. Эти событія можно назвать *первымъ* періодомъ отступленія непріятелей; *второй* начался отъ *Краснаго* до р. Березины.

С. М. Любецкій.

Вождю побѣдителей.

Писано послѣ сраженія подъ Краснымъ.

О, вождь славянъ, дерзнутъ ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцать?
Вездѣ гремятъ отмщенія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспять,
И съ россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ!..
Кто пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ внимаетъ?
Но какъ молчать? Я сердцемъ славянинъ!
Я зрѣлъ, какъ ты, впереди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами!
Со всѣхъ сторонъ дымились небеса;
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась...
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О, старецъ-вождь! я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ рокъ невидимый летѣлъ;
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною!
Законъ судьбы для насъ неизъяснимъ!
Надменный сей не ею ль былъ хранимъ?
Вотще пески Ливійскіе пылали—
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали—
Его промчалъ безвредно легкій челнъ!
Ступилъ на брегъ— въ рукѣ его корона!
Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю оковалъ!
Ужъ онъ царей-рабовъ своихъ созвалъ!..
И возстаютъ могучіе тевтоны,
Достойные Арминія сыны;
Неаполь, Римъ сбираютъ легіоны;

Богемецъ, венгръ, саксонъ ополчены;
И стали въ строй измѣнники сарматы!
Имъ нѣтъ числа; дружины ихъ крылаты;
И нордъ и югъ потокъ сей наводнилъ!
Вождю во слѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, летятъ — ужъ все подъ ихъ стопою,
Ужъ россъ главу подъ низкій миръ склонилъ...
О, замыслы! о, неба судъ ужасный!
О, хищный врагъ!.. и трудъ толикихъ лѣтъ,
И трупами устланный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни — все напрасно!
Здѣсь грозная судьба его ждала;
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ!
Хвала, нашъ вождь! Едва дружины двинулъ —
Ужъ хищныхъ рать стремглавъ бѣжитъ назадъ;
Ихъ гонитъ страхъ; за ними мчится гладъ;
И щитъ и мечъ бросаютъ съ знаменами;
Вездѣ пути покрыты ихъ костями;
Ихъ волны жрутъ; ихъ губитъ огнь и хладъ;
Вотще свой взоръ подъемлютъ ко спасенью...
Не узрятъ ихъ отечески поля!
Обречены въ добычу истребленью,
И будетъ гробъ имъ Русская земля!
И скрылася, нашъ старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ!
Посолъ судьбы явился ты полкамъ —
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ.
Лети, неси за ними смерть и страхъ;
Его ударъ — и всей землѣ свобода!
И нѣтъ слѣдовъ *великаго* народа!
О, сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ оттоманъ —
А ты ужъ здѣсь! ужъ родины спаситель!
Уже погналъ, какъ геній-истребитель,

Кичливыя разбойниковъ орды;
И рядъ побѣдъ — полковъ твоихъ слѣды;
И самый врагъ, неволею гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы:
Ты жизнь ему побѣдами даришь...
Когда жъ, свершивъ погибельное мщенье,
Свои полки отчизнѣ возвратишь,
Сколь славное тебѣ успокоенье!..
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ:
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани;
Во срѣтенье бѣгутъ и старъ и младъ;
Къ тебѣ ихъ взоръ; къ тебѣ подъемлютъ длани;
„Вотъ онъ! вотъ онъ! сей грозный вождь, нашъ щитъ;
Сколь величавъ, грядущій предъ полками!
Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!
Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!“
Когда жъ, сложивъ съ главы своей шеломъ
И мечъ съ бедра, ты возвратишься въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье
Предъ славными трофеями побѣдъ —
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ!
О, дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!
Съ веселіемъ водя окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,
И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: мной дана имъ тишина.
И старецъ, въ гробъ ступившій ужъ ногою,
Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,
Въ семействѣ скажетъ: имъ сбережена
Мнѣ мирная въ отечествѣ могила.
И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:
Его рука мнѣ милыхъ сохранила.

На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ алтаремъ, въ обители царей,
Вездѣ, о вождь, тебѣ благословенье!
Тебя предастъ потомству пѣснопѣнье!

1812, октябрь.

Переправа черезъ Березину.

Наполеонъ съ остатками своего войска подошелъ къ рѣкѣ Березинѣ. Онъ составилъ планъ для скорѣйшей переправы черезъ эту рѣку: пробиться силою черезъ русскую армію онъ не могъ, нужно было употребить хитрость: Наполеонъ хотѣлъ обмануть русское войско—оставить его въ заблужденіи о мѣстѣ своей переправы. Онъ немедленно распорядился послать маршала Удино, приказавъ ему стараться всѣми силами остановить войско адмирала Чичагова, завладѣть Борисовскимъ мостомъ, а если этотъ мостъ уничтоженъ, то отыскать мѣсто для постройки новаго моста. Удино быстро напалъ на авангардъ Платова, находившійся по эту сторону Березины, у Борисова; французское войско превосходило въ нѣсколько разъ своею многочисленностью русскій авангардъ; русскіе были смяты и принуждены съ тѣваго берега перебраться на правый, гдѣ они соединились съ корпусомъ Чичагова. Маршалъ Удино, не теряя времени, открылъ бродъ у стоянки и велѣлъ строить тамъ мостъ и въ то же самое время приказалъ дѣлать приготовленія къ ложной постройкѣ моста ниже Борисова, чтобы обратить на это вниманіе русскихъ; введенный этимъ въ заблужденіе, Чичаговъ стянулъ все свое войско къ этому мѣсту, т.-е. на нижнюю Березину, и сталъ тамъ ожидать переправи Наполеона и его войска. Русскіе надѣялись, что при переправѣ войско непріятеля будетъ разбито и самъ Наполеонъ попадетъ въ плѣнъ. Наполеонъ съ радо-

стью узналъ, что Чичаговъ не соединился съ арміей Витгенштейна; онъ поспѣшилъ ночью прибыть съ своею гвардіей въ Борисовъ, за нимъ тихо слѣдовали всѣ войска, назначенныя къ переправѣ черезъ Березину. На разсвѣтѣ 14-го ноября Наполеонъ подъѣхалъ къ деревнѣ Студянкѣ, гдѣ французы поспѣшно наводили два моста. Присутствіе Наполеона ободряло строившихъ мосты работа кипѣла, и, къ большой радости Наполеона, на противоположномъ берегу не видно было русскаго войска. Для большаго обезпеченія своей переправы онъ приказалъ поставить у Студянки сорокапушечную батарею и открыть съ этой батареи сильный огонь на подоспѣвшій туда славный русскій отрядъ подъ командою Корнилова. Разумѣется, конная рота солдатъ не могла воспрепятствовать движенію непріятельскаго войска. Наполеонъ самъ руководилъ работами, и мосты не были еще готовы, какъ онъ уже послалъ кавалерію генерала Корбина вплавь черезъ Березину. Около полудня мосты были готовы, и французскія войска перебрались на другую сторону рѣки. Но хотя и утвердились они на правомъ берегу, они все-таки не могли совершенно оттѣснить отрядъ Корнилова, и, несмотря на это, переправа продолжалась почти всю ночь. Утромъ 15-го ноября, наконецъ, на правый берегъ Березины перешелъ и самъ Наполеонъ со своею непзмѣнною гвардіей; на лѣвомъ берегу остался съ двумя дивизіями генералъ Викторъ. Около того же времени къ старому Борисову прибылъ съ своимъ корпусомъ генералъ Витгенштейнъ; онъ съ сожалѣніемъ узналъ, что помѣшать переправѣ Наполеона черезъ Березину не можетъ, и обратилъ свои дѣйствія на оставшіеся по эту сторону рѣки французскіе корпуса и, окруживъ одну дивизію, заставилъ ее сдаться.

Графъ Платовъ съ Ославинымъ занялъ городъ Борисовъ; адмиралъ Чичаговъ съ той стороны приказалъ навести понтонный мостъ и поспѣшилъ соединиться

съ Витгенштейномъ; они условились на слѣдующій день сдѣлать нападеніе на французскую армію.

Раннимъ утромъ 16-го ноября, едва показался разсвѣтъ, съ обѣихъ сторонъ началось жестокое сраженіе. На правомъ берегу рѣки отряды Платова и Ермолова открыли жестокій огонь противъ маршала Нея, который защищалъ береговой путь; генералъ Витгенштейнъ напалъ на корпусъ Виктора и тѣснилъ его къ самому мосту; страшная канонада не умолкала ни на минуту. Наполеонъ лично самъ наводилъ орудія противъ храбрыхъ нашихъ солдатъ. Сраженіе окончилось только ночью. Переправа непріятеля черезъ Березину была ужасна: французскіе отряды, гонимые Витгенштейномъ, спѣшили переправляться по мосту; они бѣжали въ невозможномъ замѣшательствѣ, смертоносныя ядра, пускаемыя съ русскихъ батарей, валили французовъ цѣлыми сотнями, смѣшанное, пораженное французское войско въ это время не признавало никакой дисциплины; сильные, не разбирая чиновъ, переступали черезъ груды тѣлъ, пробирались сквозь слабыхъ: иные прочищали себѣ путь штыками, многіе были столкнуты въ воду. Генералы Витгенштейнъ и Чичаговъ ужасно тѣснили французскую армію съ боковъ, а съ тылу пиками и штыками угощалъ ихъ графъ Платовъ. Ужасна была картина переправы французовъ черезъ Березину; преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ русскими войсками, непріятельская артиллерія, обозы, конница и пѣхота смѣшались около моста и на самомъ мосту, иные падали въ толкотнѣ и попадали подъ копыта лошадей или подъ колеса пушекъ и были раздавлены ими; иные бросались вплавь черезъ рѣку; иные силились перебраться черезъ несшіяся по ней льдины и, сжатые ими, тонули... Наконецъ бой закипѣлъ на обоихъ берегахъ, на мостъ посыпались ядра и свистящія пули, загрохоталъ адскій громъ пушекъ: громко и раскатисто раздался онъ и въ прибрежномъ лѣсу,

наполненномъ непріятелями; высокія сосны, раздробленныя ядрами, падали съ трескомъ и обломками своими убивали многихъ. Съ самаго утра второго дня переправы поднялась метель, съ гудящимъ сѣвернымъ вѣтромъ; сильная вьюга залѣпляла сражавшимся глаза инеемъ и снѣгомъ; сдѣлалось сумрачно, только блескъ выстрѣловъ освѣщалъ окрестность; каждое ядро поражало людей, лошадей или опрокидывало повозку. Къ довершенію ужаса и безвыходнаго положенія непріятелей вдругъ одинъ мостъ, раздробленный ядрами и отягощенный войсками и артиллеріею, обрушился съ шумомъ... Въ одно мгновеніе все, что на немъ двигалось и толпилось, было поглощено волнами сердитой ропщущей рѣки. Всѣ оставшіеся на лѣвомъ берегу спѣшно, сплошной массой, бросились на другой мостъ, но и тамъ уже зарядные ящики, взорванные гранатами, съ трескомъ летѣли по воздуху: артиллерійскія лошади съ опрокинутыми передками и вьючныя, вырвавшіяся изъ рукъ вожатыхъ своихъ, пронзительно ржали, бѣгая по мосту взадъ и впередъ. Уцѣлѣвшіе изъ отряда Виктора, дѣлая рядъ траншей изъ мертвыхъ тѣлъ, грядами навалешныхъ на мосту, только къ утру перешли на другой берегъ. Французскіе военачальники, надрывая грудь, осипшимъ голосомъ кричали, понуждая своихъ солдатъ скорѣе перебраться черезъ мостъ, но изступленіе и ужасъ непріятелей были такъ велики, что они насилу могли двигаться.

Передъ другимъ мостомъ, по эту сторону рѣки, послѣ несчастной переправы черезъ нее французской арміи, осталось еще множество отсталыхъ, безоружныхъ, раненыхъ и нестроевыхъ непріятелей. Одному французскому офицеру приказано было, пропустивъ черезъ мостъ бѣглецовъ, тотчасъ же зажечь его, чтобы остановить преслѣдованіе русскихъ; но онъ не сжалился исполнить порученія, давая возможность перебѣжать черезъ него отсталымъ; когда же вслѣдъ за непріятель-

скою арміей показалась идущая мчащаяся кавалерія и на возвышенномъ берегу блеснули русскіе штыки, тогда офицеръ долженъ былъ скорѣе исполнить приказаніе своего начальства—и вотъ явилась новая, потрясающая картина: мостъ запылалъ, на немъ загорѣлись повозки, люди и лошади, раздался вопль отчаянныхъ голосовъ. Многіе съ пронзительными криками, объятые смертельнымъ ужасомъ, какъ съ перваго моста, стали бросаться въ рѣку- и скоро Березина запрудилась

Остатки французской арміи. *(Г Виллевальде.)*

трупами; изъ воды торчали морды тонувшихъ лошадей, въ иномъ мѣстѣ высовывались изъ-подъ льдинъ поднятыя руки, ноги и головы людей съ обмерзлыми волосами; это было ледяное кладбище... Долго послѣ того запрещено было брать воду изъ этой рѣки. (Любецкій. «Разсказы изъ Отечественной войны»).

Разбитый на голову маршалъ Викторъ, не имѣя силъ защищаться, очистилъ деревню Студянки, а прикрывать мостъ на Березинѣ оставилъ немного солдатъ; этимъ маршалъ обрекъ ихъ на вѣрную смерть; всѣ

эти несчастные солдаты, похожіе скорѣе на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ людей, посинѣлые, окоченѣвшіе отъ холода, почти безъ признаковъ одежды, голодные, съ помутившимися, воспаленными глазами, вмѣсто того, чтобы бѣжать безъ оглядки, стали изъ разныхъ обломковъ строить себѣ лачуги и разводить огонь, чтобы хоть нѣсколько отогрѣть свое окоченѣлое тѣло, а русская артиллерія безпрестанно громила этихъ жалкихъ солдатъ: они не бѣжали отъ смерти—жизнь ихъ была такъ несчастна, холодъ, голодъ и жажда казались имъ ужаснѣе смерти. Многіе, обезсиленные, голодные, падали въ сугробы снѣга, засыпали, чтобы никогда не просыпаться.

Д. С. Дмитріевъ.

Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги точать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено стократъ,
Что, кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ,

Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
„Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?—
Сталъ Щукѣ Васька говорить.—
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится".
— И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль — мышей!
Мы лавливали и ершей. —
„Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!" Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Бѣгство Наполеона.

Послѣ пятинедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ императоръ вмѣстѣ со своими войсками, надломленными отъ усталости, направился къ Смоленску, но при извѣстіи, что непріятель занялъ Минскъ и Волковискъ, попытался ускользнуть отъ него по Виленской дорогѣ и совершилъ трагическій переходъ черезъ Березину. Передъ этими двумя соединившимися противниками, зимою и Кутузовымъ, императоръ оказался вскорѣ полководцемъ безъ войскъ. Онъ не простился съ ними, какъ дѣлалъ это въ дни побѣдъ: онъ покинулъ ихъ

тайкомъ, 6-го декабря, въ Сморгони. Три дня спустя онъ прибылъ въ Ломжу и остановился на почтовомъ дворѣ.

Префекту Лазоцкому было сообщено, что Коленкуръ, оберъ-шталмейстеръ (grand-écuyer) императора, пріѣхалъ въ Ломжу, что онъ хочетъ немедленно видѣть его и что онъ желаетъ также, чтобы Лазоцкій принесъ ему двѣ бутылки хорошаго вина. Въ городѣ еще ничего не было извѣстно о пораженіи Наполеона. Французскіе мародеры, покрывавшіе всѣ дороги, тщательно скрывали истину, чтобы не уронить престижъ Наполеона. Извѣстіе о пріѣздѣ Коленкура показалось неправдоподобнымъ префекту, велѣвшему отвѣтить, что его нѣтъ дома. Когда затѣмъ ему вторично прислали приказаніе немедленно явиться, онъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло, послалъ для справокъ нѣкоего Вичковскаго; послѣдній встрѣтилъ на улицѣ офицера, по фамиліи Вансовичъ, какъ разъ направлявшагося къ префекту. Вансовичъ состоялъ при Наполеонѣ въ качествѣ переводчика и хорошо зналъ Лазоцкаго. Тщетно онъ уговаривалъ послѣдняго пойти представиться Коленкуру; префектъ отказывался, говоря, что не получилъ приказаній встрѣчать Коленкура. Тогда Вансовичъ раскрылъ Лазоцкому тайну, что подъ именемъ Коленкура скрывается самъ императоръ и что онъ приказываетъ ему явиться и послать въ Варшаву курьера съ распоряженіемъ, чтобы для него были приготовлены тридцать восемь лошадей, разставленныхъ смѣнами до самой столицы. Лазоцкій крайне удивился, наскоро одѣлся и поспѣшилъ на почту. Такъ какъ императоръ принималъ въ то время мѣстнаго коменданта и военнаго комиссара, ему пришлось ожидать въ передней комнатѣ, въ обществѣ дивизіоннаго генерала Лефевра, адъютантовъ и мамелюка Рустана.

Наконецъ, настоящій Коленкуръ ввелъ его къ «маленькому капралу». Въ тотъ день императоръ былъ въ

егерской формѣ, и на немъ не было другихъ орденовъ, кромѣ звѣзды съ крестомъ; онъ былъ выбритъ, и его бѣлье очень свѣжо, но костюмъ былъ поношенъ.

Префектъ подвинулся впередъ и остановился въ трехъ шагахъ отъ него. Императоръ отрывисто спросилъ у него о его фамиліи, происхожденіи и, вспомнивъ вдругъ о времени, ушедшемъ на его поиски, спросилъ, гдѣ его нашли. Лазоцкій рѣшилъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія при помощи лести и такимъ образомъ покончить всѣ недоразумѣнія. Онъ отвѣтилъ, не смущаясь:

— Меня нашли въ управленіи префектуры, гдѣ я распоряжался насчетъ конвоя для вашего величества и посылки курьера, чтобы въ различныхъ мѣстахъ были приготовлены лошади.

— Какъ, вы объявили о проѣздѣ императора?— спросилъ Наполеонъ.

— Нѣтъ, государь, я объявилъ о проѣздѣ оберъ-шталмейстера, и какъ разъ въ этотъ моментъ я узналъ, что подъ этимъ именемъ ѣдете вы. Вы видите меня совершенно смущеннымъ тѣмъ, что я представляюсь вамъ безъ мундира.

— А кто вамъ сказалъ обо мнѣ?— снова спросилъ императоръ.

Этотъ вопросъ далъ возможность снова прибѣгнуть къ лести, и префектъ не упустилъ представившагося случая.

— Государь, всѣ тѣ, кто приближался къ вашему величеству, немедленно узнавали васъ; и я самъ, никогда не видѣвши васъ, тѣмъ не менѣе узналъ васъ по портрету вашего величества, находящемуся въ каждомъ домѣ.

Лесть была принята милостиво. Императоръ улыбнулся и проявилъ очаровательное расположеніе духа. Разсматривая положеніе вещей съ военной точки зрѣнія, онъ понялъ значеніе ломжинской гвардіи, и узнавъ, что въ общемъ она плохо вооружена и снаряжена,

распорядился о доставленіи изъ Гродны оружія. Ломжа въ то время сильно пострадала отъ прохода войскъ. Что не попало въ руки французовъ, было взято казаками. Магазины были пусты, жители лишились своихъ лошадей и большей части скота. Нечего было привозить на рынокъ, у булочниковъ и рестораторовъ не было припасовъ, всѣ телѣги находились въ рукахъ солдатъ. Когда русскіе расположились бивакомъ въ трехъ лье отъ Ломжи, напуганные жители думали лишь о томъ, какъ бы спасти свое имущество и свою жизнь, убѣгая на Прусскую территорію, и даже не помышляли о защитѣ, опасаясь вызвать пожары и рѣзню.

Тщетно искали болѣе чѣмъ въ продолженіе получаса яицъ и хлѣба для императора, проголодавшагося и терявшаго терпѣніе. Наконецъ, явился Вансовичъ, съ гордостью принесшій двѣ бутылки мадеры, найденныя, по его словамъ, въ погребѣ префекта. Ихъ раскупорили; Наполеонъ выпилъ рюмку, налилъ другую, обмакнулъ въ ней крендель и спросилъ ѣсть.

Лазоцкій приказалъ приготовить у себя ужинъ, но отъ холода—тридцать градусовъ по Реомюру—живность и говядина промерзли. Наконецъ, нѣкто Верцбицкій сжалился надъ августѣйшимъ гостемъ города и прислалъ котлетъ; вскорѣ затѣмъ поваръ префекта приготовилъ теплый супъ, бифштексовъ, сосисокъ и каплуновъ. Наполеонъ пригласилъ Лефевра и Коленкура сѣсть рядомъ съ нимъ, и всѣ трое поѣли съ аппетитомъ. Рустанъ, не забывавшій себя, откладывалъ половину блюдъ въ сторону, приговаривая громко: «вотъ это для государя, а это для его любимца». Мамелюкъ, сынъ пустыни, переброшенный на западъ, онъ стряхнулъ съ себя мусульманскій фанатизмъ, привязался къ Наполеону и служилъ для него камердинеромъ и шутомъ. Онъ самъ называлъ себя любимцемъ Наполеона, умѣя соединять продѣлки клоуна съ восточной хитростью.

Когда ужинавшіе утолили свой голодъ, Рустанъ от-

ложилъ въ сторону жареного индюка, отставилъ бутылки съ недопитымъ виномъ и на замѣчанія, что это вино предназначено для императора, отвѣчалъ:

— Я моложе, чѣмъ мой государь, и болѣе нуждаюсь въ старомъ винѣ, чѣмъ онъ.

Лазоцкій возразилъ шутя:

— А что скажетъ Магометъ, увидѣвъ, что вы пьете вино?

— Онъ закроетъ глаза, — отвѣчалъ Рустанъ съ чисто восточной гримасой.

Послѣ трехчасового отдыха въ Ломжѣ Наполеонъ приказалъ готовиться къ отъѣзду и оставилъ на столѣ, въ видѣ платы, тридцать лундоровъ.

Обледенѣвшая дорога была скользка, луна освѣщала снѣгъ, небо было чисто. Аттила вѣка поднялся въ старую карету, установленную на старыя сани; усѣвшись въ ней, онъ наклонился къ Лазоцкому, чтобы поблагодарить его, и укутался въ зеленую бархатную шубу, подбитую великолѣпнымъ соболемъ и отдѣланную серебряными украшеніями. Рустанъ, кормѣ того, накрылъ его красною шинелью и уложилъ его ноги въ мѣховой мѣшокъ. По лѣвую сторону императора помѣстился оберъ-шталмейстеръ. У лошадей сталъ конвой изъ девяти департаментскихъ жандармовъ. Въ послѣдній разъ мелькнуло строгое выбритое лицо съ пронизывающими глазами. Тронулись въ Варшаву.

Въ другихъ саняхъ помѣстился Вансовичъ, а въ третьихъ генералъ Лефевръ и мамелюкъ, забившійся въ солому и повторявшій какъ бы машинально:

— Ну, поѣзжай же, ну!

Лазоцкій проводилъ императора до Мясткова, границы своего департамента. Тамъ онъ хотѣлъ откланяться Наполеону, но послѣдній крѣпко спалъ, и никто не осмѣлился разбудить его. Поэтому онъ попросилъ Вансовича извинить его передъ императоромъ и вернулся въ Ломжу, благодаря Бога, что удалось такъ легко отдѣлаться отъ великаго монарха. Извѣстія о

войнѣ съ русскими, распространявшіяся французами, были столь положительны, что самъ Лазоцкій былъ убѣжденъ, что видѣлъ передъ собой побѣдителя Александра. Такъ какъ сообщенія въ то время были крайне затруднительны, потребовалось много времени для того, чтобы истина стала извѣстною, а пока населеніе провинцій довѣрчиво взирало на звѣзду «корсиканца». Французы пользовались этимъ, разсказывали, что они побили русскихъ на берегахъ Березины, взяли въ плѣнъ девять тысячъ человѣкъ, захватили шесть знаменъ и двѣнадцать пушекъ. Всѣ радовались торжеству освободителя Польши. Самъ Наполеонъ, неизмѣнно спокойный, не обнаруживавшій ни огорченія, ни стыда, сдѣлалъ де-Прадту въ Варшавѣ слѣдующее признаніе:

Я сдѣлалъ двѣ ошибки: во-первыхъ, отправившись въ Москву, а затѣмъ оставшись тамъ слишкомъ долго; но отъ великаго до смѣшного лишь одинъ шагъ.

Н. К. Шильзеръ.

Послѣдніе два баталіона при Ватерлоо.

(Мольте. Париж. Салонъ.)

Конецъ Отечественной войны.

За недѣлю до прибытія русскихъ войскъ Вильна торжествовала побѣду, будто бы одержанную Наполеономъ надъ Чичаговымъ при Березинѣ, побѣду надъ графомъ Витгенштейномъ и взятіе крѣпости Риги. Радость была общая. Городъ былъ расцвѣченъ флагами, и вечеромъ зажжена была иллюминація. Строгая французская полиція не допускала никакихъ другихъ извѣстій, кромѣ тѣхъ, которыя были годны для правительства.

Наполеонъ, предупредивъ всѣ толки, проѣхалъ прежде, чѣмъ заговорили о немъ. Внезапное появленіе и исчезновеніе его такъ поразило всѣхъ, что въ городѣ не хотѣли вѣрить, что онъ дѣйствительно проѣхалъ.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября, черезъ нѣсколько дней послѣ переправы черезъ Березину, начались морозы, доходившіе до тридцати пяти градусовъ. Оружіе сдѣлалось тяжкимъ бременемъ для изнуренныхъ голодомъ, полузамерзшихъ солдатъ. Всѣ части войскъ смѣшались въ безпорядочную толпу, въ которой нельзя было отличить солдатъ отъ офицеровъ. Вереницы шедшихъ съ отмороженными лицами и руками, окутанные грязными рубищами, едва тащили ноги, обмотанныя одѣялами, мѣхами и чѣмъ попало. Золото и серебро потеряли всякую цѣну въ глазахъ несчастныхъ. Воины испытанной храбрости сдѣлались малодушными. Никто не думалъ о сопротивленіи. Всѣ искали спасенія въ бѣгствѣ и не могли бѣжать отъ истощенія силъ. Въ этихъ людяхъ, обреченныхъ на гибель, исчезло все человѣческое. Каждый изъ нихъ готовъ былъ убить одинъ другого за кусокъ хлѣба. Многіе зажигали дома только для того, чтобы погрѣться.

Появленіе въ Вильнѣ жалкихъ остатковъ войскъ Наполеона, въ числѣ которыхъ было не болѣе четырехъ тысячъ способныхъ сражаться, поразило удивленіемъ жителей города, которые не знали ничего положительнаго о неудачахъ Наполеона. Благодаря французскимъ бюллетенямъ, они считали отступленіе великой арміи только маневромъ. Предполагалось, что войска станутъ на зимнія квартиры, а весною двинутся къ Петербургу.

Въ Вильнѣ попрежнему оставались огромные магазины со всякими запасами, военная казна, около одиннадцати милліоновъ франковъ золотомъ. Никто не помышлялъ о вывозѣ ихъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда городъ внезапно наполнился безпорядочными толпами безоружныхъ, оборванныхъ людей, въ лоскутахъ и тряпкахъ. Жители встрѣтили ихъ насмѣшками и, опасаясь грабежа, поспѣшили запереться въ домахъ и лавкахъ.

Голодные солдаты бросились къ продовольственнымъ магазинамъ, и тутъ началась яростная свалка. Несмотря на изобиліе запасовъ, многимъ не удалось ничего получить отъ безпорядка въ раздачѣ. Тѣ, кто былъ въ силахъ, оставили городъ и пустились къ Ковно, уходя отъ казаковъ.

Около двухъ часовъ пополудни 27-го ноября въ Вильнѣ была уже слышна канонада подступавшихъ къ городу русскихъ войскъ. Наскоро составили отрядъ, подъ начальствомъ Нея, изъ остатковъ дивизіи Луазона и баварскаго корпуса Вреде. Первымъ ворвался въ Вильну партизанъ Сеславинъ. Но онъ былъ скоро тяжело раненъ и, не имѣя пѣхоты, былъ оттѣсненъ въ поле. Между тѣмъ подошли другіе русскіе отряды и къ вечеру обложили Вильну.

При первой тревогѣ Мюратъ, которому Наполеонъ, бросивъ армію, поручилъ верховное управленіе ею,— ушелъ со всѣмъ штабомъ въ кофейный домъ на Погу-

лянкѣ. Остатки гвардіи, числомъ до полуторы тысячи человѣкъ, расположились около Ковенской заставы. Вечеромъ Мюратъ извѣстилъ Нея и нѣкоторыхъ польскихъ сановниковъ, оставшихся въ Вильнѣ, что онъ на слѣдующій день очиститъ городъ. Тогда же было предписано прикрыть отступленіе изъ Вильны одиночныхъ людей и обозовъ, отправить артиллерію и казну, взорвать всѣ зарядныя фуры, которыхъ нельзя было увезти, и изломать ружья. Графъ Дарю получилъ приказаніе выслать казну и все, что можно, въ Ковно. Ночью, безъ всякихъ формальностей, отрядамъ раздавали провіантъ, одежду, обувь. Всякій бралъ, что хотѣлъ, и сколько могъ унести. Солдаты развели огонь на улицахъ и грѣлись у костровъ. Площадь городской ратуши, загроможденная фурами, грудами негодныхъ вещей, казалась адомъ. Среди пламени и искръ, летѣвшихъ въ мрачное небо, видѣлись на мерзлой, затоптанной, обугленной землѣ тысячи разлегшихся, заново обмундированныхъ солдатъ, около которыхъ корчились жалкіе полунагіе оборванцы съ изможденными лицами. Это были ослабѣвшіе больные и раненые ихъ товарищи, о которыхъ не стоило болѣе заботиться.

Въ продолженіе всей ночи на дворѣ университета жгли императорскіе экипажи, мебель и всякіе громоздскіе предметы.

На другой день разнеслась вѣсть, что русскіе уже въ городѣ. Въ одиннадцать часовъ утра раздался крикъ «ура», и по высокимъ шапкамъ и длиннымъ острымъ пикамъ жители узнали казаковъ, мчавшихся по улицамъ...

...Потрясающія картины представлялись тогда на каждомъ шагу. Прислонясь къ заборамъ, сидѣли застывшіе трупы съ бѣлыми, какъ снѣгъ, лицами. Ихъ неподвижность наводила страхъ. Передъ домами жгли навозныя кучи для того, чтобы очистить зловонный воздухъ. Оборванные мужчины, женщины и дѣти тѣ-

сплились вокругъ нихъ, протягивая къ огню исхудалыя, черныя отъ дыма, руки. Въ ихъ земляного цвѣта лицахъ рѣзко выдѣлялись огромные, вращающіеся бѣлки. Иные, потушивъ пламя, разрывали окоченѣвшими пальцами навозъ и, выбирая отвратительные остатки, утоляли свой неистовый голодъ. Несчастье этихъ страдальцевъ подавило въ нихъ сознаніе самаго ихъ существованія. На берегу Вили отсталые развели на бревнахъ огонь. Въ непреодолимой апатіи они сѣли вокругъ костра и такъ сгорѣли.

Вереницы конныхъ и пѣшихъ солдатъ въ безпорядкѣ тянулись по улицамъ. Изможденныя лошади шатаясь тащили фуры и тележки. Сзади тянулись толпы безоружныхъ.

Человѣкъ въ коричневомъ сюртукѣ, обросшій огромной мохнатой бородой, верхомъ на сѣрой лошади, гнѣвно крича на солдатъ, приказывалъ палками гнать изъ города отсталыхъ. Но всѣ усилія его были тщетны. Мародеры разбѣгались и прятались. Схваченные упирались и отказывались итти. Это былъ Неи, начальникъ арьергарда, послѣдній изъ маршаловъ, оставлявшій русскую землю, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, какъ называли его.

Начинало свѣтать. Поля, засыпанныя снѣгомъ, имѣли мрачный видъ. Дорога становилась круче. Изможденныя лошади, которыхъ французы не умѣли ковать на острые шипы, скользили и падали на каждомъ шагу. Далѣе путь шелъ вверхъ, по крутому склону.

Это была Понарская гора. Здѣсь, полгода назадъ, въ тихое прекрасное лѣтнее утро, подъ яркимъ солнцемъ и сіяющимъ глубокой синевой небомъ, среди зелени и цвѣтовъ, пышная депутація отъ города Вильны подносила Наполеону городскіе ключи. При громѣ трубъ и литавръ онъ благосклонно принялъ ихъ.

Но теперь какъ все измѣнилось. Подъ ледянымъ дыханіемъ зимы поля и рощи покрылись бѣлымъ са-

ваномъ. Солнце скрылось въ тучахъ — слава завоевателя померкла.

И какой рѣзкій контрастъ представляли эти изможденные, робкіе люди съ тѣми веселыми, нарядными, щегольски-воинственными войсками, которыя такъ смѣло и свободно вступали въ варварскую землю!

Голова походной колонны остановилась. Сзади подошли другія части и сбились въ кучу. Вдругъ пронесся полный отчаянія крикъ: «казаки, казаки!»

Въ толпѣ произошло движеніе. Передніе полѣзли на гору. Сзади послышались выстрѣлы. Ней поставилъ всѣхъ, имѣвшихъ оружіе, въ небольшихъ колоннахъ у подножія Понарской горы. На дорогѣ среди обоза показался дымъ, и вспыхнуло пламя. То обозная прислуга, получивъ приказаніе жечь повозки, стала зажигать ихъ и вьючить на выпряженныхъ лошадей казну и цѣнныя вещи.

По бѣлому полю скакали маленькіе черные всадники, число которыхъ все увеличивалось. Вотъ они остановились. Изъ кучи ихъ блеснули огни, и загремѣли пушечные выстрѣлы. Снаряды свистя пролетѣли надъ головой французовъ. Безпорядокъ усилился. Мюратъ со своей свитой, взобравшись на гору, умчался по Ковенской дорогѣ. Ней собралъ свой отрядъ и отступилъ. При обозѣ осталось не болѣе сотни вооруженныхъ французовъ.

Мародеры и фурлейты, въ безумномъ ослѣпленіи, забывъ объ опасности, бросились на фуры и разбили бочонки съ золотомъ. Хватая пригоршнями золотыя и серебряныя монеты, одни набивали ими сумки, насыпали карманы и шапки и бѣжали въ лѣсъ; другіе, распоровъ чемоданы, вытаскивали оттуда шитые золотомъ маршальскіе мундиры и богатые мѣха, третьи, найдя съѣстные припасы, набрасывались на нихъ съ животной яростью и, упавъ въ борьбѣ, продолжали, лежа на землѣ, пожирать схваченную пищу.

Небольшой отрядъ, оставшійся при обозѣ, окружалъ вьюки. Въ это время въ разныхъ мѣстахъ раздалось гиканье, и казаки бросились съ пиками наперевѣсъ въ атаку. Переколовъ половину обозной прислуги, они устремились было на конвой, но, замѣтивъ въ фурахъ брошенное золото, увязывали въ торока дорогія одежды и вещи.

Началась неописанная суматоха. Пользуясь этимъ,

Отступленіе двухъ послѣднихъ батальоновъ при Ватерлоо.

(Мольте. Париж. Салонъ.)

конвой съ вьюками взобрался на гору. Тутъ другой казачій отрядъ ударилъ на него.

Изъ офицеровъ въ живыхъ остался одинъ Мелье. Собравъ храбрѣйшихъ, онъ отразилъ казаковъ и поспѣшно присоединился къ отряду Нея.

Такъ кончился кровавый эпизодъ на Понарскихъ горахъ, гдѣ изъ всей казны, простиравшейся до одиннадцати милліоновъ, было расхищено семь милліоновъ. Кромѣ того донцы Платова захватили два знамени и больше тысячи человѣкъ плѣнныхъ.

29-го ноября Кутузовъ въѣхалъ въ Вильну, гдѣ былъ уже два раза военнымъ генералъ-губернаторомъ. Жители встрѣтили его съ ликованіемъ. Польскія дамы махали ему платками. Городъ расцвѣтился русскими флагами.

Генералы и офицеры ожидали фельдмаршала у замка, гдѣ тотъ долженъ былъ остановиться. Чичаговъ въ флотскомъ мундирѣ, съ кортикомъ, держа подъ мышкой фуражку, подалъ ему рапортъ и ключи отъ города. Оба они встрѣтились съ холодной вѣжливостью, которой прикрывалась обоюдная враждебность.

Кутузовъ не пользовался расположеніемъ штабныхъ и военной молодежи, называвшей его выжившимъ изъ ума старикомъ, и осуждалъ бездѣйствіе Чичагова, благодаря чему тотъ упустилъ Наполеона при Березинѣ. Чичаговъ зналъ это и въ свою очередь порицалъ Кутузова за нерѣшительныя будто бы дѣйствія противъ турокъ, Наполеона и всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло, что тоже было извѣстно Кутузову.

Въ Вильнѣ онъ остановилъ большую часть войскъ противъ воли государя, такъ какъ считалъ, что война окончена.

Въ тотъ же день, между прочимъ, призвавъ директора театра, Матвѣя Кажинскаго, фельдмаршалъ сказалъ ему:

— Знаю, что ярый поклонникъ Наполеона и вѣнчалъ его бюстъ на сценѣ лавровымъ вѣнкомъ при чтеніи похвальныхъ одъ, блескѣ бенгальскихъ огней и пѣніи торжественныхъ кантатъ. Но теперь, братъ, обстоятельства перемѣнились, и я на-дняхъ побываю у тебя въ театрѣ.

5-го декабря, въ два часа пополудни, вступила, наконецъ, въ Вильну и гвардія подъ предводительствомъ государя цесаревича. Войска эти вошли въ городъ съ музыкой и проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо Кутузова. «Ура» раздавалось всюду.

Стеченіе народа было чрезвычайное. На всѣхъ лицахъ блистали искреннія радость и душевное удовольствіе. Военноплѣнныхъ выставили тутъ же, нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Вечеромъ въ театрѣ былъ данъ спектакль, на которомъ была представлена опера «Добрый панъ». Послѣ спектакля, на которомъ присутствовалъ Кутузовъ, выставлена была на сценѣ прозрачная картина съ изображеніемъ побѣдоноснаго фельдмаршала и съ надписью: «Избавителю отечества». Надъ изображеніемъ былъ представленъ парящій орелъ, который держалъ вѣнзель государя Александра. Нѣтые при сей великолѣпной сценѣ стихи приняты были публикой съ оживленнымъ восторгомъ и рукоплесканіями. Привѣтственная ода эта было сочинена профессоромъ Словацкимъ.

Польскіе магнаты одинъ за другимъ, наперерывъ, стали давать Кутузову балы. Развлекаясь этими праздествами, онъ, однако, принималъ мѣры, чтобы очистить городъ отъ труповъ и возстановить должный порядокъ.

Но всѣмъ больницамъ и занятымъ подъ лазареты домамъ кучами лежали разлагающіяся тѣла умершихъ. Кутузовъ учредилъ госпитальную комиссію и назначилъ особыхъ комиссаровъ для усиленія санитарнаго надзора.

Вотъ что передавали очевидцы объ этихъ страшныхъ дняхъ гибели послѣднихъ остатковъ великой арміи.

На Хотокольскомъ предмѣстьѣ было зарыто пять тысячъ жертвъ холода и лишеній. Болѣе пяти тысячъ труповъ было собрано изъ госпиталей и сожжено на кострахъ. Изъ погребовъ и подваловъ частныхъ домовъ десятками вытаскивали мерзлыя тѣла и сваливали ихъ за заставы. Повсюду въ предмѣстьяхъ лежали груды умершихъ. Едва успѣвали убирать ихъ. Стаи разъяренныхъ собакъ кидались на могильщиковъ, нарушавшихъ ихъ отвратительное пиршество. Трупы засыпали въ

снѣгъ, спускали въ проруби въ Вилію, свозили въ овраги. Число ихъ превышало двадцать тысячъ. Но самыя потрясающія сцены происходили въ госпиталяхъ среди томившихся въ агоніи раненыхъ и трудно больныхъ...

Государь выѣхалъ изъ Петербурга 7-го декабря со своей свитой: графомъ Толстымъ, княземъ Волконскимъ, Аракчеевымъ, лейбъ-медикомъ Вилье и други-

„Sic transit gloria mundi". (*W. Kossak.*)

ми. Черезъ пять дней онъ прибылъ въ Вильну и въ дорожныхъ саняхъ въ пятомъ часу дня прямо подъѣхалъ къ замку. Тутъ, несмотря на сильный морозъ, собралось больше ста офицеровъ и генераловъ въ полной парадной формѣ. Почетный карауль былъ выставленъ отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Курьеръ, скакавшій впереди, прокричалъ: «государь ѣдетъ!»

Кутузовъ, толстый, больной, съ шарфомъ на грузномъ брюхѣ, со всѣми орденами на груди, вышелъ на

крыльцо. Желтое, пухлое лицо его имѣло озабоченный видъ. Всѣ черты его были крупны и неправильны: большой мясистый носъ, широкій ротъ, плоскія жирныя уши. Онъ былъ кривъ на одинъ глазъ, но другой зорко блестѣлъ подъ клочковатой сѣдой бровью.

Государь подъѣхалъ и вышелъ изъ саней. Кутузовъ, вытянувшись, подалъ рапортъ и сталъ говорить тихимъ голосомъ. Государь быстрымъ взглядомъ окинулъ Кутузова, на мгновеніе нахмурился, но тотчасъ подошелъ и обнялъ стараго фельдмаршала. На лицѣ Кутузова показались слезы. Государь поздоровался съ офицерами, почетнымъ карауломъ, пожалъ еще разъ руку Кутузова и пошелъ съ нимъ въ замокъ.

Войдя въ кабинетъ, государь высказалъ фельдмаршалу неудовольствіе за медленность преслѣдованія, за ошибки въ Красномъ и на Березинѣ и сообщилъ свои соображенія о походѣ за границу. Кутузовъ не дѣлалъ ни замѣчаній, ни возраженій, съ равнодушнымъ усталымъ видомъ внимая государю.

Когда онъ вышелъ изъ кабинета, графъ Толстой поднесъ ему отъ имени государя Георгіевскій крестъ первой степени за оконченную кампанію.

Въ тотъ же день, 11-го декабря, императоръ сдѣлалъ распоряженіе о переходѣ русскихъ войскъ за границу.

На другой день у фельдмаршала былъ обѣдъ и балъ, на которомъ присутствовалъ государь. Кутузову оказывались всевозможныя почести, но всякій зналъ, что его отставка рѣшена. Когда Кутузовъ, по старому обычаю екатерининскихъ временъ, при входѣ въ бальную залу, велѣлъ повергнуть къ его ногамъ взятыя знамена, государь поморщился и проговорилъ, какъ показалось окружающимъ:

— Старый комедіантъ.

На слѣдующій день государь сказалъ собравшимся у него генераламъ:

— Вы спасли не одну Россію: вы спасли Европу.

Плѣнникъ.

(Парижск. салонъ.)

И всякій понялъ, что война далеко не кончена. Но Кутузовъ не хотѣлъ понимать этого и открыто говорилъ, что новая война тяжело отразится на государствѣ. Онъ старался доказать всю трудность новаго набора, указывалъ на истощеніе средствъ, говоря, что къ тому же новый походъ въ лучшемъ исходѣ принесетъ лишь нѣкоторую славу русскому оружію, которую не стоитъ покупать столь дорогой цѣной. При такомъ положеніи вещей онъ представлялся препятствіемъ, которое слѣдовало удалить. Но онъ вскорѣ умеръ.

По очищеніи Вильны непріятель бѣжалъ въ Ковно. Для обороны города, снабженнаго обширными складами, оставленъ былъ 1-го декабря арьергардъ Нея, состоящій изъ нѣсколькихъ сотъ только что набранныхъ нѣмецкихъ солдатъ. 2-го декабря подошли въ Ковно казаки Платова и послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ изъ пушекъ принудили новобранцевъ Нея бѣжать.

Изъ 380.000 главной массы французской арміи, перешедшей въ Ковно русскую границу 12-го іюня, возвратилось черезъ нее въ началѣ декабря лишь четыреста человѣкъ старой гвардіи и шестьсотъ человѣкъ гвардейской кавалеріи съ 9 орудіями и около двадцати тысячъ безоружныхъ.

Въ половинѣ декабря ни одного вооруженнаго непріятельскаго солдата не оставалось болѣе въ Россіи. Великое рѣшеніе царя и народа исполнилось.

А. И. Леманъ.

Наполеонъ на Эльбѣ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догарала,
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина;
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
Туманная луна;
Уже на западѣ сѣдой, одѣтый мглою,

Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ;
Одинъ во тьмѣ ночной надъ дикою скалой
Сидѣлъ Наполеонъ.
Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ
И, къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Свирѣпо прошепталъ:
„Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой.
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полонъ...
О, скоро ли, напѣнясь подъ рулями,
Меня помчитъ покорная волна,
И спящихъ водъ прервется тишина?
Волнуйся, ночь, надъ эльбскими скалами,
Мрачнѣй томись за тучами, луна!..
Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины;
Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!
Ужъ міръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины
И гряну вновь погибельной грозой!
И вспыхнетъ брань! За галльскими орлами,
Съ мечомъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ,
И троны въ прахъ низвергну я громами,
И сокрушу Европы дивный щитъ!..
Но вкругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой—
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О, счастье! злобный обольститель!
И ты какъ сладкій сонъ сокрылось отъ очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И вѣрный пѣстунъ съ юныхъ дней!

Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
Въ вѣнцахъ лавровое чело?
Давно ли съ трепетомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вкругъ меня,
И слава въ блескѣ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?
Но туча грозная нависла надъ Москвою,
И грянулъ мести громъ!
Полночи царь младой, ты двинулъ ополченья—
И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ.
Отозвалось могущаго паденье,
И миръ землѣ, и радость небесамъ,
А мнѣ—позоръ и заточенье!
И раздробленъ мой звонкій щитъ,
Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,
Въ прибрежномъ злакѣ мечъ забытъ
И тускнетъ на туманѣ.
И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье,
И стукъ блистающихъ мечей,
И падшихъ ярое стенанье.
Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадный слухъ;
Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
Вражды кровавой гаснутъ громы,
И факелъ мщенія потухъ.
Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая!
Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
Кругомъ простерта мгла густая,
И, взоромъ гибели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.
Страшись, о, Галлія! Европа, мщенье, мщенье,
Рыдай! твой бичъ возсталъ—и все падетъ во прахъ.

Все сгибнетъ—и тогда, въ всеобщемъ разрушеньѣ,
Царемъ возсяду на гробахъ!“
Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
Дрожащій слабый свѣтъ на западъ изливалъ,
Восточная звѣзда играла въ океанѣ,
И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ
Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ.
И Галлія тебя, о, хищникъ, осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законные цари.
Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла
Лицо пылающей зари;
Простерлась тишина надъ бездною сѣдою,
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смолкло... трепещи! Погибель надъ тобою,
И жребій твой еще сокрытъ!

Пушкинъ.

На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!.. Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впереди знаменъ, безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости, вѣчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ, и, брошенный судьбою,

Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжитъ—и мести громъ слетѣлъ ему во слѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей, и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!.
Къ мечамъ!—раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
Знамена, восшумѣвъ, по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку.
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталъ, безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ.
Сыны Бородина, о, кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ.
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утро не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И, челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали

И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
„Ужель свободны мы?.. Ужели грозный палъ?..
Кто смѣлый, кто въ громахъ на сѣверѣ возсталъ?“...
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!
И нынѣ ты къ сынамъ, о, царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
Но стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи Божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о, русскій царь, оставь же шлемъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу,
Излей предъ янусомъ священну мира чашу
И, брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!..
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся,
И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ—и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними;

Словами истины, свободными, простыми
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ.
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

Пушкинъ.

Св. Елена.

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокій,
Гдѣ часто, въ думу погруженъ,
На берегу, о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ!
Сынъ моря, средь морей твоя могила!
Вотъ мщеніе за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.
Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ—безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный—но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря, мимо насъ.
Онъ міру чуждъ былъ; все въ немъ было тайной,
День возвышенья—и паденья часъ!

Лермонтовъ.

Послѣднее новоселье.

Межъ тѣмъ какъ Франція среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій,
Въ изгнаньи мрачномъ и цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,

Гордится, прошлое забывъ,—
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе ихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча;
Ты погибалъ... и онъ явился—съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И призванъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ,
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.

А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина ему вы измѣнили
И какъ рабы вы предали его!
Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,

Смерть Наполеона на островѣ св. Елены.

(Штейнберга.)

ОМСКАЯ ИСПАРТ... БИБЛИО...

И вамъ оставилъ онъ въ залогъ родного сына—
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ,
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ—
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой...
Но годы протекли,—и вѣтреное племя
Кричитъ: „Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ! его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!“
И возвратился онъ на родину.—Безумно,
Какъ прежде, вкругъ его тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Остатки тлѣнные кладутъ,
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И, краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!
И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ—спокойствія и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

Лермонтовъ.

Ночной смотръ.

(изъ щедлица.)

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту;
И маршалы ѣдутъ за нимъ,

И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И арміи честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И *Франція* — тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ — *Святая Елена*.
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

Воздушный корабль.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему нипочемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника сына
И старую гвардію онъ.

И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,

Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры —
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили—
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына–
Опору въ превратной судьбѣ,
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ.

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Лермонтовъ. А